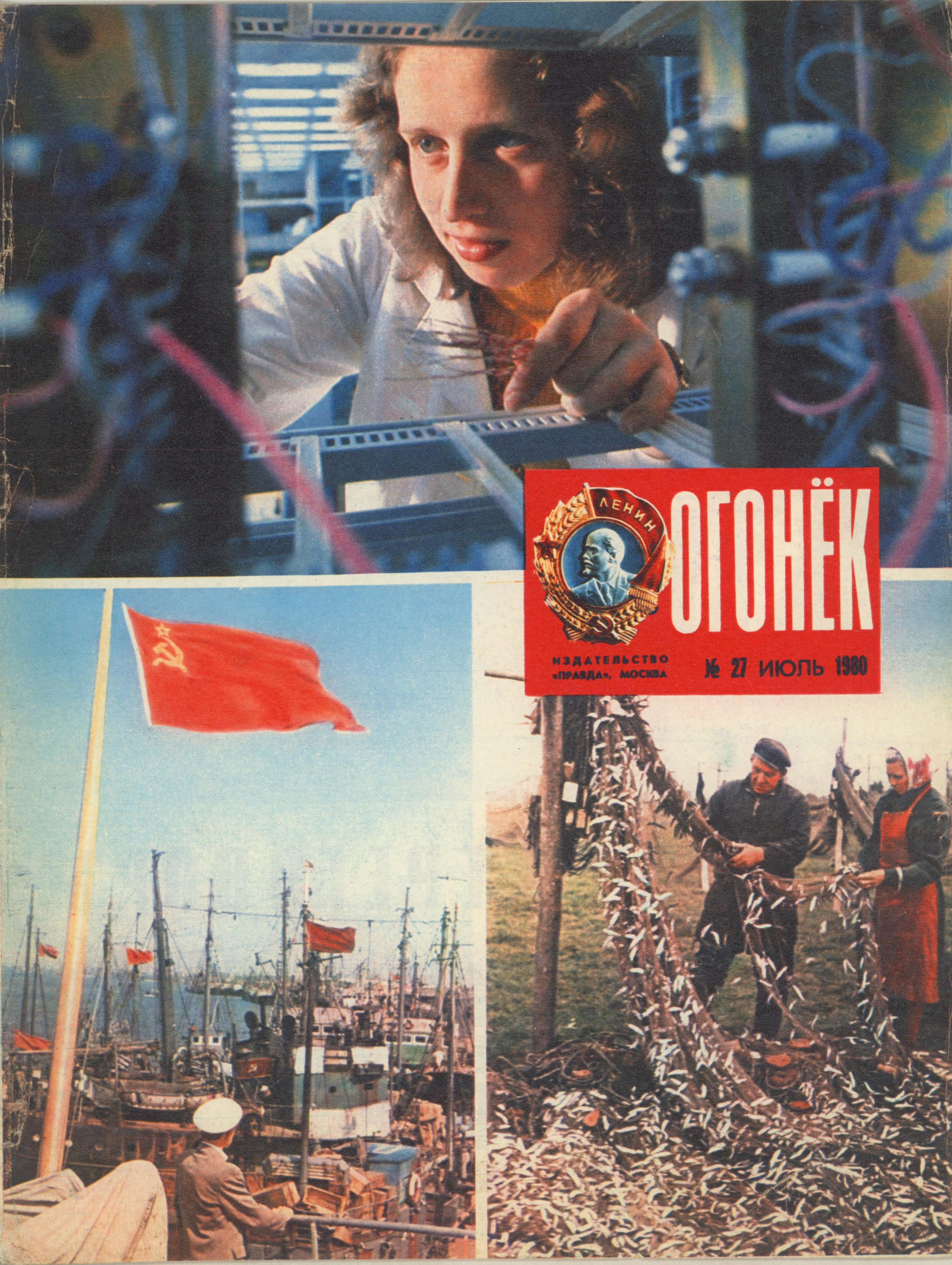

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1980

Встреча на аэродроме.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2764)

5 ИЮЛЯ 1980

ПЕРЕГОВОРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ФРГ

■

По приглашению советского руководства 30 июня в Москву прибыли Федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Шмидт и заместитель Федерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер.

На Внуковском аэродроме гостей встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

30 июня в Кремле начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Федеральным канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом и заместителем Федерального канцлера, Федеральным министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером.

Состоялся откровенный и углубленный обмен мнениями по ключевым вопросам современного международного положения, а также по вопросам двусторонних отношений между СССР и ФРГ.

Л. И. Брежнев отметил последовательный характер советской внешней политики, направленной на обеспечение всеобщего мира и безопасности, на сохранение разрядки в качестве ведущей тенденции международного развития также в 80-е годы. Он высказался за неуклонное продолжение процесса, начатого Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, за осуществление дальнейших шагов с целью укрепления доверия и взаимопонимания между государствами, подписавшими Заключительный акт. Л. И. Брежнев остановился на вопросах, относящихся к созыву конференции по военной разрядке и разоружению, которая могла бы стать важным этапом в упрочении мира на европейском континенте.

Говоря о венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, он подтвердил твердое стремление Советского Союза добиваться таких урегулирований, которые отвечали бы принципу ненанесения ущерба безопасности какой-либо из сторон. С советской стороны была выражена готовность сделать все от нее зависящее, чтобы переговоры в Вене проходили более активно и конструктивно.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что существующие в определенных кругах Запада представления о событиях вокруг Афганистана исходят не из фактов, а из предвзятого отношения к этим событиям. Обстоятельства же складывались таким образом, что Советский Союз не мог отказать в помощи дружественной соседней стране в момент, когда возникла угроза ее независимости.

Л. И. Брежнев высказался за политическое урегулирование в связи с Афганистаном на основе соответствующих предложений афганского правительства. В контексте политического урегулирования, о котором идет речь, будет решаться вопрос о выводе советских войск из Афганистана.

Г. Шмидт отметил, что правительство ФРГ хотело бы не допустить эскалации международной напряженности, распространения ее на новые сферы и районы. Он говорил, что продолжение политики разрядки также остается важной целью правительства ФРГ, и высказывался за сохранение контактов и продолжение диалога с целью расширения рамок сотрудничества между Западом и Востоком.

Федеральный канцлер выражал намерение ФРГ способствовать достижению прогресса в деле разоружения. ФРГ, сказал он, заинтересована в ратификации Договора ОСВ-2, а также в обеспечении успеха венских переговоров.

Стороны изложили свои соображения и оценки в связи с положением в отдельных районах мира.

Было подтверждено намерение обеих сторон продолжать взаимное сотрудничество в различных областях, сохраняя верность московскому договору 1970 года, совместной декларации от 6 мая 1978 года, экономическим соглашениям и договоренностям в других областях.

В переговорах принимали участие с советской стороны: заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, посол СССР в ФРГ В. С. Семенов, члены коллегии МИД СССР А. П. Бондаренко и Ю. Н. Черняков;

со стороны ФРГ: статс-секретарь ведомства печати и информации федерального правительства К. Беллинг, статс-секретарь МИД ФРГ Г. ван Вель, посол ФРГ в СССР Г.-Г. Вик, заведующий отделом международных связей и безопасности ведомства Федерального канцлера Б. фон Штаден, заведующий отделом экономики, финансов и социальных вопросов ведомства Федерального канцлера Х. Шульман.

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь Федерального канцлера Федеративной Республики Германии Гельмута Шмидта.

Вместе с Федеральным канцлером были заместитель Федерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, посол ФРГ в СССР Г.-Г. Вик, другие официальные лица.

С советской стороны были Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели государственных комитетов СССР, другие официальные лица.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью.

С ответной речью выступил Федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Г. Шмидт.

Речи Л. И. Брежнева и Г. Шмидта были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Обед прошел в дружественной обстановке.

Во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В обстановке огромного патриотического подъема, вызванного решениями июньского Пленума ЦК КПСС, докладом на нем товарища Л. И. Брежнева, проходила третья сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. 25 июня завершилась ее работа.

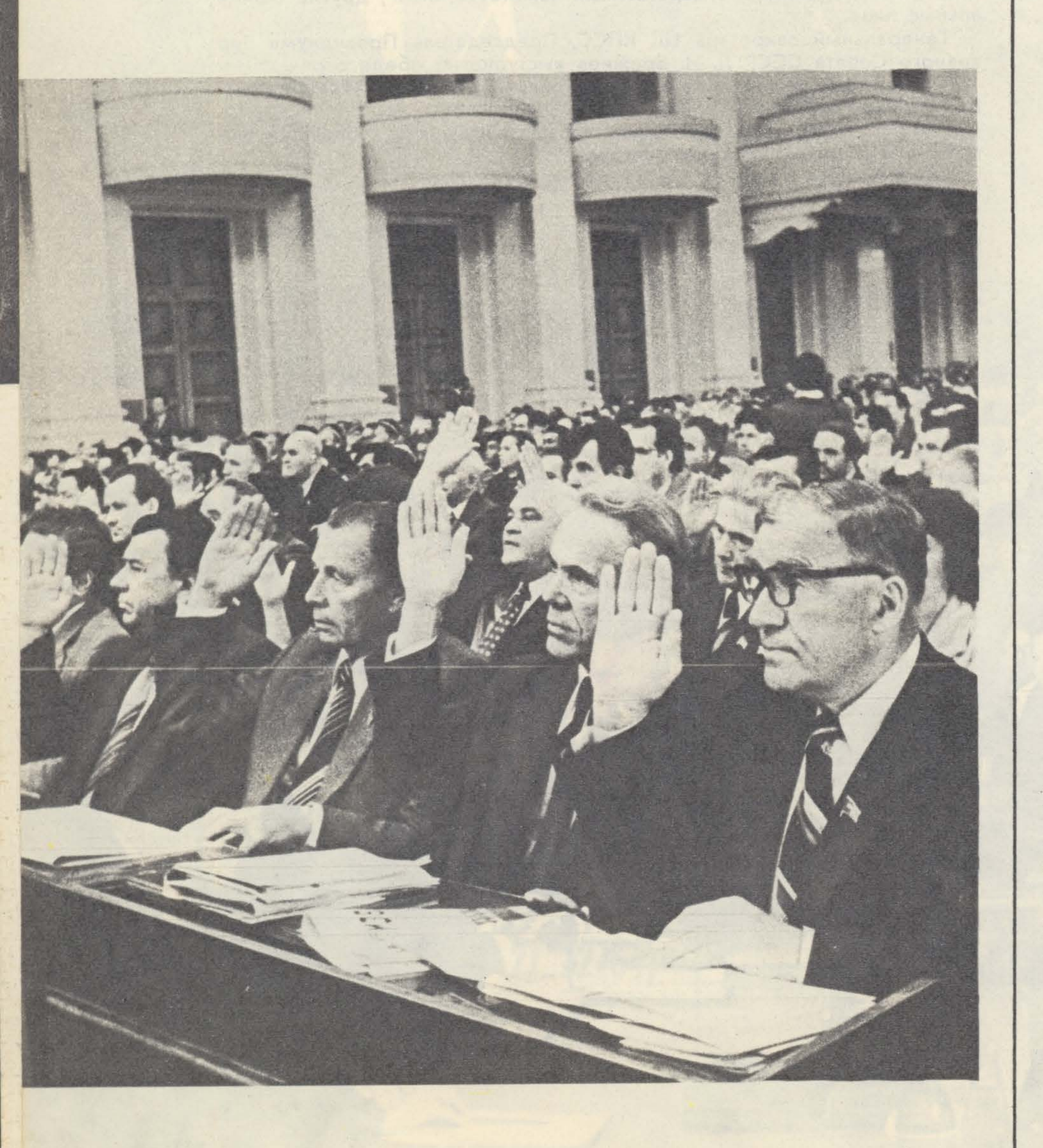
Верховный Совет СССР обсудил важные вопросы государственной жизни и единогласно принял ряд законов:

Закон СССР об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов и постановление о порядке введения этого Закона в действие;

Закон СССР об охране атмосферного воздуха, Закон СССР об охране и использовании животного мира и постановления о порядке введения этих законов в действие.

Москва, Кремль, 25 июня 1980 года. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото А. Гостева

ПОСЕЩЕНИЕ РУК ОЛИМПИЙСКИХ

25 июня товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков посетили новые спортивные сооружения Москвы, на которых пройдут соревнования Игр XXII Олимпиады.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства осмотрели на проспекте Мира крытый стадион и бассейн спортивного комплекса «Олимпийский» — крупнейшего в Европе. Во время Игр на стадионе состоятся состязания по боксу и баскетболу, а в бассейне — по плаванию, прыжкам в воду и водному поло.

Строители комплекса сердечно приветствовали руководителей партии и государства. Они вручили им букеты цветов.

Затем члены Политбюро ЦК

Фото А. ГОСТЕВА

ОВОДИТЕЛЯМИ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА
СООРУЖЕНИЙ МОСКВЫ

КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС посетили Олимпийскую деревню, где созданы все условия для тренировок и отдыха участников Игр. Они побывали в комнатах, в которых будут жить спортсмены и тренеры, в центре общественного питания, спортивном комплексе. После Олимпиады в этом новом микрорайоне на юго-западе столицы справят новоселья тысячи москвичей.

Товарищ Л. И. Брежнев расписался в Книге почетных посетителей Олимпийской деревни.

Леониду Ильичу был вручен памятный сувенир — олимпийский Мишка в каске строителя, выполненный мастерами Дулевского фарфорового завода.

Руководители партии и государства ознакомились также с новым спортивным центром в Крылатском. Они осмотрели гребной канал, крытый велотрек, стадион для стрелков из лука, трассу велосипедистов-шоссейников. Участники сооружения спортцентра подарили Леониду Ильичу каску олимпийского строителя. Товарищ Брежнев расписался в Книге почетных гостей.

Пояснения давал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК партии В. В. Гришин.

Товарищ Л. И. Брежнев, другие партийные и государственные деятели страны беседовали со строителями, председателем Оргкомитета «Олимпиада-80», заместителем Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиковым, руководителями исполкома Моссовета, проектных и архитектурных учреждений столицы, интересовались архитектурными и инженерными решениями, ходом подготовки к олимпийским соревнованиям.

Руководители КПСС и Советского государства дали высокую оценку сооружениям, отвечающим всем требованиям Олимпийской хартии и Международного олимпийского комитета. Они выразили уверенность, что Игры XXII Олимпиады в Москве пройдут успешно, будут способствовать дальнейшему развитию олимпийского движения, укреплению дружбы между народами, мира во всем мире.

В руках у секретаря комсомольской организации цеха Т. Поляковой — один из пятисот видов продукции завода «Автоприбор».

Токарь-расточник цеха № 11 В. Щербатов.

Б. СМИРНОВ,
фото А. КОЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

Несколько лет тому назад я ездил на экскурсионном автобусе по Владимиру. После старинных соборов, церквей и исторических памятников древнего города нам предстало железобетонное серое здание современной коробчатой формы, в несколько рядов опоясанное лентами окон. «Это завод «Автоприбор»,— объяснила экскурсовод,— тоже достопримечательность города. С него начиналась в 1929 году история развития советских промышленных предприятий во Владимире. Между прочим, весь приборный щиток нашего автобуса собран вот здесь, на этом заводе. Все, что движется на колесах и на гусеницах, оборудовано приборами с этого завода. На самых первых наших автомобилях, которые начали выпускаться в Горьком, стояли сделанные здесь приборы. Представьте себе треугольник: Москва — Горький — Ярославль, в каждом из этих городов тогда создавались автомобильные заводы. И вот где-то почти на одинаковом расстоянии от них — Владимир, который должен поставлять развивающейся автомобильной промышленности страны точные приборы...»

Потом, после экскурсии, мне казалось: услышал и забыл. Но все вспомнилось, как только я снова увидел эти заводские корпуса. И решил, что командировка привела меня сюда вновь не случайно: должно быть, закономерно, что предприятие — первенец городской промышленности — и сейчас все так же задает тон в рабочем настроении большого индустриального центра. Об этом можно было судить сразу, даже не ступая на заводскую территорию: всего день-два назад закончился Пленум ЦК КПСС, а у проходной уже был выставлен огром-

Н. Г. Герасимова (крайняя справа) со сборщицами своей бригады.

РУДА

ный красочный щит, на котором сообщалось об обязательстве автоприборовцев достойно встретить предстоящий, XXVI съезд КПСС.

— Сделать транспарант за день не проблема!— улыбается секретарь партийной организации завода Вячеслав Николаевич Журикин.— А вот к тому, чтобы взять на себя новые, повышенные обязательства, коллектив готовился, конечно, заранее. Верно будет сказать, что вся история нашего завода — это и есть подготовка к новому взлету. В том и смысл рабочих обязательств, что они как бы подытоживают, обобщают все предыдущие наши усилия, они как созревший плод на древе труда. Ведь иначе обязательства — лишь слова на бумаге.

— Но все-таки вначале должно быть слово!— в тон ему продолжал и я.— Так кто же у вас первым это слово о новых обязательствах произнес?

— С удовольствием познакомлю. Есть у нас цех, который стал инициатором соревнования за достойную встречу очередного партийного съезда. Там работает Наталья Григорьевна Герасимова, наш ветеран труда, председатель совета наставников...

Было время обеденного перерыва. Пока мы шли по пролетам к цеху, откуда-то из глубины здания волнами наплывала на нас негромкая приятная музыка. Ветер трепетал в легких занавесках, косыми полосами врывались в раскрытые окна цехов солнечные лучи, и все вокруг — летний воздух, зелень на подоконниках, белые халаты девушек, смех — словно говорило о каком-то вот-вот готовом начаться празднике. Но по календарю праздника не предвиделось, и я знал уже, что вся эта будоражащая, несковывающая атмосфера цехов — результат тщательно продуманных заводских, выражаясь скучным языком, мероприятий. Производство сложное, работа монотонная, кропотливая, а настроение должно быть легким!— так примерно сформулировали мне эту проблему. Что же, без такого важного слагаемого сегодня успеха уже не добьешься.

Вот и Наталья Григорьевна: пока говорила, с лица ее не сходила улыбка. Вроде ничего такого смешного в ее словах — просто это была все та же легкость, которая идет от сознания хорошо выполненного дела, от какой-то внутренней гармонии в твоем настроении, твоей работе и во всем, что происходит вокруг тебя.

— Конечно, мы заранее знали о том, что к съезду будем брать новые обязательства. А перед этим год складывался нелегко, сами понимаете, напряженная программа, вахты, высокие требования — пятилетку ведь заканчивали! Обязались досрочно ее завершить — завершили! Даже на один день раньше, чем намечали: в обязательстве цеха записано 1 июня 1980 года, а 30 мая мы уже рапортовали о выполнении пятилетнего плана и социалистических обязательств. И вот на днях на партийном собрании цех обязался: до конца года дать сверхплановой продукции еще на 3 миллиона 887 тысяч рублей. Вызвали на соцсоревнование восьмой и шестнадцатый цеха, чтобы, значит, наш почин поддержали.

— Ну и как, поддержали?

— Вот будет у них собрание — конечно, поддержат! Ведь мы одна семья... А вскоре, я уверена, не останется такого рабочего, который не включится в подготовку к достойной встрече съезда.

— Скажите, Наталья Григорьевна, за счет чего вы будете выполнять эти обязательства? Сами же говорите — год был очень сложный, напряженный, значит, работали все с полной отдачей. Откуда же резервы?

Разговор этот шел у рабочего столика Герасимовой. На ее участке собираются датчики давления масла для огромных «БелАЗов» — маленький прибор, который должен выдерживать давление свыше 20 атмосфер. Вот сборщица берет маленький стерженек, вставляет в отверстие в корпусе датчика, протягивает руку к небольшому прессу, хоп — и стерженек намертво зажат в гнезде. Вот так — три тысячи раз за смену! Рядом сидит другая сборщица, запрессовывает три тысячи рычагов, третья ставит три тысячи прокладок... Ну, что здесь можно придумать нового?

Оказывается, можно — не придумать, а усовершенствовать даже такой маленький участок работы. Во-первых, заводские конструкторы работают над еще более совершенным оборудованием и для этого и для сотен других участков в цехах, а что дает новая техника, объяснять, конечно, не надо. Во-вторых, заводские технологи изыскивают иные средства повышения производительности: ведь от того, берешь ли, например, деталь пальцами или пинцетом, тоже очень многое зависит. В-третьих, организация труда в цехе, бригаде, на участке. В-четвертых, тщательная подготовка оборудования и инструмента, в-пятых, музыка в цехе... Я расставил все это в таком порядке произвольно, потому что трудно сказать, какая из этих и десятков подобных этим мер главнее — они все равноценно важны в бесконечно сложном и постоянно регулируемом производственном процессе, который в целом так и называется — прогресс. Но основное звено в этой цепи все же — сам человек.

— Автомобили, как вы знаете, совершенствуются, приборы все время усложняются,— объясняет Герасимова,— и для нас очень важна, как мы говорим, привычка к прибору, умение довести операцию до совершенства. Вот эта операция со штырьком должна осваиваться около года! И все равно: внешне все делают ее одинаково, а глядишь, к концу смены у кого-то выработка всегда больше. Как объяснить? Думаю, любить свою работу надо. Вот вы сказали — монотонность, а я так не считаю. В любой работе есть монотонность — я ведь сколько профессий сменила, всю жизнь работаю,— и любое дело покажется монотонным, если выполняешь его, ну, как из-под палки. Вот мы с Таисией Летягиной подумали — она рядом, на другой операции работает — и стали делать одну операцию... вдвоем! Она мне помогает, я ей. И, знаете, хорошо получилось! Потом, сколько мы еще отвлекаемся от работы, а ведь каждая секунда свою цену имеет... Нет, есть резервы!

О том же мы говорили в другом сборочном цехе с бригадиром Валентиной Чаловой. Здесь идет свой эксперимент: с начала этого года в руководстве цехом принимает участие совет бригады. Так называемый КТУ — коэффициент трудового участия — стал такой действенной мерой, что сейчас за простой укорять уже некого, наоборот, люди сами просят давать им работу. В автоматно-механическом цехе его начальник Евгений Николаевич Белов в несколько минут объяснил мне, как простая перестановка станков даст значительный экономический эффект. Или вот еще один вид борьбы за продукцию, борьбы уже почти в прямом смысле: недавно рабочие завода отправили коллективное письмо в Волгоградский обком КПСС. В письме говорится, что завод резинотехнических изделий месяц за месяцем задерживает поставку владимирцам необходимых материалов. А без своевременных поставок какая может быть ритмичность!

— Я считаю, именно ритмичность помогла заводу «Автоприбор» досрочно выполнить пятилетний план по объему выпуска продукции,— говорил директор завода Евгений Иванович Вьюнов.— Несомненно, и по другим показателям мы выполним пятилетку досрочно, достойно встретим XXVI съезд нашей партии. Хороший настрой у коллектива на следующую пятилетку, все мы уверены, что и дальше автоприборовцы будут работать так же ритмично.

— И с улыбкой?— спросил я.

— Обязательно с улыбкой!

Владимир.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

СТРОИТЬ ДЛЯ НАРОДА

Напряженно трудятся в эти дни киевские метростроевцы. За последние годы в живописной пойме Днепра вырос крупнейший и один из наиболее благоустроенных жилых массивов города — Оболонь. Нам предстоит уже в этом году связать его с центром города, введя в строй станции «Тарас Шевченко», «Петровка», «Проспект Корнейчука». У нас сейчас горячая пора: укладываются пути, идет монтаж энергохозяйства, оборудования станций... На пусковых стройках работа всегда напряженная, но у нас это ощущается особо остро. Нас поторапливает то, что сотни тысяч жителей Оболони с нетерпением ожидают пуска магистрали.

С воодушевлением и одобрением встретили метростроевцы решения июньского Пленума ЦК КПСС, весть о созыве XXVI съезда партии. Нас глубоко тронула речь Леонида Ильича Брежнева. В ней подчеркивается, что надо приложить максимум энергии для своевременного ввода в строй пусковых объектов, обеспечить ритмичную работу и в будущем году.

В связи с этим мне хотелось бы вот на что обратить внимание. Коллектив киевских метростроевцев отмечает в этом году свое 20-летие. Это мощная организация с большим опытом и возможностями. Однако, если судить по конечным результатам работы непосредственно в Киеве, мы могли бы сделать больше, быстрее вводить в строй новые станции. Нас очень часто сдерживают поставщики материалов и оборудования, а главное — субподрядные городские организации. Мы подолгу ждем фронта работ из-за того, что несвоевременно переносятся теплотрассы, кабельные линии, всевозможные переходы. Эти работы быстрее и квалифицированнее должны делать специализированные организации. Но они так затягивают их выполнение, что сплошь и рядом приходится все делать самим метростроевцам.

Вместе с тем многие наши бригады выполняют работы в разных концах республики — пробивают тоннели для оросительных каналов. Многие из нас выезжали помогать строить метро в Харькове, в Ташкенте, бригады путейцев работали и в Москве... Можно назвать десятки адресов. Значит, сила и умение у нас есть, необходимость развивать подземный транспорт в Киеве тоже есть, планы весьма и весьма обширные... Все говорит о том, что выполнить важнейшую работу можно в более сжатые сроки.

Я являюсь членом бюро Ленинского райкома партии города Киева. Поэтому хорошо осведомлен, какие усилия прилагают наша партия и правительство для удовлетворения потребностей советских людей, улучшения их быта. На мой взгляд, нам надо быстрее развивать метротранспорт — это скорость, комфорт, регулярность и надежность сообщения в любое время года, очищение городской атмосферы от автобусных выхлопов, снижение уличных шумов. Мы, метростроевцы, приложим все усилия, чтобы сдать новые станции в срок и с высокой оценкой качества. Это будет нашим лучшим подарком XXVI съезду КПСС.

Михаил КОРНИЕНКО,
звеньевой рабочих-путейцев
14-го мостоотряда
Киевметростроя

Киев.

ХЛОПКОРОБЫ ГОТОВЯТ ПОДАРКИ

Всем сердцем принял каждый член нашего коллектива доклад Леонида Ильича Брежнева на июньском Пленуме ЦК КПСС, постановившем созвать в феврале будущего года очередной, XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Бригада наша выращивает «белое золото» вот уже более тридцати лет. Огромное воздействие на развитие хлопководства в республике оказала ленинская аграрная политика. Хозяйства из года в год получают больше тракторов, хлопкоуборочных машин, удобрений и химикатов. Растет валовое производство, повышается отдача орошаемого гектара.

За годы десятой пятилетки урожайность в нашей бригаде поднялась почти вдвое. В минувшем году она составила 56 центнеров хлопка-сырца с каждого гектара.

XXVI съезд КПСС мы решили ознаменовать невиданным урожаем — взять на 80 гектарах по 60 центнеров сырца. В районе таких сборов еще никто не добивался. Это будет нашим вкладом в 5 миллионов 850 тысяч тонн узбекистанского хлопка нынешнего года.

Несмотря на сложные условия весны, заложена надежная основа для высокого урожая: хлопчатник на полях бригады развивается быстрее прошлогоднего, на кустах появились первые цветы — предвестники доброго и раннего урожая. Уверены, что достойно встретим предстоящий съезд коммунистов страны. Все намеченное выполним!

Трудовые подарки XXVI съезду партии готовят все бригады совхоза — наши соперники по соревнованию.

Зинат ТАШЕВА,
бригадир совхоза
имени Энгельса Каршинского
района, Герой
Социалистического Труда

Узбекская ССР.

6 июля исполняется 19 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Корейской Народно-Демократической Республикой.

СОЛИДАРНОСТЬ

Всего три с небольшим десятилетия насчитывает история КНДР, республики рабочих и крестьян на севере Корейского полуострова. Бывшая колония — ныне развитое индустриальное государство, за годы народной власти промышленное производство выросло более чем в 60 раз. На месте дымных лачуг раскинулись современные кварталы. Когда-то немногие умели читать и писать — сегодня здесь введено всеобщее обязательное десятилетнее образование. В этих завоеваниях — самоотверженность народа, под руководством Трудовой партии Кореи строящего новую жизнь, и братская помощь Советского Союза, других социалистических стран, которые в дни войны и в дни мира были и остаются рядом с корейскими друзьями.

Пукчханская ТЭС, самая мощная в республике, вырабатывает четверть всей производимой в стране электроэнергии. Спроектировал станцию московский институт «Теплоэлектропроект», генераторы изготовлены в Ленинграде, турбины — на Урале, котлы — в Барнауле, трансформаторы — в Запорожье... Десятки промышленных предприятий и других объектов, составляющих костяк национальной экономики, построены в КНДР с помощью Советского Союза. Успешно развиваются взаимовыгодные торговые связи. Из СССР поступают машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, кокс и другие товары, имеющие важное значение для экономики КНДР. Оттуда мы получаем цемент, прокат, станки, швейные изделия. Корейские специалисты передали советским коллегам документацию по ряду производств металлургии и химической индустрии, по выращиванию женьшеня и других культур. Крепнут контакты в области культуры, науки, туризма.

Неизменна поддержка, которую оказывает СССР борьбе корейского народа за мирное, демократическое объединение родины. Главный тормоз на этом пути — присутствие иностранных войск. 30 лет назад, высадившись на полуострове, вооруженные силы США развязали войну против молодой республики. Она сумела отстоять завоевания социализма, опираясь на могучее движение солидарности, в первых рядах которого был Советский Союз. Захватчики были отброшены к югу от 38-й параллели, где и поныне 40 тысяч американских военнослужащих фактически продолжают оккупацию корейской земли. На их штыках держится марионеточный сеульский режим. В мае нынешнего года, когда особенно мощная волна народного гнева захлестнула Южную Корею, режим в очередной раз спасло американское военное присутствие.

Правительство и общественность КНДР последовательно выступают с инициативами, направленными на преодоление раскола нации. Но вот «ответ» из Сеула: по всей длине демаркационной линии, разделяющей Север и Юг, тамошние правители с одобрения своих заокеанских хозяев возводят мощную железобетонную стену — якобы против угрозы «нападения с Севера». Монолитная стена задумана как вечная граница «двух Корей». С этим никогда не смирится мужественный корейский народ.

С 25 июня по 27 июля проходит традиционный месячник солидарности с его борьбой за вывод иностранных войск из Южной Кореи, за объединение страны на мирной, демократической основе. Советские люди вновь заявляют: корейскому народу должно быть предоставлено право самому решать свою судьбу!

Б. ЛАБУТИН

На снимке: музыкальный кружок в Пхеньянском Дворце пионеров.

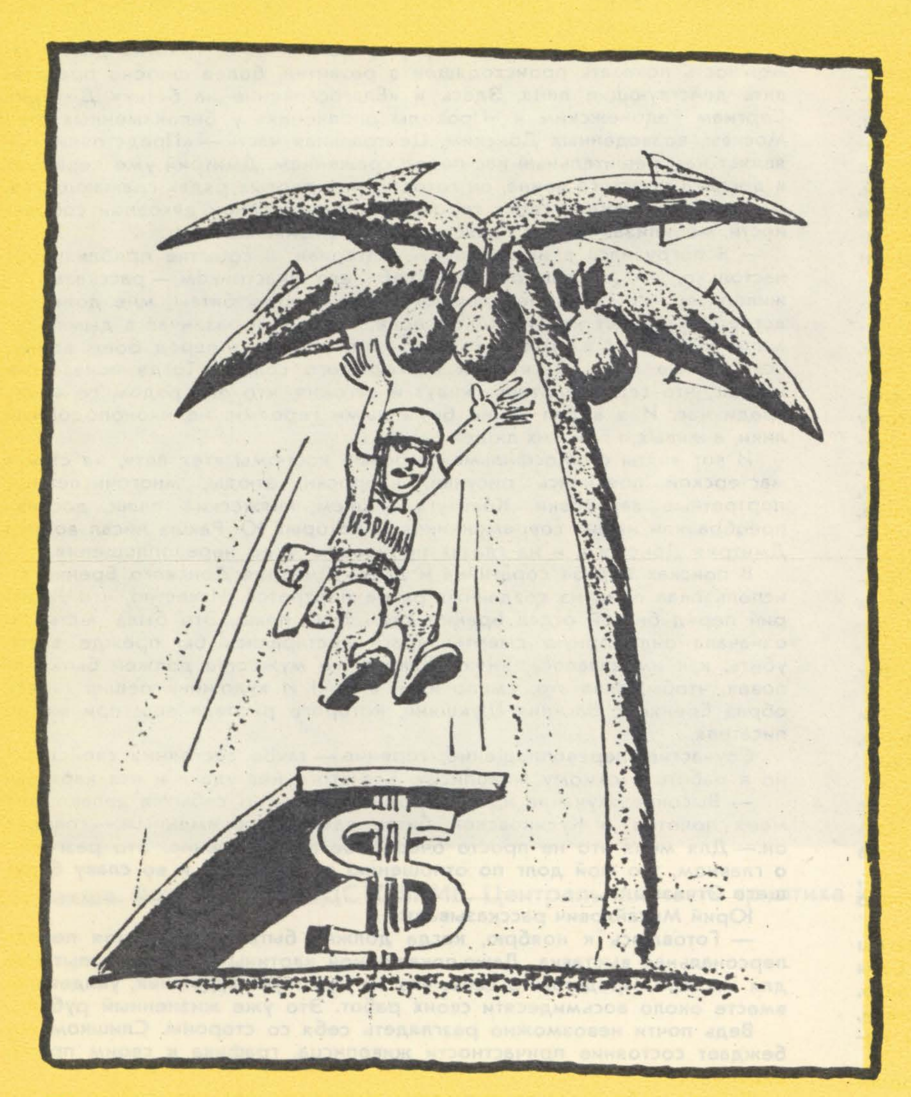
Фото А. Яковлева (ТАСС)

Жим пентагоновского ястреба.

Перетягивание каната расистами.

Прыжки израильского экстремиста.

Водные процедуры для американских бизнесменов.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

СВЕРШЕНИЕ НАДЕЖД

Никита ИВАНОВ

Мастерская московского художника Юрия Михайловича Ракши — это мир художника, его душа, его продолжение. Здесь много света, воздуха. Пространство очень активно — с множеством арок, ниш, переходов. Много скульптуры — предмет давнего увлечения, а главное — поражает количество работ. Новые картины и уже виденные, побывавшие на выставках, эскизы декораций к кинофильмам...

Юрий Ракша закончил художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии, и именно кино определило путь, стало жизненной и творческой школой, способствовало рождению художника.

За пятнадцать лет работы на студии «Мосфильм» сделано немало кинолент. Некоторые из них оставили заметный след в нашем искусстве. Это, например, «Время, вперед!» — первый фильм, в котором принимал участие молодой мастер. Запомнилась творческая атмосфера съемок, увлек материал тридцатых годов, ставший потом основой для живописного полотна «Моя мама», которое было показано в Центральном выставочном зале, обошло многие республиканские и всесоюзные выставки, многократно представляло советское искусство за рубежом. Картина посвящена горячему времени первых пятилеток, Магнитострою, молодости матери художника.

Как живописец, станковист Ю. Ракша складывался в конце 60-х — начале 70-х годов. Древнерусское искусство, итальянское Возрождение, советские художники тридцатых годов — вот главные источники, формировавшие его творческую позицию. Он отличается особой приверженностью к картине как к жанру. После «Моей мамы» в начале семидесятых годов живописец создает сразу несколько произведений. Среди них «Тыл» — размышление художника о трудной доле женщин и подростков в годы войны и «Вьетнам» — полотно, близкое предыдущему своими острыми публицистическими, гражданскими интонациями. Так по-разному всплывает в его творчестве «память детства».

— У моего поколения,— говорит Юрий Михайлович,— память крепкая, она берет начало с суровых лет войны. И что бы ни делал, я всегда мысленно смотрю в зеркало светлой и печальной памяти детства.

Творческая жизнь художника, казалось, не столь уж длинная, вобрала в себя целые этапы в судьбе нашей страны. Война, трудные послевоенные годы, горячее время целины, БАМ. Может быть, поэтому конкретный материал жизненных наблюдений он всегда подает торжественно, но такая приподнятость далека от театральности, она сродни интенсивному и сложному внутреннему миру наших людей, красоте, благородству человека труда. Состояние устремленности в будущее, тема духовного богатства нашей молодежи воплощены в картинах «Современники», которая была отмечена премией Московского комсомола, и «Наша буровая». После поездки на БАМ родились холсты «Беркакит-77. Молодые зодчие», «Разговор о будущем». Показывая своих героев, художник словно вопрошает: какая она, сегодняшняя молодежь, о чем думает, к чему стремится? Своим наблюдениям, впечатлениям он дал выход в своеобразной форме живописной притчи, философского и гражданского обобщения.

Стремлением заглянуть в завтрашний день отмечена поэтичная и глубокая по замыслу картина «Продолжение». Название символично, поскольку речь идет не только о становлении человеческой души, но и о будущем Родины.

Юрий Ракша понимает жанр не только как привычный сюжет с непременным действием или отношениями персонажей, он сознательно и активно противопоставляет ему «жанр состояния». Фронтальные композиции большинства его картин предполагают духовный контакт, возможность диалога героев со зрителями, причем всегда диалога о главном, насущном.

— Для меня это не просто прием,— говорит художник,— но как бы приглашение к размышлению вместе со мной, с моими героями. Стоя у холста, постоянно ощущаю за собой зрителя. И работаю для него. Иногда приходится слышать от коллег: «Это я делаю для выставки, это для себя». Мне это непонятно. Значит, в одном случае ты неискренен.

Став зрелым живописцем, автором известных картин, он продолжает работу в кино. Последние его ленты — «Дерсу Узала» японского режиссера Акиры Куросавы и «Восхождение» Ларисы Шепитько. Эти фильмы завершили значительный этап творчества художника в кино и обогатили материалом для создания интересных холстов. Во время съемок «Дерсу Узала», проходивших в Уссурийской тайге, он собрал и изучил большой материал. Результат совместного труда творческой группы принес свои радости. Фильм получил широкое признание, первую премию Московского международного кинофестиваля, премию «Оскар» американской Академии киноискусства. Новые впечатления дали импульс к созданию полотен тонких, изящных, загадочных, таких, как «Добрый зверь и добрый человек»,— произведение, исполненное символики, ощущения гармонии человека и природы.

Главной в творчестве художника по-прежнему является станковая картина, психологически емкий портрет современника. В свете такой «сверхзадачи» большую возможность для размышлений и поисков дала работа над фильмом «Восхождение». Военную прозу Василя Быкова, по повести которого снята лента, Юрий Ракша сразу воспринял как очень близкую, волнующую, на редкость «свою». Его увлекли человеческие характеры, нравственные коллизии, и он создал драматический портретный образ Сотникова, ставший основой для поисков актера на главную роль. А в галерее станковых полотен художника прибавился еще один холст, рассказывающий о судьбах героев военного поколения.

Осмысление прошлого, тесной связи давней истории и дня нынешнего — такую проблему решает мастер в живописном триптихе «Поле Куликово».

— Предстоящий юбилей — 600-летие Куликовской битвы,— говорит он,— вызвал духовную потребность передать свое отношение к значительному событию в становлении русской государственности. Наша история знает ряд важнейших для страны событий. С моей точки зрения, это Отечественная война 1812 года, Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война 1941—1945 годов... Куликовская битва — одна из таких величайших вех в судьбах Родины, поистине народная битва.

Автор выбрал трехчастную форму композиции. Триптих дает возможность показать происходящее в развитии, более широко представить действующие лица. Здесь и «Благословение на битву» Дмитрия Сергием Радонежским и «Проводы ополчения» у белокаменных стен Москвы, возведенных Донским. Центральная часть — «Предстояние» — являет нам решительный час перед сражением. Дмитрий уже переодет в доспехи простого воина, он готов идти в первых рядах сражающихся.

Художник увидел своих героев в момент полной духовной собранности, мобилизации всех нравственных и физических сил.

— Я погрузился в исторический материал, и событие приблизилось настолько, что я стал ощущать себя его участником,— рассказывает живописец.— В сентябре прошлого года, в день битвы, мне довелось встретить рассвет на Куликовом поле. И я почти различал в дымке тумана, в плавных очертаниях горизонта, как стоят перед боем воины, освещенные первыми лучами восходящего солнца. Тогда показалось на миг, что герои картины живут и сегодня, что они рядом со мной, среди нас. И я видел их не былинными героями, не иконоподобные лики, а живых и близких людей.

И вот взяты с «Мосфильма» игровые костюмы «тех лет», на стенах мастерской появились рисунки, наброски, этюды, многочисленные портретные зарисовки. Кольчуга и шлем, княжеский плащ, доспехи преобразили наших современников, с которых Ю. Ракша писал воинов Дмитрия Донского, и на глазах произошло чудо перевоплощения.

В поисках образа соратника и друга Дмитрия Донского Бренко он использовал один из созданных ранее портретов. Известно, что Дмитрий перед битвой отдал Бренко княжеский плащ. Это была честь, но означала она верную смерть: враги постарались бы прежде всего убить, как им казалось, князя. Какого же мужества должен быть человек, чтобы, зная это, смело идти в бой! И художник решил писать образ Бренко с Василия Шукшина, которого рисовал еще при жизни писателя...

Соучастие, перевоплощение, горение — такое состояние свойственно в работе и самому живописцу. Без этого нет удачи и нет картины.

— Высокое звучание идеи, народный характер события делают для меня полотно о Куликовской битве самым современным,— говорит он.— Для меня это не просто очередное произведение. Это разговор о главном, это мой долг по отношению к прошлому и во славу будущего Отчизны.

Юрий Михайлович рассказывает:

— Готовлюсь к ноябрю, когда должна быть открыта моя первая персональная выставка. Даже показ одной картины — всегда испытание для мастера. Представьте себе, что же чувствует художник, увидевший вместе около восьмидесяти своих работ. Это уже жизненный рубеж...

Ведь почти невозможно разглядеть себя со стороны. Слишком побеждает состояние причастности живописца, графика к своим произведениям.

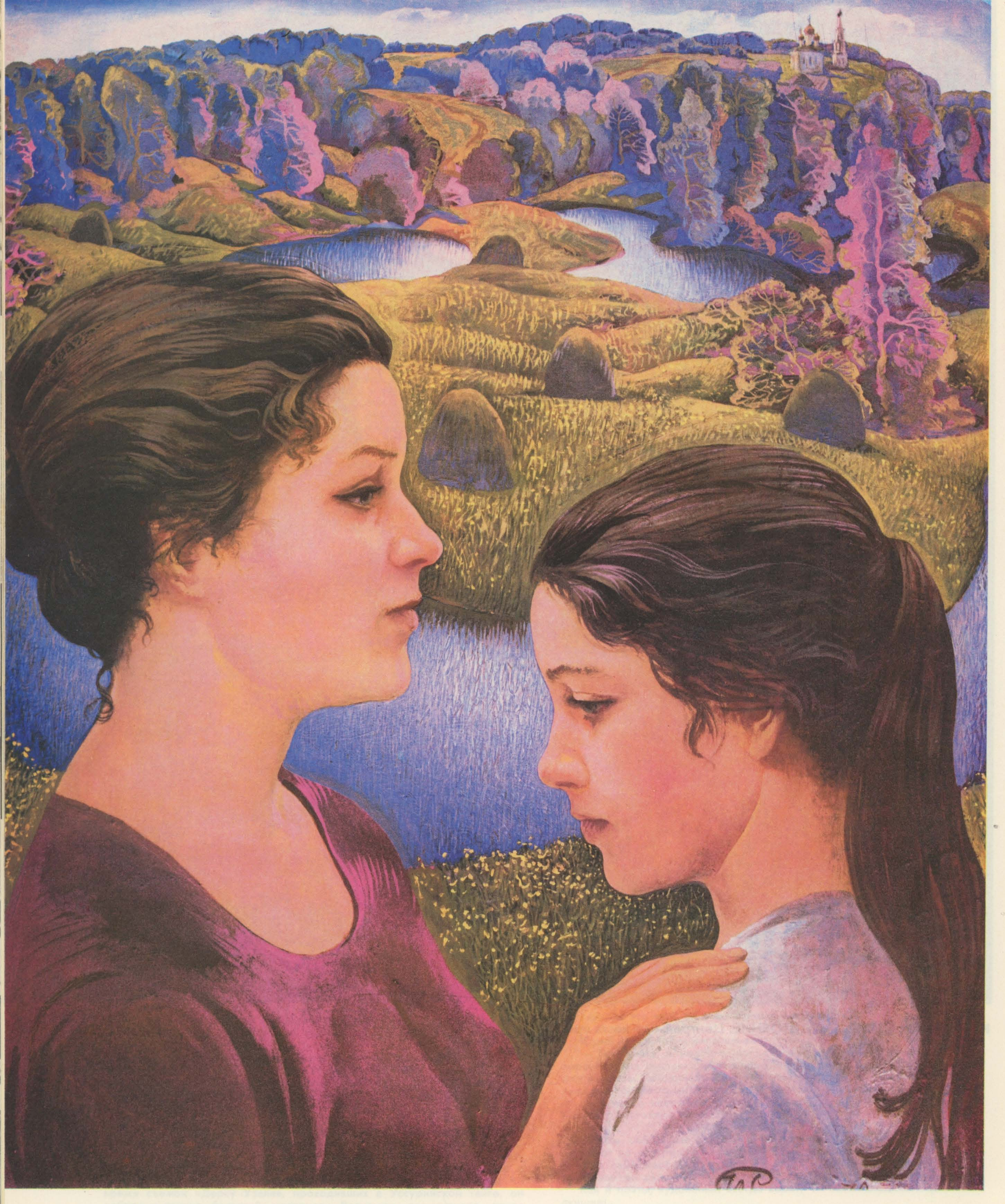
Работы, собранные за последние пятнадцать лет, уже сейчас как бы вступают во внутренний диалог между собой. И этот разговор картин, сам по себе необычайно загадочный, предсказывает путь, открывает пространство движения.

Как и поэты, художники всегда верят, что их последние творения — лучшие!..

Наверное, это чувство понятно, иначе трудно было бы видеть завтрашний день, оно дает веру в свершение надежд.

Ю. Ракша. Род. 1937. ПРЕДСТОЯНИЕ. Центральная часть триптиха «ПОЛЕ КУЛИКОВО». 1980.

Ю. Ракша. ПРОДОЛЖЕНИЕ. 1978.

ТРИ ЦВЕТА ГОР

Группа специалистов заканчивает работу над специальной металлогенической картой. На ней указаны площади, где геологам предстоят поиски полезных ископаемых.

Прежде чем приступить к созданию такой карты, исследователи прошли тысячи километров по бездорожью, через ледники и горы, поднимались на пятитысячники, строили мосты...

Синие, как небо Памира, глаза Люды радостно сверкали, когда вбежала она в отдел археологии, бросила на стол две золотистые монетки и торжествующе сказала:

— Вот!

— Что это? Откуда?! — недоумевали археологи, передавая друг другу потемневшие округлые монеты.

— С Базар-Дары, — выпалила Люда и, указав рукой куда-то в сторону, добавила: — За Аличурской долиной...

Таджикские археологи давно дружили с геологом Людмилой Идрисовой, которая всегда возвращалась из экспедиции с какой-нибудь находкой, вот и на этот раз — загадочные, старинные монеты!

— Там, на высоте более четырех тысяч метров, мы обнаружили древние выработки серебра, — рассказывала Идрисова, — а чуть ниже — остатки поселения рудокопов, где вам, надеюсь, предстоят интересные поиски...

Так, с двух монеток — одна из Ферганы, 997 года, другая из Кашгара, 1005 года, — да еще клочков истлевшей ткани и осколков керамики началось открытие заоблачного города на Памире, который вскоре получил название «Серебряного».

— Если бы не Идрисова, не знаю, когда бы нашли мы этот удивительный древний город, — говорила Мирра Алексеевна Бубнова, кандидат исторических наук, руководитель сектора археологии Таджикской Академии наук. — Много геологов побывало на Базар-Даре, знали они о заброшенных штольнях, находили и кое-какие следы давней культуры высокогорного поселения, но никто не догадался, а может быть, просто поленился приехать к нам и сообщить о находках, как это сделала Людмила Владимировна.

...Они шли по узкому, глубокому каньону; позади осталась зеленая Аличурская долина со стадами овец и яков. Сложный район достался на этот раз геологам, никого сюда не заманишь, только истинные памирцы могут проникнуть в долины и ущелья, куда не то что на машине, на лошади не доберешься! Лишь пешком можно сюда пробраться, да и то в конце лета, когда реки обмелеют. Геологам приходится работать за водоразделом, на высоте пяти тысяч метров. Иногда они спускаются с ледниковых круч в долину Базар-Дары, к горячим источникам, и греют здесь свои «замороженные» кости. Конечно, Людмила могла бы пойти с другой партией, но не хотелось изменять Базар-Даре, которой отдано немало лет.

Возможно, когда-нибудь этот район Восточного Памира и засверкает огнями поселков и рудников, но сейчас геологи, по их выражению, топчут девственные высоты. Большой гранитный массив простирается в бассейне Базар-Дары на склонах Северо-Аличурского хребта, который до недавнего времени не исследовался. Правда, материалы, полученные здесь геологами лет сорок назад, указывали на интересную находку: в одной из речушек обнаружили обломок берилла... Вот почему район наконец привлек внимание специалистов, но после первых поисковых работ было сделано отрицательное заключение на редкие металлы, и район «закрестили». Все же старший геолог партии А. Н. Шостацкий, учитывая интересное геологическое строение в целом, оставил в заключении лазейку: в следующем году можно было предпринять поисковые работы на флюорит.

Однако начальника и старшего геолога партии неожиданно перебросили на другой участок. Стоял даже вопрос о свертывании работ на Базар-Даре. Расстаться с массивом, который молодые геологи едва почувствовали и в который почему-то поверили, — это было для них равносильно катастрофе. И тогда Идрисова пошла к главному геологу экспедиции и предложила свою кандидатуру на старшего геолога партии.

— Не за себя прошу, за дело, — стыдясь и смущаясь, говорила Людмила. — За товарищей, за дело...

На следующий день Идрисову утвердили старшим геологом, а Юрия Парфенова, такого же молодого специалиста, — начальником партии.

— Надо же расти молодежи, — заключила главный геолог экспедиции Афиногенова.

...У Памира три цвета: голубой, белый и серый — это цвета неба, снега и скал. Памир, нагромождение камня под синим куполом небес, оставляет ощущение чистоты и прозрачного света.

Здесь, на горных великанах, окутанных тишиной и мягким солнцем, человек словно заново познает самого себя: внезапно появляется чувство, будто стоишь у преддверия Земли — планеты людей — и робко стучишься: впустят ли?! А внизу, в сиреневой дымке, расстилаются долины, и кажется, что ощущаешь теплый ветер, прилетевший оттуда, с пшеничных и хлопковых полей. Тепло человеческого жилья... И по всему по этому люди, увидевшие однажды Памир, снова стремятся к его высотам.

Еще в институте, в Ленинграде, Люда, слушая рассказы геологов, вернувшихся с Памира, решила отправиться только туда. На третьем курсе ей, единственной в их группе, удалось выехать на практику в Акбайтальскую геологосъемочную партию. С того самого времени, вот уже более двадцати лет, жизнь Идрисовой связана с Памиром: и работа, и стихи, публикуемые ныне в печати, и создаваемая сейчас повесть «Красные волки». Эту книгу о геологах, о душевной их чистоте и мужестве, о дружбе, превыше которой нет ничего на свете, разве только любовь к Родине, Людмила задумала давно, страницы выстраивались в памяти, накапливались, а вот перенести их на бумагу все не было времени...

Познакомившись с Людой, с трудом веришь, что эта хрупкая синеглазая женщина не уступит ни одному геологу ни в силе духа, ни в физической стойкости, выносливости. Но, защищая право геологини на женственность, она тем не менее любит напоминать: «Одной силой воли рюкзак с камнями не поднимешь...» А ведь трудны не только трассы памирского высокогорья, но и житейские будни у геологов, а у Людмилы Владимировны трое детей.

Те, кто давно знает ее, говорят, что к людям она относится лучше, чем к самой себе. Особенно это чувствует молодежь, ведь их, молодых, не обманешь — быстро распознают фальшь. Вот несколько строк из письма Идрисовой друзьям в Ленинград: «...Сколько неприятностей у меня из-за того, что мои воспитанники рвутся на работу ко мне. Не могу же я всех взять — много их. Начальство, конечно, недовольно, мол, сманиваешь народ, только я, честное слово, никого не сманивала, просто рассказывала им о Памире. Вот они и прикипели к горам, а заодно и ко мне...»

В то лето, когда были найдены древние выработки серебра, приехал на Базар-Дару главный геолог экспедиции Евгений Федорович Романько: посмотреть, как идут дела у молодых. Остался доволен и потом долго ставил в пример другим партию Идрисовой. Сезон был удачный — геологи обнаружили много рудопроявлений редких металлов. Но главное было в другом — в творческом подходе к геологии района в целом: рудные точки слились в поля. Кроме заброшенных рудников XI века, были и другие открытия, они-то в следующий сезон и привели сюда уже четыре партии.

Короткая долина на абсолютных отметках: 3500—4000 метров. Непроходимы скалистые хребты: с обоих бортов ползут осыпи к руслу и полностью засыпают днище реки. В верховьях, с гребня, спускается ледник, его конечные морены, как гигантские насыпи, громоздятся друг на друга, сталкивают с кромки громадные камни, и по долине прокатывается тревожный гул канонады. Из-под ледника вырывается речка-ниточка и несется стремглав вниз, растекаясь среди камней. Пройдет геолог по склону, а за ним долго шелестит потревоженная осыпь или сорвавшийся камень влечет за собой камнепад. Круты, страшно круты склоны на Памире. Лишь неутомимые киики (горные козлы) с непостижимой быстротой и ловкостью носятся по ним, и чем недоступнее долина, тем для кииков безопаснее. У подножия таких скал не встретишь ни единого деревца, зато как перед чудом замираешь у расщелины, где в горстке суглинка пробиваются голубые и белые цветы... Геологи утверждают, что прекраснее этих цветов, выросших на камнях, они ничего не видели. В августе, когда тают снега, растекаются потоками сиреневые примулы, синяя мята и оранжевые маки-малютки образуют цветочные реки. А голубые колокольчики на Памире достигают высоты в половину человеческого роста!

Здесь, за перевалом Базар-Дары, и находится то «белое пятно» площадью около трехсот квадратных километров, которое предстояло изучить геологам, а потом составить карту.

— Неудачных поисков у нас не бывает, — повторяет Идрисова слова своих учителей. — Отрицательный результат — это тоже результат.

Но жизнь геологов — это ведь не только тяжелый труд. Перед заходом солнца геологи возвращаются к своим палаткам, к кострам, и начинаются рассказы, воспоминания; звучат стихи, шутки, гитара... И тут никто не может превзойти Идрисову ни в поэтическом мастерстве, ни в даре рассказчика. Вот и сейчас, задумчивая, усталая, она спела нам свою «Песенку памирских оптимистов», точно кружева плела она рассказы о Памире, о его людях, и никто, наверное, не догадывался, что это начало задуманного ею романа...

...Была Базар-Дара нехоженой и нетоптаной, когда первые геологосъемщики проникли сюда. Минул с того времени не один год, и теперь не осталось в бассейнах Базар-Дары, Элису — главных водных артерий, рассекающих горный массив, — ни одной речушки, ни одного сая или ледника, где бы не побывала Идрисова. Не узнать теперь всего района: там, где геологи с трудом проводили караваны, проложена автомобильная дорога, по которой доставляются грузы в палатки геологов и в рабочие поселки. Новое поколение геологов ступает по Базар-Даринскому массиву, но хозяйкой его остается все-таки Идрисова, второй такой пока нет...

Л. КОРОБОВА

На снимке: Л. В. Идрисова.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

Старый деревянный дом словно заблудился среди высоких современных зданий на Ивановской улочке недалеко от Тимирязевской академии. Дом, где жил Петр Иванович Лисицын, знаменитый селекционер. Его имя есть во всех энциклопедиях. (Правда, мемориальной доски на этом доме почему-то нет!) В кабинете, который сохраняется в неприкосновенности, остановилось время — массивный стол, на нем старинная хрустальная чернильница, круглые очки, как будто бы только что отложенные в сторону. На этажерке — скрипка. В углу — сноп ржи, связанный руками Петра Ивановича. Его последняя книга «Вопросы биологии красного клевера», труд всей жизни.

Несколько шагов по коридору — и совсем иной мир. Небольшая светлая комната, на стенах висят географические карты, где даже на полу в своеобразном порядке лежат стопки с бумагами, папки с материалами экспедиций, схемы морей и океанов. Современные пишущие машинки с русским и латинским шрифтом. Заправлен лист бумаги. Чувствуется — здесь ни одна минута не пропадает даром. Кабинет принадлежит Александру Петровичу Лисицыну, сыну Петра Ивановича, ученому-океанологу.

Отец и сын. Они схожи между собой. Как, впрочем, и все Лисицыны. Искрой божьей, складом характера, целеустремленностью, умением отдавать себя делу.

Родом они, Лисицыны, из Калужской области. Дед Петра Ивановича, герой Бородина, пал смертью храбрых на поле брани. А потому его сын воспитывался на казенный счет и получил изрядное образование для того времени. У него было тринадцать детей, и восьмерых он послал учиться в высшие учебные заведения. И эти восемь твердо ступали по земле, оставляя на ней заметные следы, составив славу и гордость Отечества.

Старший, Иван, был специалистом лесного хозяйства. Яков выбрал юридическое поприще, практиковал в конторе известного адвоката Ф. Н. Плевако. Василий занимался у Н. Д. Зелинского, стал химиком, Леонтий — физик, работал у А. Г. Столетова. Константин посвятил себя геологии. Был профессором. Пожалуй, именно он оказал влияние на своего племянника Александра. Одна из Лисицыных — Надежда ушла на сцену. Играла с Василием Ивановичем Качаловым во МХАТе. В семье хранились фотографии Василия Ивановича с его автографом.

До сих пор с уважением произносят земляки имя Федора Лисицына, который больше сорока лет проработал в уездной больнице города Лихвина (ныне Чекалин). Был хирургом и окулистом, акушером и терапевтом. На свои средства создал химическую лабораторию. По его проекту построили больницу, она сохранилась до сегодняшнего дня.

Петр учился у В. Р. Вильямса и Д. Н. Прянишникова, слушал лекции К. А. Тимирязева. Стал одним из первых академиков ВАСХНИЛ.

Лисицыны, как истинные интеллигенты, были устремлены к добру и справедливости. Еще студентами, они принимали активное участие в первой русской революции 1905 года. В донесениях Калужскому окружному суду сообщалось: «Студенты Лисицыны подстрекали крестьян, внушали им, что вся земля должна быть поделена между крестьянами». За участие в революционных выступлениях четыре брата Лисицыны были схвачены полицией и отправлены в ссылку. Петр Иванович отбывал ее в Нижнем Тагиле.

После ссылки он стал заниматься селекцией на Шатиловской опытной станции.

Как сделать, чтобы все колосья выросли одинаково добрыми, крупными, чтобы на полях России зрел богатый урожай? Петр Иванович искал ответа на этот вопрос в аудиториях Московского университета, в сельскохозяйственной академии, где учился. А потом на Шатиловской станции.

От зари до зари обходил он свои опытные делянки. Только поздно вечером, сильно устав, брался за скрипку. С благодарностью думал об отце, который всех детей обучил музыке. И наставлял их: «В тяжелые минуты — музыкальный инструмент часто является другом-утешителем, и также необходимым, как всякая культурная наука».

А утром снова за работу. Особенно любил Петр Иванович уходить в поле, когда моросил мелкий дождь. Вокруг ни души, воздух чист и свеж. Думается отменно. Под шум капель и умные мысли чаще посещают голову.

Потом приживутся во многих областях выведенная им рожь Лисицынская, Среднерусский клевер, овес Шатиловский, гречиха Богатырь. А пока он только пробовал. Сам пахал, сеял, потому что был единственным селекционером на опытной станции. Урожай собирал по колоску. Казалось бы, все просто — вот он взял на соседнем поле у помещика 127 крупных колосьев и все зерна высеял на одном участке. На следующую осень он собирал много больше отборного зерна. Ну, а если непогода — град, дождь, ранние заморозки, засуха? Все идет насмарку. Петр Иванович мечтал о времени, когда вся Россия станет одним опытным полем...

С приходом народной власти Лисицын возглавил Шатиловскую госсемкультуру и стал председателем Шатиловского союза семеноводства...

Время было тяжелое. Разруха, голод после гражданской войны и интервенции. Петру Ивановичу пришлось заниматься не только научной работой. Он стремился распространить чистые сорта и в этом видел единственную возможность накормить хлебом страну...

Но как претворить планы в жизнь?

...О работах шатиловцев узнал Ленин. 25 апреля 1922 года он написал: «Прошу... ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в «Правду» о значении этих работ вообще и о работах Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности». В конце этого официального документа Ильич сделал приписку от руки: «Я лично слышал раньше от Осинского *очень* хороший отзыв о новом (или старом?) селекционере у Шатилова. Если удобно, *проверьте!*

Ваш Ленин».

И Лисицына вызвали в Москву к Ленину. Он отправился. С цифрами, фотографиями, выкладками, доказывая необходимость немедленно организовать массовое разведение и распространение в республике чистосортных семян пшеницы, ржи, овса...

Бывший заведующий тамбовским земельным отделом И. В. Франц вспоминает: «...Мне пришлось присутствовать при докладе В. И. Ленину плана организации Госсемкультуры Лисицыным П. И. Были при этом Дзержинский, Калинин и, кажется, Теодорович».

После этого доклада последовало распоряжение Ленина в Финкомитет: «Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу.... удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры».

Хотя с деньгами было туго, государство выделило средства на строительство крупнейшей зерноочистительной фабрики. Фабрику построили. Владимир Ильич распорядился ежедневно докладывать ему о том, как идут дела на Шатиловской станции.

О том времени у Александра сохранились в памяти обрывочные картинки. Большое поле. Лошади. Старший брат спешит за отцом, а тот шагает широко, быстро. Мальчик еле поспевает за ним. Позже и Александра будут брать на опытные делянки. Сыновья подрастут — начнут помогать отцу, работать в поле — пахать, сеять, убирать урожай. Это уже когда Петр Иванович начнет преподавать в Тимирязевской академии. Днем — работа, вечером — бесконечные жаркие споры, волнения по поводу удавшихся и неудавшихся опытов...

В разговорах, спорах участвовали все — и родители (мать — Александра Германовна была тоже селекционером) и сыновья. Все они,

кроме Александра, став взрослыми, посвятили себя сельскохозяйственной науке. Александр вспоминал, как чутко ловили они слова отца о хлебе, о земле, о природе. Он учил их беречь природу. Говорил, какую радость приносит общение с ней. Он подразумевал под природой и поле, и лес, и реки, и океан...

Красный клевер. Его любовь. Его страсть. Загадочный цветок. Петр Иванович показывал Александру трехлистник с розовыми или красными сладкими цветками. Что главное в этом растении? Как должны отбирать его селекционеры? По семенам? Или по зеленым листьям? Как создать сорта быстросозревающие и морозоустойчивые одновременно?

«Мы убираем сено с лугов, как бабы в лесу собирают ягоды и грибы»,— сердито говорил Петр Иванович. Если бы на всех лугах высевать побольше клевера... Отчего он вымерзает? Может, растения, которые были завезены в Россию, слишком теплолюбивы? И если скрестить их с дикими — они приобретут силу?

Около сорока экспедиций организовал Петр Иванович. Они побывали на севере и на юге, на Тянь-Шане и в Сибири, на Дальнем Востоке и в средней полосе. Изучал, скрещивал. Собирал материал для научного исследования. Жил этим. Даже на фронт писал сыну:

«Разрабатываю громадную программу по клеверу. Надо мною смеются, что хочу организовать институт клевера. А что же? Лен занимает три миллиона гектаров и имеет свой институт, а клевер растет повсюду...»

На фронте были три его сына. Анатолий — артиллерист, Юрий — ветеринар, Александр — штурман.

Недавно, в канун Праздника Победы, в Доме офицеров Военно-Воздушной академии имени Н. Е. Жуковского встретились те, кто учился и летал с Александром. Окруженный фронтовыми друзьями, стоял сухощавый загорелый человек и оживленно рассказывал. Рядом произнес кто-то: «Это же Лисицын... Академик...».

Для них он был по-прежнему Шурой Лисицыным, курсантом штурманского училища. Правда, и тогда он их нет-нет да и удивлял. Выпуск был ускоренный, учились день и ночь, а он ухитрился найти время, чтобы заняться какими-то своими науками, не имеющими отношения к специальности. Перед отправкой на фронт товарищи узнали, что Александр выучил стенографию и английский. Он пригодился совсем скоро. И на войне, когда перегоняли самолеты с Дальнего Востока на Западный фронт. И уж, конечно, после войны. В Оклахоме Александру Петровичу вручали медаль Фрэнсиса Шепарда за успехи в морской геологии. И тут по просьбе ученых он прочитал двадцать лекций на английском. Это было в шестьдесят восьмом году, к этому времени Александр Петрович стал ученым с мировым именем.

Конечно, свободно владеть английским ему помогли не те жадно схваченные крохи знания тогда, в училище. Но, пожалуй, именно тогда он выучился не терять даром ни одной минуты, уметь все доводить до конца.

Еще до войны Александр поступил в геологоразведочный институт. Встретив Победу лейтенантом 105-го полка авиации дальнего действия, он вскоре подал рапорт с просьбой отпустить учиться. Его отпустили, но с условием — два года летать на самолетах Аэрофлота. Летал. И на международных линиях и по нашей стране. Стал штурманом второго класса, специалистом, каких немного. Но одновременно упорно учился на геолога, чем немало удивлял авиаторов. Зачем? Положения достиг блестящего, денег получал много, профессия уважаемая: летчиков все любят.

Но Лисицын иначе не умел. Не хотел. Как только представилась возможность, распрощался с авиацией, чтобы стать скромным лаборантом в институте океанологии. И учиться на вечернем отделении в геологоразведочном институте.

...Сорок девятый год. Первая океанологическая экспедиция на «Витязе». Студенту Лисицыну повезло — его взяли на судно. Конечно, это можно назвать удачей, везением, может быть — судьбой. Но каждый человек сам повинен в своей судьбе.

В этом своем плавании Александр определит то, чему отдаст и свою неуемную энергию и свой талант.

Он будет пытливо размышлять над тем, что

Петр Иванович Лисицын.

Александр Петрович Лисицын (в центре) во время очередной экспедиции.

даст людям океан в будущем. Эта мысль не даст ему покоя, как не давала покоя отцу мысль о необходимости познать природу красного клевера.

...Все собрались на палубе. Судно кренится, набегают высокие волны — трудно устоять. А надо не просто устоять, но и собрать тридцатичетырехметровую трубку и осторожно опустить ее на дно морское.

Никогда не забудется ощущение праздника, когда из глубин Тихого океана впервые удалось поднять пробу красной глины. Пробирку с такой же пробой как великую ценность в знак особого уважения к победам советского народа в Великой Отечественной войне преподнес нашим ученым английский король Георг VI. В ней были донные осадки, собранные кругосветной экспедицией «Челленджера» в 1872—1876 годах, экспедицией, которая составила первые карты глубин трех океанов. Лисицын видел этот необычный подарок. Пробирку со «своей» красной глиной он хранит как самую дорогую реликвию.

После защиты диплома — снова Берингово море, снова морские мили, холодные ветры. Работать приходилось в ватниках, закутавшись в брезентовые плащи, и все равно ветер и сырость пронизывали до костей. Вернувшись домой, Лисицын будет анализировать свои наблюдения, все пробы, взятые на корабле. Чертить схемы, считать и пересчитывать... В его монографии «Берингово море» — десятки схем, карт, описаний. Совершенно неизвестные науке сведения по осадочным породам. Интересные гипотезы их образования. Попытки разгадать тайны океана, ключ к которым, по мнению ученых, лежит в донных осадках.

И так из года в год. Экспедиции, обработка полученных данных и снова экспедиция. Ворохи исписанной бумаги, схемы, фотографии, цветные диапозитивы. Кусочек базальта. Коралл. Пробирка с красной донной глиной... И написанные книги...

...5 января 1956 года сквозь заполняющие водное пространство айсберги протиснулся широкогрудый высокобортный корабль. В воздухе, именно в воздухе парил голубой искрящийся купол — таинственный материк Антарктида. Бог погоды на свой манер откликнулся на прибытие советских ученых, среди которых был и Александр Лисицын. При чарующем сиянии солнца, при лазурном небе внезапно срывается бешеная буря, ураганной силы шторм, разбушевавшиеся волны взламывают в бухте лед... Так Антарктида приветствовала своих гостей.

Александр Лисицын таскает ящики с оборудованием, взрывает глыбы льда, сбивает доски, чтобы потом отдаться тому, ради чего он приехал на край света — исследованию дна южных морей. А они холодом, ветрами, тьмой преследовали тех, кто деловито изучал их дно. Лисицын не раз вспоминал полярных исследователей, которые вторгались в белый материк. Он знал их по именам и восхищался ими.

И как неожиданный подарок была для морских геологов встреча на обратном пути домой, в Австралии, с национальным героем страны Дугласом Моусоном. Высокий, еще крепкий старик — человек, дерзнувший пересечь царство бурь, штормовое побережье Земли Адели,— приветливо улыбался. Он был прост в обращении; вместе с гостями старательно перемывал в кухне ножи, вилки, рюмки и тарелки — всю грязную посуду, оставшуюся после приема. Глядя на него, Александр Петрович пытался представить, как Моусон ползет по снегу с ободранной кожей, обмороженными пальцами, одного за другим теряя своих товарищей...

...На обработку материалов экспедиции уйдут годы. В шестьдесят шестом — шестьдесят девятом выйдет в свет двухтомный «Атлас Антарктики», в котором вся геологическая часть, распределения донных осадков, сорок две карты принадлежат А. П. Лисицыну. Всего у члена-корреспондента Академии наук СССР Лисицына более трехсот работ, среди которых семь монографий, два-три десятка статей и две книги на английском.

Строчки ложатся на бумагу убористо, а потом обрываются... Это наброски, поиски, еще не завершенная работа. Только ее начало, анализ того, что собрано, увидено во время последней экспедиции «Менделеева» в юго-восточную часть Тихого океана. Как найти главное, то, что пока, как ему кажется, еще ускользает? Или он найден им, этот ключ, еще раньше? Как догадка, как гипотеза? Она заставляла его снова и снова бороздить просторы океана, исследовать его дно, удивительные частицы взвеси, как бы туманом повисшие в воде.

Когда-то учитель сказал: «У Александра Лисицына богатая фантазия». Его повергли в недоумение эти слова. Что значит фантазия? Витание в облаках? Предположения, которые не имеют почвы? А может, совсем иное? Просто человек умеет, сразу обойдя несколько звеньев общей цепи, шагнуть к завершающей идее, такой далекой, что она еще смутно брезжит впереди и кажется фантазией? Фантазия? Нет. Простое и логическое завершение трудных, напряженных поисков. Оно вдруг осветит все то, что было позади, и то, что будет впереди.

Наверное, и у Лисицына-отца была богатая фантазия. И именно она помогала ему за одним зерном увидеть густо колосящиеся поля, за маленьким зеленым лугом клевера — тучные стада.

Александр Петрович уже взрослым прочитал все письма Владимира Ильича Ленина о шатиловцах, лист за листом просмотрел все материалы, которые возил Петр Иванович на доклад в Кремль, ознакомился с ленинским декретом о семеноводстве, для которого трудился и его отец в начале своей жизни. И как ее достойное завершение — книга, которую Александр видел в рукописи, потом напечатанной,— книга Петра Ивановича Лисицына о красном клевере. На первой странице посвящение — «Полям моей Родины».

АНГЛИЙСКИЙ... ЗА 26 ЗАНЯТИЙ

ПОПЫТАЛСЯ ВЫУЧИТЬ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ. И ВОТ ЕГО РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

О. ПЕТРИЧЕНКО

БАХ, ЦВЕТЫ И ФАНТАЗИЯ

Вот общеизвестные факты: в прошлом веке преподаватель Болонского университета итальянец Джузеппе Меццофанти говорил на 58 языках, в наши дни терминолог секретариата ООН Джордж Шмидт владеет 69 языками, в домашней библиотеке доцента Тартуского университета Пенти Нурмекунда собраны книги на ста хорошо знакомых ему языках.

Но я, увы, не знаю ни одного. И тем представляю собой типичный образчик выпускника среднего, а затем и высшего учебного заведения, выпускника, который благополучно сдал экзамен по английскому языку, но так его и не освоил.

И тем не менее в минувшую среду я... заговорил по-английски. Случилось это в Лондоне, в небольшом ресторанчике, где мне пришлось пережить несколько довольно неприятных минут: пригласив девушку пообедать, я забыл в гостинице деньги. И поневоле должен был объяснить ситуацию официанту. Причем объяснить так, чтобы спутница не узнала о моем конфузе, а официант не вызвал полицию. Не ведаю, как мне это удалось. Но удалось: официант вместо того, чтобы устроить скандал, заменил гвоздики, стоявшие на столе, розами, которые, как выяснилось, предпочитала моя дама.

Это был, пожалуй, первый случай, когда я интенсивно использовал подспудные запасы памяти. Где-то услышанные, когда-то прочитанные и, казалось бы, навсегда затерявшиеся в закоулках огромной кладовой слова вдруг всплывали на поверхность и, цепляясь одно за другое, худо-бедно, но выстраивались во вполне понятные окружающим фразы. В глазах моих собеседников светилась такая же радость — они переживали то же самое. Ибо и «Лондон», и «ресторан», и сама ситуация были игрой. А мы — волей преподавателя — ее участниками, как выяснилось, доселе даже не подозревавшими о своих возможностях.

Мы — это пятнадцать слушателей курсов ускоренного обучения иностранным языкам, действующих в Ленинградской лесотехнической академии имени С. М. Кирова. Цель, стоящая перед нами, выглядит фантастично: овладеть английским... за двадцать шесть занятий. Каким образом? Пока не знаю. Именно для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, я и записался на курсы. Впрочем, «записался» — глагол, недостаточно энергичный для передачи усилий, которые требуются от человека, возмечтавшего попасть в заветную группу — пока едва ли не единственную на весь четырехмиллионный город.

Что касается знания английского, с которым мы пришли на курсы, мне остается только позавидовать мужеству и поразительной догадливости нашего преподавателя Н. Г. Ксенофонтовой. Та тарабарщина, на которой мы пытались изъясняться в первый вечер, никак не соответствовала тому, что мы пытались выразить.

Однако «мы» — это не совсем точно. Лично я молчал весь вечер — все четыре академических часа. И лишь поражался отваге тех, кто не стеснялся публично демонстрировать свое фантастическое произношение, дикую грамматику и беднейший запас слов.

Но молчать было трудно: с первых же минут занятий Нелли Григорьевна затеяла какой-то невероятный хоровод ситуаций, буквально вынуждавших нас общаться между собой. Знакомство на пляже, диалог пассажира, опоздавшего на самолет, с администратором аэропорта, попытка приобрести билет на Олимпиаду или дефицитную книгу в магазине... Какие только сцены не рождало ее воображение! И мы, манипулируя в основном жестами, всеобъемлющими «о'кей», «плиз», «донт ноу», выкручивались как могли.

Ночью я долго не мог заснуть: жестикулирующие администраторы, кассиры, продавцы продолжали о чем-то спорить со мной и лишь сейчас откуда-то приходили на ум слова, столь необходимые три-четыре часа назад. Но появление их было нелишним. Потому что на следующий день все они весьма пригодились в другой серии предложенных нам сценок, посвященных в основном ритуалу знакомства. На этот раз в нашей светской беседе было уже меньше междометий и жестов — выяснилось, что часть из них мы теперь в состоянии заменить звуками, безусловно, выражавшими нечто английское. А когда все окончательно выдохлись, Нелли Григорьевна предложила нам поудобнее устроиться в креслах, расслабиться и... послушать Баха. Зашелестели динамики, торжественно и мощно зазвучал орган, а когда отгремели вступительные аккорды, в плавное течение мелодии незаметно влился голос — спокойный и выразительный. Сугубая проза — глава «Знакомство» из выданного нам краткого пособия — в исполнении Ксенофонтовой обернулась вдруг маленьким спектаклем, наполненным движением, жизнью, характерами...

И самое удивительное — я понимал в нем почти каждое слово!

ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

Илья Муромец, как известно, сиднем сидел тридцать лет и три года. А потом вдруг встал и пошел. Я сидел над английским немногим меньше. Но вот, кажется, сдвинулся с места тоже. Правда, первые мои шаги отличаются не столько уверенностью, сколько стремительностью: задумав предложение, я не утруждаю себя заботами об изяществе фразы, а выпаливаю наиболее подходящие слова в устраивающей меня последовательности. Получается нечто вроде пиджин-инглиш — языка, распространенного на многих островах Тихого океана. Он помогает общению обитающих здесь народностей — числом около трехсот, у каждой из которых собственный, увы недоступный соседям диалект.

Ну, а интернациональный пиджин-инглиш понятен здесь всем. Да и как не понять, если «великан ящик, ты бить его зубы, он орать» — это, разумеется, рояль, а «малыш ящик, ты нажимать — он орать, ты тянуть — он орать» — это, безусловно, гармонь! Польский путешественник Люциан Воляновский, в чьей книге я встретил этот пример, обрадовал меня им чрезвычайно: право же, приятно сознавать, что уже через неделю занятий я могу совершенно спокойно отправляться в тропики, где примерно десять миллионов человек воспримут мой своеобразный английский как нечто само собой разумеющееся. Впрочем, и европейцы относятся к нему неплохо,— я имею в виду своих сокурсников. Во всяком случае, понимают. И отвечают примерно так же.

Кстати, до сих пор мы толком ничего не знаем друг о друге. Вроде как негласное соглашение заключили: кто ты вне курсов, неважно, важно, кто ты здесь, по сценарию Нелли Григорьевны. А она уже на второй день перекрестила всех нас на английский лад и снабдила соответствующей биографией.

Как проходят наши занятия? После неизменного обмена новостями мы становимся участниками микроспектаклей, разнообразно и весело обыгрывающих ситуации урока, с которым нас знакомили прошлый раз. Ну, например, тема «Гости». Собираясь отправиться к кому-то с визитом, сначала по заданию Ксенофонтовой предварительно обставляем квартиру хозяина. Бедный хозяин! Помимо предметов первой необходимости, мы набиваем его жилище... крокодилами, цветущими яблонями, ЭВМ и еще бог знает чем. А все потому, что обязательно хочется использовать максимум пришедших вдруг на ум или запомнившихся во время обмена новостями слов. Но поскольку просто так крокодила в квартире не пристроишь, заодно сочиняем басню о том, что хозяин страшно любит рептилий, недавно вернулся из Африки, и кто знает, куда бы нас еще заносили мотивировки и ассоциации, если бы не Нелли Григорьевна. Всячески поощряя наше сочинительство, она тем не менее ловко направляет его в русло урока, так что прежде всего мы усваиваем название предметов, для квартиры обязательных и куда более необходимых, чем крокодил.

И не беда, если обязательное слово, попав в одно ухо, тут же вылетит из другого. Деваться ему все равно некуда: мы с ним встретимся еще много раз. Уроки как бы вытекают один из другого, и все слова, выражения непременно повторяются: в текстах, диалогах, пословицах, юморесках, песнях. После игровой части занятий начинается техническая — включается магнитофон, и Нелли Григорьевна под музыку знакомит нас с содержанием очередной главы.

Вот так в общих чертах выглядит примерная схема наших ежевечерних «погружений» в английский.

Я не упомянул еще многое: просмотры диапозитивов, короткометражных кинофильмов, письма, которыми мы обмениваемся друг с другом, разговоры, которые мы ведем с «настоящими англичанами» — преподавателями других вузов, приходящими на наши лекции.

А главное — я ничего не сказал о Ксенофонтовой.

Что греха таить — после напряженного, прошедшего в заботах дня мы приходим в аудиторию, отнюдь не готовые к мгновенному перевоплощению в Смитов, Паркеров и Клайдов. И в том, что перевоплощение все-таки происходит, безусловная заслуга неизменно элегантной, доброжелательной и остроумной нашей наставницы. Неожиданность предлагаемых ею вопросов, ситуаций, поступков, фейерверки парадоксов, загадок, мистификаций — все будит воображение, создает яркую, праздничную атмосферу студенческого «капустника».

Позже я узнал, что столь про-

стая и приятная для нас дорога к овладению чужим языком проложена многолетними, кропотливыми исследованиями болгарских и советских ученых-психологов, методистов—Г. К. Лозанова, А. А. Леонтьева, Н. В. Смирновой, И. Ю. Шехтера и других. Их труды позволили создать принципиально новую методику обучения иностранным языкам, в основу которой положены такие важнейшие принципы, как предварительный социометрический отбор учащихся, разработка ролевых игр, интенсивное использование явлений гипермнезии (сверхпамяти). Ставка на скрытые резервы нашего организма, на те реакции, которые, по словам Г. К. Лозанова, «проходят незаметно, недостаточно осознанно или полностью неосознанно для личности», дает поразительный эффект: за один сеанс запоминания учащиеся усваивают до 200—250 новых слов и словосочетаний!

Ускоренный курс предусматривает девять таких сеансов. Между ними—разработка полученной информации на базе «ролевой игры», проблемных ситуаций и т. п. А в итоге за каких-то 26 дней вы получаете отнюдь не пассивный баланс в две тысячи (!) слов и словосочетаний.

ДЕРЗАТЬ ГОТОВЫ, СКАЖИТЕ, ГДЕ!

Я плохо верю в чудеса. Но вынужден признать, одно из них свершилось: к нынешнему, последнему по программе вечеру мы самостоятельно (!) сочинили целый спектакль на английском языке.

Назывался он «Сотворение мира» и рассказывал о том, как мы в течение месяца создавали и осваивали новый для себя мир — мир английского языка. Это наш сюрприз Н. Г. Ксенофонтовой, и впервые мы, а не она были авторами сценария этого занятия, впервые она, а не мы была зрителем.

После спектакля наступила пора... знакомиться друг с другом. По-настоящему. И выяснилось, что самый молодой среди нас — еще студент, самый почтенный — уже профессор, трое — кандидаты технических наук, один на самом деле — преподаватель немецкого, один — переводчик с французского. В целом же «гуманитариев» и «технарей» у нас примерно поровну, как примерно равными оказались и наши успехи в овладении предложенным курсом.

Ну, а что думают мои коллеги о самом методе ускоренного обучения?

В. БАРАНОВ, студент третьего курса Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова:

— По программе английский у нас раз в две недели. Молча корпим над переводами. И молчание это, судя по опыту большинства выпускников, на всю жизнь. Выход из положения вижу только в широком распространении курсов, подобных нашим.

Л. ЧЕРНЕНКО, преподаватель кафедры иностранных языков Ленинградского института точной механики и оптики:

— Я осваивала немецкий традиционным путем. Примерно так же обучаю своих студентов. Но убеждена: будущее за новым методом, потому что он развивает коммуникативные начала. А ведь именно речь — цемент, скрепляющий здание любого языка. Без умения общаться вызубренные слова, грамматические правила лежат в памяти мертвым грузом.

...А сейчас мне хочется разочаровать любителей сенсаций, тех, кто склонен усматривать в любой новинке прежде всего парадную сторону. Немало шума вызвала в свое время лозановская система, являющаяся составной частью нового метода. Но шум утих, и пришла пора серьезных выводов.

Первый из них — не ждите чуда. Если вы полагаете, что через месяц учебы сможете свободно читать Хемингуэя в подлиннике, а на гастролях Шекспировского мемориального театра обойдетесь без услуг переводчика,— вы заблуждаетесь. Через месяц у вас будет только то, что вам обещали в начале занятий,— свободное владение двумя тысячами слов. Маловато для Хемингуэя и Шекспира. Зато вполне достаточно для приличного общения с иностранцами. А это, согласитесь, не так уж плохо. Напомню: согласно подсчетам ученых, лексический минимум основных европейских языков состоит примерно из трех тысяч слов и фразеологических сочетаний. Так что базу для дальнейшего совершенствования в английском вы получите прекрасную. Если, конечно, сумеете попасть на курсы. А это, как выяснилось, проблема не только для Ленинграда... В межвузовской лаборатории по иностранным языкам Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР мне назвали всего несколько вузов — в Москве, Тольятти, Казани, где ведется экспериментальная работа по использованию интенсивных приемов обучения иностранным языкам.

Мои собеседники — ученый секретарь научно-методического совета по иностранным языкам при Минвузе Г. В. Елохова и доцент лаборатории И. А. Щукина — не скрывают: перед новой методикой стоит столько сложностей — организационных, административных, теоретических, что говорить о реальных сроках повсеместного ее внедрения пока что рановато.

Пессимизм этот вполне объясним: первые группы ускоренного обучения в лесотехнической академии и других институтах появились еще в начале... семидесятых годов. Но далее эксперимента дело, похоже, так и не пошло, хотя и опыт немалый уже накоплен, и диссертации защищены, и даже фильм вышел. О нем, кстати, следует сказать особо: благодаря кинодокументалистам не единицы, а сотни тысяч людей смогли познакомиться с блестящей работой московских преподавателей Г. А. Китайгородской и М. А. Майоровой. Динамичный, убедительный фильм «Дерзайте, вы талантливы» (главный консультант — академик АПН А. Петровский) получил заслуженное признание зрителей. А после демонстрации по Центральному телевидению вызвал обширную почту. Суть большинства писем наиболее лаконично выражена в одном из них: «Дерзать готовы. Скажите, где?»

Этот вопрос, заданный уже в начале восьмидесятых годов, мы и адресуем Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР.

СКУЛЬПТУРА ИЗ ФАРФОРА

Светлый, добрый мир старой сказки, бьющее через край веселье народного праздничного гулянья обступают нас, когда мы знакомимся с работами Галины Дмитриевны Чечулиной, часть которых представлена на нашей четвертой обложке.

Она закончила Московский институт декоративного и прикладного искусства — был раньше такой в столице,— и вот уже двадцать восемь лет скульптор Дулевского фарфорового завода. Ее красивые, самобытные работы радуют выразительной пластикой, искрометным юмором, точными, меткими деталями.

Русская сказка сразу вошла в творчество художника и надолго приковала внимание. Названия некоторых ее произведений говорят сами за себя: «Жар-птица», «Конек-горбунок», «Волшебное зеркало». В потешных сценках, в языческих образах, которые воскрешает Г. Чечулина,— бьющая через край народная фантазия, почти реальное ощущение чуда. Широкая масленица с румяными блинами, парой чая, со знаменитым российским гостеприимством. Лихие тройки с удалыми седоками, кони, рвущие удила, взбивающие снег копытом. Потешник на козе, а то и на свинье, играющий на балалайке...

Галина Дмитриевна говорит, что ее привлекает все, что веселит народ. Отсюда и тяга к цирку, ведь это искусство своей фееричностью сродни волшебству. Среди ее олимпийских сувениров клоуны и радушные, улыбчивые скоморохи, словно олицетворяющие сам русский характер, доброту, отзывчивость.

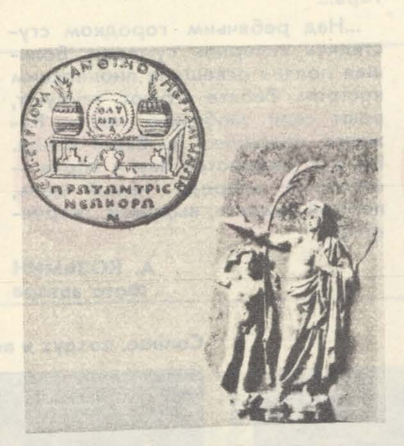
Кроме обычных для фарфоровой скульптуры двух цветов — белого и синего кобальта, художник вводит алый, золотой, даже черный, который так торжественен и загадочен рядом с белым и золотым, так выразительно акцентирует движение.

Все ее скульптуры динамичны и там, где того требует образ, исполнены вихревых, стремительных ритмов. Изящны по пластике, благородны и богаты по цвету ее работы, посвященные балету,— «Кармен-сюита», «Персидский танец», Одетта, Китри...

Большое значение скульптор придает форме произведения, конструктивности. Для барельефа она выбирает, например, срез сферы, на котором эффектно и изысканно выступает изображение владимирских Золотых ворот — легкие стройные линии белого силуэта на фоне иссиня-темного неба, по которому бегут, курчавятся золотые облака.

Глядя на интересно задуманные и с большим вкусом выполненные работы, невольно сожалеешь, что они почти не тиражируются, их нигде нельзя купить. А ведь скульптура из фарфора — искусство малых форм — наиболее доступна и может постоянно быть рядом, сопутствовать нам в повседневной жизни.

О. КРАСНИКОВА

ИЗ ИСТОРИИ ОЛИМПИАД

ВЕТВЬ И ВЕНОК

«Если бы ты сам находился среди зрителей и наблюдал доблесть атлетов, красоту их тел, удивительную стройность, ловкость, силу и настойчивое стремление к победе,— ты не переставал бы громко хвалить состязающихся, рукоплескать им и даже кричать во все горло». Вот как древнегреческий законодатель Солон высказывался о «болельщиках» на стадионе и ипподроме.

Бурные овации сопровождали выступления всех атлетов, участвовавших в Олимпийских играх,— пятиборцев и кулачных бойцов, возничих и наездников. Впрочем, в отношении последних случалось и так, что награду получал не соревнующийся, а хозяин упряжки или скакуна, иной раз даже не присутствовавший на состязании. Содержать лошадей лучших пород могли только весьма состоятельные люди.

...На каменном рельефе, высеченном в IV веке до новой эры, изображен судья, который провозглашает очередного победителя, олимпионика. Тот стоит рядом — с длинной пальмовой ветвью, придерживая на голове масличный венок. Ветвь и венок — таковы были награды Олимпийских игр, достойное завершение состязаний. До нас дошел рассказ о том, как легендарный герой Тесей побывал на острове Делосе, где некогда родился Аполлон, впоследствии прославивший себя и в искусстве спорта. Герой устроил в честь божества атлетические состязания, а наградой в них выбрал ветку пальмы — по той причине, что мать Аполлона произвела его на свет, обняв руками ствол этого дерева.

Но наиболее почетным призом был венок с оливы, которая росла в самой Олимпии. По преданиям, дикую маслину принес сюда с дунайских берегов другой прославленный герой, Геракл, и сделал ее наградой на Играх, установленных здесь по случаю свершения им очередного подвига. Греки называли этот венок лучшим знаком Игр и говорили, что он никогда не должен завянуть, ибо ничья зависть не смеет коснуться его красоты.

В более поздние времена венок, а также укороченные ветви в специальных урнах выставлялись на особых призовых столах, отделанных ценными сортами дерева и золоченой бронзой. Такой стол и венок с надписью «Олимпия» мы видим на одном из греческих медальонов, изготовленном в III столетии новой эры.

Когда к XV Олимпийским играм в Хельсинки был возобновлен выпуск монет с олимпийской тематикой, на серебряных деньгах номиналом в 500 финских марок изобразили наградной венок — приз, восходящий к временам глубокой олимпийской древности.

В. БРАБИЧ, Г. ПЛЕТНЕВА,
старшие научные сотрудники Эрмитажа

ЗВОН

В живописном уголке Подмосковья раскинулся пионерский лагерь «Восток» автозавода имени Лихачева. Под чистые звуки горна уже успевшая загореть детвора выбегает на зарядку, радуясь солнцу и утру...

Сорок с лишним лет назад недалеко от старинного села Мячково в могучем сосновом бору по инициативе Ивана Алексеевича Лихачева, чье имя носит завод, началось строительство лагеря. Тогда за год возвели четыре корпуса, и двести детей были первыми его хозяевами. А сейчас здесь целый городок с кинотеатром, футбольными полями, площадками для баскетбола, волейбола, тенниса.

За лето в городке отдохнут около четырех тысяч ребят.

Входим в зал, где развернулись жаркие шахматные баталии. Мальчишки сидят, согнувшись над досками, и не сразу замечаешь маленькую девочку, сосредоточенно обдумывающую очередной ход. Несколько ребят окружили единственную шахматистку и по-рыцарски пытаются ей помочь. Слышится музыка — это началась репетиция кружка бального танца. Тут, наоборот, главенствуют девочки.

Радостные возгласы доносятся из лагерного бассейна. Лица юных пловцов без лишних слов говорят о том, сколько удовольствия доставляет ребятам купание.

Лагерем в лагере можно назвать «Юный торпедовец» — спортивно-оздоровительную базу ЗИЛа. Около двадцати лет работает на территории «Востока» юношеская спортивная школа. Увлекательное зрелище — чемпионат лагеря по футболу. Дети — самые искренние болельщики. А когда играет твой отряд, эмоциям нет конца. Суетятся за воротами мои коллеги — юные фоторепортеры, с азартом не меньшим, чем у тех, кто играет на поле, щелкают затворами: снимки о бескомпромиссных матчах должны появиться в завтрашней стенной газете.

В 12—14 лет вроде уже и неудобно играть в куклы. Но сделать их для других — иное дело. Поэтому девочки с увлечением занимаются в кружке мягкой игрушки.

Всегда интересно сходить на экскурсию, разведать новые пути, собрать лекарственные травы, посидеть на берегу Москвы-реки. А поиграть с козой — разве представится такой случай в городе? «За аппетит у всех я сегодня ручаюсь»,— сказал вожатый, когда мы возвращались обратно в лагерь...

...Над ребячьим городком сгустились вечерние сумерки. Большая поляна освещена пионерским костром. Ребята играют, танцуют, поют свои любимые песни. Кажется, празднику не будет конца. Но вот раздаются звуки горна — отбой! А впереди новый день, полный радости, выдумок, творчества!

А. КОЗЬМИН
Фото автора

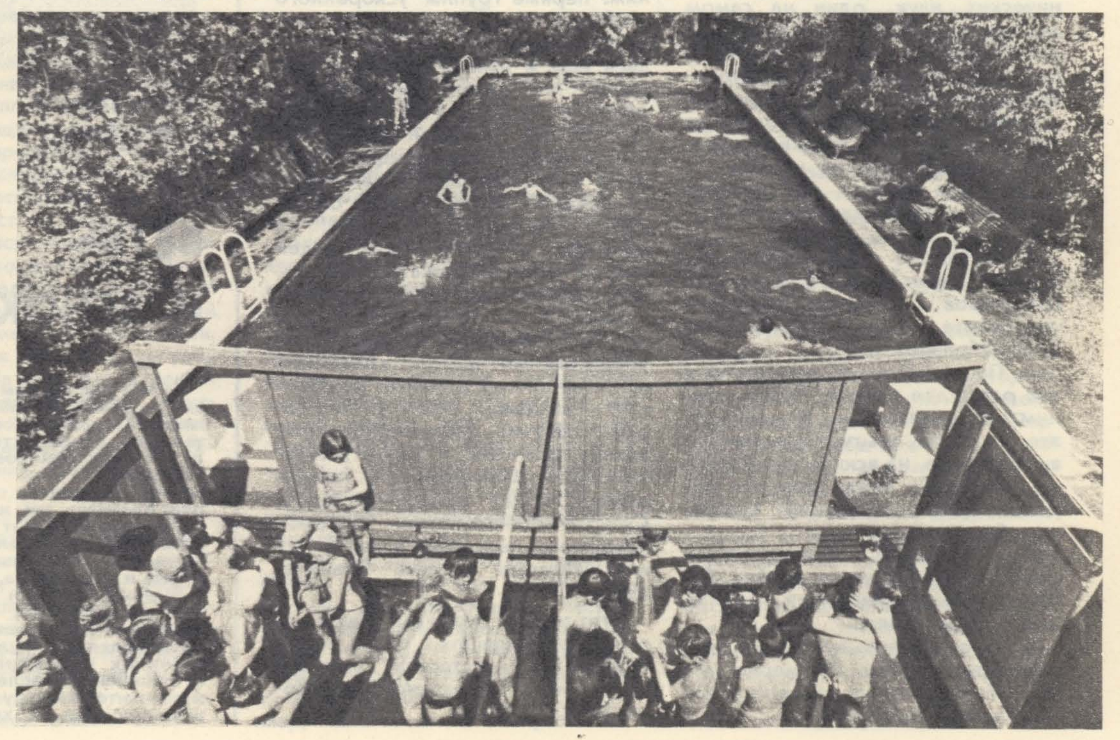

Улыбка.

Вкусно!

Солнце, воздух и вода...

С добрым утром.

КИЙ ГОРОД

Какая встреча!

Шире круг.

«Королева красоты».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Республики Советской Прибалтики ныне празднуют юбилей: сорокалетие. Торжественное лето наступило с резкими перепадами холода и жары, запоздалым, но бурным цветением, горячей работой в цехах и на пашнях, подготовкой к традиционным праздникам песни и к Олимпийской парусной регате в Таллине.

Сорок лет — зрелая творческая пора. Вершина же творчества — сам творец, человек. Создавая духовные и материальные ценности на благо Отечества, человек по-новому создает и себя.

Лучший способ информации о современности народа — рассказ о его людях. Но ведь в трех прибалтийских республиках несколько миллионов населения: не так-то просто выбрать троих!

Мы ограничили круг выбора ровесниками социалистических преобразований, теми, кто родился в 1940 году. Теми, кто, как и их республики, находится в поре расцвета. И все же в нашем выборе, разумеется, есть элемент случайности. Однако в чертах случайности всегда проступают черты закономерности — таков ход общественного развития...

Нина ХРАБРОВА, фото Михаила САВИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

ЦЕНА ПОДОШВ

Лионгинас Пажусис — он заведует кафедрой английского языка Вильнюсского университета — был приглашен в США, в Буффало, прочитать курс лекций по лингвистике в тамошнем университете. Пажусисом живо заинтересовались журналисты. В Чикаго к нему подошел корреспондент реакционного («оголтелого» — так сказал Пажусис) эмигрантского журнала, издающегося на литовском языке.

— Мы убедились,— мирно начал он,— что Советская власть много дала Литве. Но почему все-таки Литва вошла в состав Советского Союза, а не осталась отдельным государством?

— В 1940 году вы были еще в Литве? — спросил Пажусис.

— Да.

— А может, вы даже голосовали за депутатов того Народного сейма, который обратился потом в Верховный Совет СССР с просьбой принять Литву в состав СССР?

— Голосовал.

— В таком случае я должен вас поблагодарить. Спасибо за то, что и ваш избирательный бюллетень помог Литве стать такой, какая она ныне. Напомню, видимо, уже забытую вами статистику: по переписи 1940 года в Литве насчитывалось более ста восьмидесяти тысяч вовсе неграмотных и двести двадцать три тысячи малограмотных. Из крестьян и рабочих, разумеется. Литва была отсталой. Теперь неграмотных и малограмотных у нас нет. За годы Советской власти в Литве подготовлено двести пятьдесят тысяч специалистов среднего звена. А Вильнюсский университет, который я оканчивал и в котором теперь работаю, за послевоенные годы выпустил тридцать тысяч специалистов с высшим образованием. Не помните ли, сколько инженеров подготовил Каунасский политехнический за два десятилетия буржуазной власти? Скажу: триста три инженера. А сейчас их у нас в республике сорок три тысячи. Итак, еще раз спасибо!

...Мы сидим с Пажусисом в помещении кафедры английского языка, а находится она в том университетском здании, где на фронтоне написано по-латыни: «Дом филологии». За дверью кипит работа: художники расписывают в черно-терракотовых тонах Вестибюль Муз. В глубине души хочется невозможного — вернуться в невозвратный возраст, поступить в этот университет, стать одной из шестнадцати тысяч его питомцев. Не гостьей, а хозяйкой расхаживать по темноватым старинным коридорам, по солнечным квадратам мощеных дворов. Очень уж он юный и романтичный — этот четырехсотлетний университет! И как во всем Вильнюсе живет здесь гармония прошлого и настоящего...

Лионгинас Пажусис выискивает «окна» между лекциями и консультациями, благодаря этим «окнам» мы и заглядываем в его жизнь, даже в самые дальние ее уголки.

До 1940 года родители Лионгинаса работали в многоземельном имении епископа, отец — кучером, мать — служанкой. Лионгинас родился весной, в канун лета. А жаркое лето 1940 года словно расплавило старые устои, знойный ветер сломал перегородку, отделяющую слуг от господ, и Литву будто омыло освежающим дождем. Отец Лионгинаса, Пятрас, поступил рабочим на железную дорогу. Мать еще какое-то время оставалась верна религии, учила сына непонятным католическим молитвам. Но во время оккупации был арестован дядюшка Лионгинаса — советский депутат Кайшядорского горсовета, мать кинулась к ксёндзу за помощью. Тут-то ей и пришлось прозреть: священник попросту выгнал свою прихожанку. Потом мать сердито говорила:

— Ксёндзы!.. В проповедях так превозносили добро, а сами фашистским убийцам помогали...

Войну Лионгинас помнит по рассказам. Но есть и собственное, правда, смутное, воспоминание: фонтанчики горячей пыли у самой головы. Мать объясняла — фашисты, отступая, бомбили станцию, люди, конечно, бежали, а по ним стреляли из пулеметов. После войны мать по старой привычке все же водила иногда Лионгинаса в костел. Там было интересно: горят свечи, поет детский хор, певчие в маленьких белых сутанах. Зрелище! Потом в жизнь вошло кино, школьная самодеятельность, октябрятские и пионерские сборы,— не до костела стало ему. До сих пор вспоминается школьный кружок моделизма. Занимался с ребятами русский, бывший военный. Чему только он не научил мальчишек! Сделали в кружке большую модель целинного совхоза «Березовка». Ребята научились у своего руководителя русской речи — Пажусис говорит по-русски с той же легкостью, что и по-литовски. А потом появился в школе преподаватель английского, подметил в Лионгинасе способность к языкам, привлек к работе над англо-литовским словарем — мальчик вписывал в рукопись фонетические знаки, читал корректуру.

Вскоре словарь вышел в свет. Как парнишка обрадовался, увидев книгу, к которой сам приложил руку! В одиннадцатом классе он уже перевел на литовский — «Первые люди на Луне» Уэллса — до сих пор дома хранится та толстенная тетрадь.

— У меня было множество разных увлечений,— говорит Лионгинас,— в том числе и журналистика. Со студенческих лет до защиты кандидатской работал диктором на радио — сначала в передачах на литовском, потом на английском — для зарубежных слушателей.

Благодаря увлечениям он прожил как бы несколько жизней, разных и интересных. Ходил с рыбаками в Атлантику: шкерил селедку. Работал гидом в Интуристе. Каждое лето отправлялся в колхозы со строительными отрядами. Еще не окончив университета, был назначен деканом подготовительных курсов. Любил пешие турпоходы...

— Меня привлекала работа в комсомоле, в университетской партийной организации,— рассказывает Пажусис,— и сейчас привлекает. По натуре я пропагандист: хочется вовлечь в активную общественную жизнь как можно больше людей.

По окончании университета он остался на кафедре английского языка. Был направлен переводчиком на ЭКСПО-67 в Монреаль.

— Эта поездка помнится и сейчас. Интерес к Советскому Союзу, советскому павильону был особый — пристрастный, иногда до придирчивости, и отрадный. Я даже не думал, что столько людей в мире радуются нашим успехам. Эмигранты были потрясены тем, что литовскую правительственную делегацию встретили в Монреале с почетным эскортом. Канадцы поняли, что Литва суверенна в составе СССР, что она — часть могущественного государства. Тот год был переломным в настроениях литовских эмигрантов — они стали недоверчивы к антисоветской пропаганде, и большими туристическими группами приезжают в Литву. Расспрашивают, как идут дела на стройках, стремятся побольше узнать о нашей живописи, музыке, скульптуре. Расхваливают литовское искусство витража. О новых заводах говорят: «Это в Литве-то, стране кустарных мастерских!» Их поражают большие поля вместо крестьянских лоскутков, урожаи до 30 центнеров с гектара вместо 10—12.

— Во время канадских и американских встреч,— продолжает Лионгинас,— меня заинтересовали проблемы развития литовского языка в Северной Америке. Странный он там: окаменелый, неразвивающийся, несмотря на все усилия сохранить и развить его. Меня занимали чисто профессиональные проблемы: кодовые переключения языков, их взаимопроникновение в зависимости от социальных условий, их жизнеспособность и нежизнеспособность...

Десять лет назад Лионгинас Пажусис защитил диссертацию «Фонетическая и морфологическая интеграция английских заимствований в языке литовцев Северной Америки». Сейчас пишет докторскую — «Литовский язык в Северной Америке». Вместе с тем молодой вильнюсский ученый стал известен в англоязычных странах как знаток американского варианта английского языка, Лионгинас читает курс лекций по этой отрасли языкознания не только в СССР, но и за рубежом. И еще: недавно вышел в свет сборник стихотворений Саломеи Нерис в английском переводе Лионгинаса Пажусиса. Эпиграфом к сборнику он выбрал начало стихотворения: «Маленький мой край — как золотая капелька густого янтаря...»

— Было время, когда в результате эмиграций литовцев за границей оказалось почти столько же, сколько в Литве,— возвращается к главной теме разговора мой собеседник,— теперь за пределами Литвы их все меньше и меньше. Многие перебрались на родину. А в эмиграции старшее поколение уже умерло, младшие ассимилируются. И ассимилируется, растворяется язык. Вряд ли он еще просуществует в Америке более нескольких лет.

Однажды за океаном Лионгинас Пажусис познакомился со своим сверстником-литовцем, преподавателем университета. Казалось бы, чего еще? Но тот жаловался:

Вечерняя Рига ✻ Цветочный базар в Таллине ✻ Лионгинас Петрович Пажусис заведует кафедрой в Вильнюсском университете.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Студенты Вильнюса ✻ В эстонском селе Адавере ✻ Заместитель технического директора ВЭФа Петр Оскарович Видениекс.

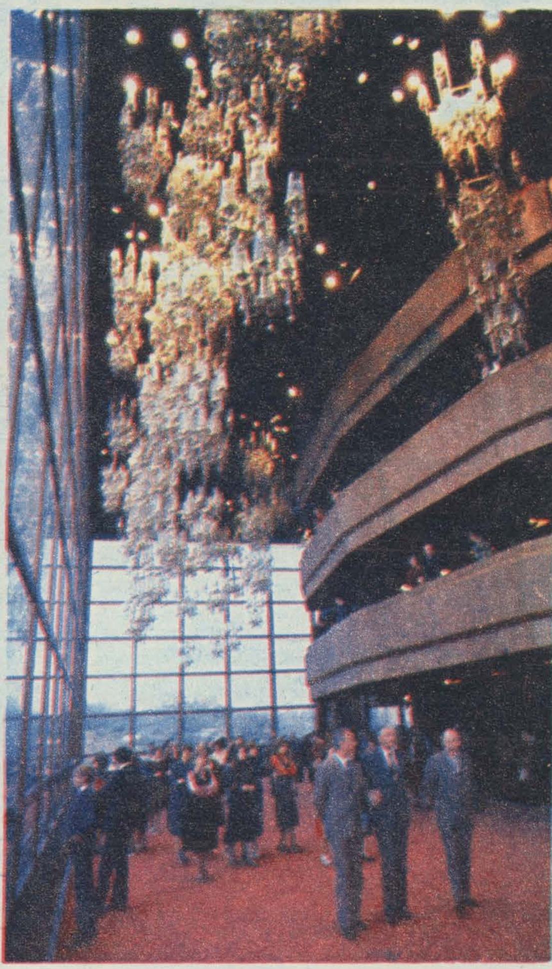

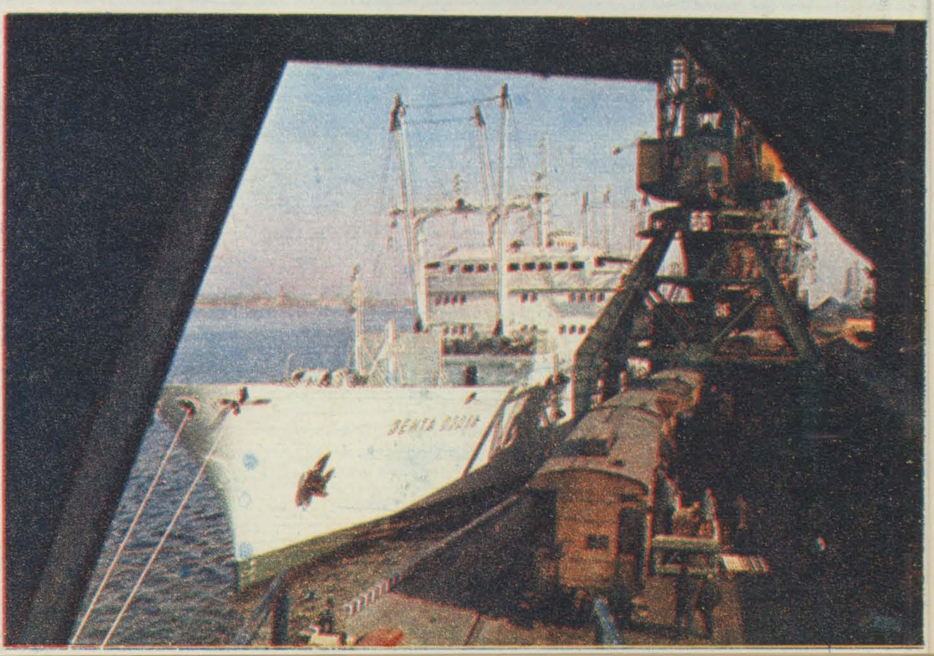

— Среди преподавателей я чувствую себя человеком второго сорта. Вынужден к ним приспосабливаться и всюду искать выгоду — здесь модус жизни таков. Это наши отцы виноваты: зачем вывезли нас из Литвы?!

На кафедре у Пажусиса занималась девушка, которую эмигранты-родители не взяли с собой, оставили совсем маленькую. Став взрослой, она разыскала родителей, вполне зажиточных людей, и уехала в Америку. Однако через три года вернулась в Литву и вновь поступила в университет. Ее спросили: как же она смогла оставить родителей? Девушка ответила:

— Там люди не умеют любить. И цветы не пахнут.

Теперь она уже окончила университет, живет и работает в Вильнюсе.

— Одних эмигрантов мне бывает искренне жаль,— говорит Пажусис,— другие оставляют какое-то тягостное впечатление. «Оголтелые» еще продолжают свои наскоки. Только вот поводов для наскоков становится все меньше. Развернули было компанию «против запрета религии» — провалились: в Литве религию никто и не собирался запрещать. Теперь пробуют оседлать другого «конька».

— Говорят, у вас в Литве с одеждой не очень-то важно...— сказал однажды Лионгинасу один американский «соотечественник».

— С чего вы взяли? — удивился не придающий первостепенного значения моде Пажусис. Потом понял, внимательно оглядел себя и собеседника, согласился.

— Да, галстук у меня не так блестящ, как ваш, и подошвы попроще. Но у моих подошв есть незаменимое преимущество: завтра, когда я сойду с самолета, они крепко встанут на литовской земле.

ЧЕЛОВЕК-МОЛНИЯ

Чтобы попасть в кабинет к заместителю технического директора производственного объединения ВЭФ, надо миновать длинный коридор. Вдоль стен здесь высятся на подставках красивые, темно-коричневые с темно-синим табло, время от времени на них вспыхивают красные и зеленые цифры. Ниже стоят ряды приборов, похожих на пишущие машинки, с клавишами и кнопками. В глубину коридора уходят алюминиевые контейнеры, явно готовые принять в себя всю эту аппаратуру и отправиться в путешествие.

— Рабочее время у меня расписано по минутам,— прохладно сказал мне Петр Видениекс,— поэтому, если вас интересует то, что стоит в коридоре — а это система «Гимнаст»,— попробуйте в ней разобраться и тогда уж приходите ко мне.

Видно, сухость и краткость — непременные качества делового человека, решила я, и, «спрятав в карман» легкое разочарование, начала «раскусывать» «Гимнаста».

Все мы помним — видели хотя бы по телевизору,— как спортивные судьи писали свои цифры на записочках, потом совещались и выводили среднюю оценку. На Олимпиаде в Монреале они пользовались уже калькуляторами и табло.

— А на Московской Олимпиаде судьи будут только нажимать кнопки оценок, все остальное сделает электроника,— рассказывали инженеры из группы Видениекса.— Наш «Гимнаст» скоро уедет в Москву, в Олимпийский центр. «Гимнаст» прост, корректен, беспристрастен и точен — словом, клад для спортивного судьи.

212 единиц разных устройств: пульт директорской связи с 35 абонентами, дисплеи жюри и секретариата, аппаратура автономных подсистем многоборья, судейские пульты, пульт арбитра с кнопками одобрения и неодобрения, пульт секретаря, информационные табло, микро-ЭВМ, и прочее — все это сделано здесь, на ВЭФе, все радует глаз прекрасным дизайном и в обращении воспринимается столь же несложно, как кнопки и тумблеры наших телевизоров.

Петр Видениекс дал нам несколько листков с отзывами иностранных фирм, которые ознакомились с «Гимнастом» в Женеве, на выставке «Телеком». Там было все по последнему слову техники, но ничего похожего на «Гимнаст». Отзывы представителей фирм заканчивались пожеланиями успеха Олимпиаде-80.

«Фантастический компьютер оценок!» — написал Билл Пофеза из американской фирмы «Моторола». «Необычное и отлично продуманное техническое решение» — это Дональд Ульман, США. «Было интересно с технической точки зрения посмотреть микровычислительную систему в действии» — Джон Легал, США. «Впечатляющий экспонат!» — Р. С. Феннинг, США. «Надеюсь увидеть эту систему в действии в Москве, на Олимпиаде-80» — Р. И. Джеймс, США. «Система отличная как с технической стороны, так и с точки зрения ее использования» — Раймо Тули, президент «Телефенно», Финляндия. «Какие формы!» — Фюмон Шнайдер... И так далее все в том же духе.

В чем смысл «Гимнаста»? Существует принятая в судействе базовая оценка. Судья, исходя из нее, нажимает кнопки «Гимнаста» — сбавляя эту оценку за нарушения, прибавляя за риск, выразительность, за оригинальность. Если ошибся или передумал, может стереть оценку и поправить. На своем дисплее он видит все, что у него получилось, и если что не так, делает коррекции. По каналам связи информация идет на дисплей арбитра, а от него — на световые табло для зрителей. Вся информация остается в памяти машины. Машина же распечатывает протоколы, которые раздаются судьям.

Впрочем, пытаться описывать вершины техники — неблагодарное занятие: уж если знатоки считают «Гимнаст» фантастическим, то гуманитариям за лаконичными линиями пультов и табло непременно будет мерещиться какая-то сверхъестественная сила. К тому же скоро мы все — воочию или по телевизору — увидим его в действии.

«Гимнаст» был сделан быстро, а задуман давно, история его связана с жизнью и работой Петра Видениекса, и пора уж нам познакомиться с этим человеком поближе.

— Старайтесь не опаздывать, но раньше времени тоже к нему не приходите,— напутствовали нас.— Точность — пунктик Видениекса. И скорость. На заводе его зовут «человек-молния». У него даже походка особенная — будто летит, а не идет. Продумайте вопросы — на праздные ответы он неспособен.

Увы... Рига была так хороша в весеннем наряде, в разливах пылающих тюльпанов, что я не удержалась и задала заместителю технического директора самый праздный из вопросов:

— Любите ли вы Ригу?

Петр Видениекс поднял на меня строгие глаза и неожиданно улыбнулся:

— А как же? Я ведь рижанин, и чем старше становлюсь, тем больше ее люблю. Со всеми шпилями и петушками, готикой и барокко, музыкой, запахом парков. Люблю музеи и театры, яркую толпу на улице. Пригороды, где зимой бегаю с сыном на лыжах. Море и Юрмалу...

Вот тебе и сухарь-технарь!

Он рос в семье, где все должно было привести его к выбору гуманитарной профессии. Его дядя, народный артист Латвийской ССР Алфред Видениекс, водил его в свой театр — имени Упита, ходил с племянником и в другие театры. Алфред Видениекс — мастер психологических образов, художник, тонкий и серьезный. Петр с детства прислушивался к его оценкам спектаклей, фильмов, концертов, выставок. Мера художественных ценностей в семье сформировалась давно и точно.

— Неисчерпаемый кладезь духовного богатства для меня Ленинград,— рассказывает Петр Видениекс,— одного только Эрмитажа хватит на всю оставшуюся жизнь. Люблю ленинградские, московские театры и наши рижские. Помощник режиссера театра имени Райниса Карлс Аушкапс — мой добрый приятель, он напористо вовлекает меня в проблемы современной драматургии. А главным театральным авторитетом остается дядя Алфред. Люблю латышских художников, и старших и молодых, за их способность радовать и удивлять. Почему в таком окружении я все-таки стал инженером? Ответ прост. Рига с давних пор — город электротехнический, а в те годы, когда я учился в школе, бурно «выходила в люди» электроника. Радиоприемники из огромных превращались в портативные, телевизоры с мини-экранов переходили на макси. Работа с такими вещами, думалось мне, всегда будет давать зримую, реальную отдачу. Может быть, я бессознательно выбирал ее именно в противовес длительным процессам отдачи в искусстве.

Электротехническое нетерпение заставило Петра Видениекса после восьмилетки поступить в техникум, оттуда — в Рижский политехнический институт. На ВЭФ он пришел инженером по разработке радиоаппаратуры и нестандартной аппаратуры радиопроизводства.

— Прозвали меня «молнией», еще про точность мою говорят, про требовательность к себе и к другим,— усмехается Петр Видениекс.— Но можно ли мириться с небрежностью и медлительной мечтательностью в нашем производстве? Это значит — сознательно обречь себя на вечное прозябание в хвосте. Работа наша самым тесным образом переплетена с наукой. Я — за науку! Но только сначала сделай придуманное тобою, внедри, убедись, что работа твоя результативна, необходима, тогда и защищай диссертацию. Боюсь пустых затей...

Человек последовательный, сам он так и поступает. Занимается электротехническими системами. За создание и внедрение системы высокопроизводительного массового радиопроизводства был в 1973 году удостоен Государственной премии СССР. Уже в то время думал о проблемах спортивной судейской аппаратуры. Предшественник теперешнего «Гимнаста», сконструированный Видениексом, обслуживал Универсиаду-73. «Гимнастом» заинтересовался Главспортпром, ВЭФу предложили заняться аппаратурой для Олимпиады-80. Задолго до нынешнего лета надо было предугадать — какого уровня достигнет электротехника в 1980 году.

— Мальчики,— сказал инженерам Видениекс, когда его назначили главным конструктором «Гимнаста»,— придется нам вместе пуд соли съесть.

Пуд соли — наверное, не один — был съеден. Группа инженеров и конструкторов, работавшая над «Гимнастом», стала единым организмом. Им действительно удалось предугадать технику будущего.

— Мальчики,— говорил Видениекс,— изобретать велосипед у нас нет ни времени, ни необходимости. Давайте проникнемся мировыми аналогами: они полезны. А если и не отыщем нужного нам — не беда: мы ведь инженеры, сами придумаем.

Им часто не хватало деталей — особых, еще неизвестных.

— Я пока не встречал такого отдела снабжения,— говорил в таких случаях Петр,— который принес бы на блюдечке с голубой каемочкой несуществующие детали. Будем делать своими силами.

И вот «Гимнаст» закончен и показан на высшем уровне мировой техники в Женеве. Приняты поздравления, добрые пожелания.

— За это время как на положительном, так и на отрицательном опыте я понял смысл очень важной работы — организации производства. Руководитель должен быть всесторонним человеком. Мудрым и добрым. И требовательным! Обязательно высокообразованным: уметь не только выдвигать проблему, но и решать ее. Учиться надо всем, все время, каждый день.

Теперь мы создаем автомат, способный в течение одной-полутора минут измерить все параметры радиоприемника: точно и с распечаткой. Восемь таких машин обслужат все приемники ВЭФа...

Вы спрашивали: как я понимаю слово «гуманизм»? Естественно, как ненависть к войне.

●

На просторах Балтики ❊ Мемориал в Саласпилсе ❊ Оператор машинного доения Ээви Нейланд и ее дети ❊ В Вильнюсском академическом театре оперы и балета ❊ Передовую бригаду строительно-монтажного треста «Вильнюсстрой» возглавляет Иозас Балинскас ❊ Таллин. Олимпийский парусный центр ❊ Рижский морской порт.

Как стремление сохранить мир. Как желание помочь страдающему человеку. Совместно с врачом Фомой Григорьевичем Портновым мы разрабатываем аппаратуру для медицинской диагностики, думаем над приборами, которые помогут человеку расслабиться в стрессовых состояниях. Помощь человеку должна быть конкретной. Гуманизм — это наши полезные, добрые дела и поступки. В наших руках огромная техническая сила. Она должна служить здоровью человека, расширению кругозора, развитию культуры.

Зазвонил телефон. Петр Видениекс закричал в трубку:

— Имант! При чем тут приказ?! Я прошу тебя, уговариваю, наконец, умоляю! Да, конечно. Спасибо тебе от всего сердца.

Такой он — заместитель технического директора ВЭФа. Коммунист. Добрый и талантливый деловой человек.

ПРАВО БЫТЬ ПРОТОТИПОМ

Накануне было холодно, и только что распустившиеся деревья съежились, затаились из осторожности. А наутро, когда Ааре, водитель из министерства сельского хозяйства Эстонии, повез нас в совхоз «Адавере», было такое ощущение, будто бы мы летим в самолете среди бело-зеленых кучевых облаков: потеплело, и сразу пал на землю черемуховый цвет. Темными крыльями разлетались от дороги мягкие пашни, и теплый золотой свет пронизывал зеленый туман рощ.

В «Адавере», в отделении Эску, мы спросили, где найти Ээви Нейланд.

— А вон она идет, видите, с цепью в руке.

Облик Ээви был противоречив. Невысокая, крепенькая, но стройная. Походка будто неспешная, медлительная, а приближалась она к нам очень быстро. От нее, как от Моны Лизы, веяло женственностью, а растрепанные ветром волосы и свежий синяк под глазом придавали ей облик озорного мальчишки: этакий Тоотс из «Весны» Оскара Лутса.

Я разлетелась знакомиться, но Ээви улыбнулась, извинилась и сказала:

— Одну минутку, я только этого черта обратаю и тут же вернусь к вам.

Она сошла с дороги в юный яркий луг, а я осталась в некотором недоумении — чертей вокруг что-то не наблюдалось, напротив, все было вполне пасторально: у залитой черемуховым цветом опушки паслись коровы. Но именно туда и устремилась Ээви. Дальнейшее заняло несколько секунд. Ээви шла с цепью прямо на громадного темно-бурого быка, а он, пригнув голову и выставив рога, шел прямо на Ээви. Я только было раскрыла рот, чтобы заорать, а уж Ээви схватила быка за рога, притиснула его башкой к земле, обмотала шею цепью, отвела, как овечку, на предназначенный участок, одной рукой вдавила в землю железный штырь, привязанный к коему бык стал мирно пастись, и Ээви вернулась к нам.

— Ну, вы... прямо тореадор... право,— пробормотала я,— это он вас в глаз саданул?

— Нет,— махнула рукой Ээви,— он трус и донжуан, совсем от тепла ошалел. Глаз мне моя любимая корова подголубила, пока я ей мыла вымя — редчайший случай точного попадания. Наверное, чтоб я впредь любимчиков не заводила.

Она покосилась на фотоаппарат и ухмыльнулась:

— Ладно, попробую запудрить. Пошли в дом.

У порога ее облепили ребятишки в спортивных костюмах — не понять сколько, и кто мальчик, а кто девочка: все из той же серии лутсовских Тоотсов. В доме булькала и подрагивала коричневая коляска.

— Полно тебе кряхтеть, старик,— сказала Ээви, извлекая из коляски шестимесячного Ивара, и поместила его на руки восьмилетней Катрин. Одиннадцатилетний Хиллар заставлял всех нас нюхать букет черемухи.

— Вас тут много,— сказали мы,— скучать некогда.

— Это еще не все,— похвасталась Ээви,— моему старшему, Валдису, скоро восемнадцать, он по совхозной путевке учится в Тихеметса — в сельхозтехникуме, скоро вернется домой специалистом по механизации сельского хозяйства, я и охнуть не успею, как стану бабушкой. В черную дыру, что ли, время проваливается?

Так в первые десять минут знакомства Ээви успела проявить недюжинную отвагу и эрудицию.

— Вроде бы при вашей работе и четырех детях читать вам совершенно некогда, но чувствуется, вы много читаете? — спросила я.

— Ай, не говорите — запоем и бессистемно. Сегодня, например, до четырех утра читала книжку «Батү-хан», сын принес из школьной библиотеки, это про монгольское нашествие, знаете? Муж дважды просыпался и бранился: свет ему мешал. А я оторваться не могла.

— А в четыре часа — на ферму?

— Обычно да, но сегодня у меня выходной, так что я выспалась. Детей муж накормил и в школу отправил, а я спала до самого партийного собрания, оно у нас утром было.

— Вы член партии?

— Конечно. Еще когда учительницей работала, вступила. Сегодняшнее партийное собрание было очень важным, обсуждались решения Пленума ЦК КПЭ по животноводству. Это всех нас за живое берет. Хочешь как лучше, но жизнь есть жизнь, издержек не избежать. Три года назад на моей доильной площадке были хорошие удои — до четырех тысяч трехсот килограммов от коровы. Потом из-за морозных зим в республике удои стали падать. Нам этого в общем-то удалось избежать, однако неправильное отношение к кормлению привело к некоторому уменьшению стада, и удои все-таки понизились: в прошлом году мы получили в среднем на корову три тысячи семьсот пятьдесят килограммов. Сами понимаете, это потеря в пределах хорошей нормы. Но обидно. Могли бы мы сейчас быть наравне с теми хозяйствами, что получают уже больше пяти тысяч килограммов. Преодолеем, конечно, уже нынче подойдем к четырем тысячам, а там, глядишь, и дальше. Потенциальная продуктивность эстонского высокопородного скота огромная, это я вам как зоотехник говорю, надо только не терять критического отношения к работе, не зарываться...

Так кто же она, Ээви Нейланд? Учительница? Зоотехник? Оператор машинного доения?

Все вместе.

...Неподалеку от Адавере находится бывшая мыза Ания — мощнейший очаг эстонской крестьянской борьбы против остзейских помещиков в прошлом веке. Ээви не рассказывала, что было с ее предками в той борьбе. Но в 1918 году дед ее, Александр Рийпас, был среди революционных крестьян, которые выступили против помещиков. В 1940 году отец, Василий Рийпас, получил от государства участок земли — до этого он был безземельным, батрачил у кулака,— стал новоземельцем и, следовательно, тоже революционером. Дядя, Юхан Рийпас, был избран волостным парторгом.

Весной 1940 года в семье Рийпасов произошло еще одно событие—родилась Ээви. А год спустя Василий Рийпас ушел в Красную Армию, на войну. Дядя Юхан остался в подполье.

— Его убили местные фашисты в самом начале оккупации,— сказала Ээви.

Отца демобилизовали в 1947-м, когда дочери было семь лет.

— Первое время я его боялась,— вспоминает Ээви,— он очень громко говорил, потому что был контужен, плохо слышал, и ему казалось, что его тоже не слышат. Вскоре его выбрали председателем колхоза, он устраивал и устанавливал колхозные дела вместе с мамой: она пошла дояркой в колхоз. Бесстрашные они у меня, никаких «лесных братьев» — мародеров и убийц — не боялись. Теперь оба на пенсии.

После семилетки Ээви по молодости лет из деревни уехала.

— Потянулась за другими, но со свойственным мне максимализмом: уж если из деревни, то только в Таллин. Окончила торговый техникум, стала работать товароведом. Не понравилось. Вернулась домой, пошла в двенадцатый, педагогический, класс, а потом стала учительницей начальных классов, семь лет в школе проработала.

Те годы Ээви вспоминает тепло:

— Люблю детей. Многие из моих ребят и сейчас меня помнят, а я их. Горжусь ими. Антс Сакс много поездил по Союзу, много пользы принес со своим студенческим отрядом. Керсти и Теа Оясалу учатся в сельскохозяйственном техникуме, Мэри и Хели Пент — в университете, обе девочки явно пойдут в науку. Многие остались работать в деревне. Жаль мне было со школой расставаться.

— А почему же расстались?

— Так ведь тогда нужно было животноводству помочь, мало народу на фермах было. Да, по правде говоря, меня на ферму всегда тянуло. Это у меня от мамы. И девчонкой я ей помогала на дойке и когда учительницей была: как выпадет свободная минутка, бегу к коровам. Так на моих глазах произошел весь переход от ручной дойки к механической, от старых скотных дворов — к животноводческим комплексам, от беспородных коров — к элите. Можно даже сказать, с моим участием. Вот наши зоотехники и стали меня сманивать на ферму. И уговорили — десятый год уже работаю оператором машинного доения. Между делом зооветтехникум окончила. С доильной техникой, конечно, можно управляться и без специального образования. С животными сложнее. Они у нас на круглосуточном стойловом содержании, для получения большого молока это способ прогрессивный. Но животным не хватает движения. Заменять его приходится режимом, рационом, вот здесь-то дело надо досконально знать. Пойдемте, покажу весь наш комплекс: доильную площадку, комнаты отдыха, душевые. Чисто у нас, вентиляция хорошая, вся механизация на ходу.

По дороге Ээви рассказывала, как складывается здесь, в царстве молочной индустрии, рабочий день. Две дойки—первая рано утром, вторая после обеда. Работают втроем — два оператора и одна помощница, обслуживают триста коров. График такой: четыре дня работают, два отдыхают.

— Теперь на ферме работать легче, чем раньше,— говорила Ээви.— Прежде казалось невозможным, чтоб у доярки выпало два выходных дня кряду. Рабочие дни у нас, конечно, с нагрузкой. Зато оплата от двухсот пятидесяти до трехсот рублей в месяц. А за два выходных чего только не успеешь — почитать, квартиру привести в порядок, выспаться. Да и вечера при двух дойках относительно свободны. Я, например, могу все вечерние телепередачи посмотреть. По выходным стараюсь прилежно воспитывать детей, а то ведь главный у них отец: он механизатор, у него работа начинается позже, он с ребятами каждое утро возится. Я иногда даже ревную.

И в целом,— Ээви сняла повязанную для красоты косынку, тряхнула волосами,— я своей жизнью довольна. Ни один день не прожит впустую, без дела.

Словно точку над своими сорока годами поставила.

Мы расстались. Ээви с ребятами стояли на крыльце и долго махали нам вслед.

Всю обратную дорогу я размышляла: с чего же пошло превратное представление о типичной эстонке, как о женщине, преданной главным образом дому, быту? Наверное, с множества статей по домоводству. Конечно, в умении вести домашнее хозяйство эстонки могут показать пример другим. Но типичная эстонка нынче — это Ээви Нейланд. А раньше, в войну,— Леен Кульман, партизанка, разведчица, Герой Советского Союза. Еще раньше — революционерки Ольга Лауристин, Альма Ваарман. До них — Алис Тислер, Амалия Крейцберг... Их было много, деятельных передовых женщин, в истории эстонского революционного и прогрессивного общественного движения, и похожих на них так много в Эстонии наших дней. Бесстрашные характеры, острый ум, неумение и нежелание жить вне общественных интересов — вот что типично для настоящих эстонских женщин.

* * *

В эти дни выходят в поля тракторы, украшенные цветами. В каждом прибалтийском городе и поселке слышна музыка народных оркестров, звучат песни. Праздник на пороге... Пользуясь случаем, просим вас, Лионгинас Пажусис, Петр Видениекс, Ээви Нейланд, принять наши поздравления с юбилеем — славным для ваших республик и для вас лично.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Ю. НОВИКОВ

В сравнении с прозой публицистика всякий раз обнаженнее и быстрее доносит до читателей, минуя законы повествовательного жанра, те мысли и эмоции писателя, что мучают его повседневно и ежечасно, определяя в конечном счете идейно-философский базис его творчества. Эта мысль не нова, но она возникает поразительно отчетливо, когда читаешь собранное воедино публицистическое наследие Всеволода Кочетова — его статьи и рецензии, письма, выступления, беседы с товарищами по перу. При этом далеко не всем литераторам было присуще такое четкое и, можно сказать, полное раскрытие своего мировосприятия, творческого кредо, обнимающего широкий круг вопросов — от принципиальных идейных позиций до частностей литературного труда. Кочетов был писателем с ярко выраженной партийностью, гражданственной направленностью творчества. Может быть, где-то чуть обнаженнее других, где-то и запальчивей, что обусловливалось временем и темпераментом писателя, Кочетов, верный своей практике художника, и в теоретических выступлениях провозглашал и отстаивал созидательную и при том наступательную роль советской литературы в процессе образования нового общества и нового человека.

Творчество Кочетова-художника и Кочетова — публициста, критика развивалось, разумеется, по одним и тем же законам, и все же какие вопросы прежде всего волновали автора «Журбиных» и «Братьев Ершовых», когда он выступал с трибуны высокой публицистики? Назовем основное.

О Коммунистической партии, пополнении ее рядов лучшими из лучших. О победе советского народа в Великой Отечественной войне. О роли литературы в воспитании, о взаимодействии писателей и учителей. О литературной критике — профессиональной и непрофессиональной, о «разгромных» рецензиях в печати. О «свободе» творчества литераторов в капиталистических странах. Об изменении облика советских городов и сел в 50—60-е годы. О молодежи. Об экономике новых промышленных районов на востоке страны...

Перечислить все невозможно. Не было, пожалуй, такого злободневного вопроса в жизни нашей страны, который так или иначе обошел вниманием Всеволод Кочетов — писатель, общественный деятель, депутат, главный редактор журнала «Октябрь».

Отстаивая партийность литературы, не мысля себе литератора, оторванного от политической жизни своей страны и обстановки в мире, Кочетов особенно высоко ценил силу воздействия художественного образа, идейной концепции произведения на молодежь, на юное поколение. Поддержав тезис Л. Кассиля о том, что рассуждения о возможности превращения «сегодняшних ухарей, шалопаев и молодчиков» («расхлябанных юнцов», по выражению Кочетова) в случае необходимости в героев в принципе неверны, писатель утверждал: «У орла орлиные крылья растут с его орлиного детства, а не лежат где-то в цейхгаузе до случая».

Отсюда — большая роль учителя, школы, всех тех, кто рядом с молодежью в ответственную пору нравственного созревания. «Книга — великое оружие,— говорил Кочетов,— одно из величайших на земле». Но тут же добавлял, обращаясь к педагогам, что очень важна оценка современных произведений литературы и искусства именно в школе:

«...Мы вместе воспитываем человека. Значит, учителям должно быть до крайней степени не все равно, о чем и как пишут романисты, драматурги и кинодраматурги. Ребячьи души легко ранимы, легко поддаются влиянию. Одной талантливой, но неверно написанной книгой, одним отлично снятым, но гнилым по содержанию кинофильмом, одной ловко составленной и распространенной по десяткам театров «чувствительной» пьесой можно свести насмарку долгую работу учителя. Разве это не может не обеспокоить педагогов?»

Каждый писатель — выразитель черт своей эпохи. И каждый в меру своего таланта способен предвидеть черты будущего. «Нет ли здесь перста указующего?» — волновались в начале 60-х годов некоторые особо утонченные и демонстративно не принимавшие взглядов Кочетова критики и опекаемые ими литераторы (в самом деле, ведь можно даже и поспорить, способна ли «неверно написанная книга» быть талантливой, хотя каждому студенту ясно, что имел в виду автор). Напрасно волновались: и ныне, в начале 80-х, нас тревожит в воспитании молодежи кое-что из того, на что указывал Кочетов, писатель и гражданин.

Кочетов-публицист — это и едкий сатирик, в частности, описывавший горе-критиков, подходивших к явлениям современной советской литературы с одной-единственной меркой («Нет, это не «Война и мир», не «Анна Каренина». Вот взять лермонтовскую «Тамань» или обратиться к Чехову...); это и лирик, влюбленно описывающий природу русского края («Новгород живописно раскинулся по обоим берегам реки Волхова, берущей начало от расположенного вблизи многоводного, богатого рыбой Ильмень-озера...»); наконец, это рачительный хозяин, умевший с карандашом в руке доказать выгодность или невыгодность иного экономического почина — и тут сказалось не просто образование агронома, а пытливость и наблюдательность писателя.

Всеволод Кочетов был страстным и даже пристрастным человеком, это прежде всего яркая индивидуальность в сочетании с бурным темпераментом, часто не проявляемым внешне, но отнюдь не монумент, отлитый без единой морщинки. И тут зримыми становятся живые отличительные черточки, особенности литератора — активного строителя нового, человека действия.

А как сам Кочетов умел ценить дар публициста, можно видеть в его строках, посвященных А. Н. Толстому («Его язык прежде всего предельно точен, каким всегда бывает язык народа...»). Всеволод Анисимович с истинным мастерством портретиста запечатлел в слове облик Мартина Андерсена-Нексе, шриланкийского литератора Викрамасинге, других прогрессивных писателей...

По одним уже заголовкам кочетовских статей и выступлений можно судить о широте его вторжения в жизнь, в дела народа, о горячей, активной позиции писателя-коммуниста.

Эта позиция весьма четко проявляется и там, где речь заходит о классовой борьбе, о вечном противоборстве добра и зла и о том, что́ такое добро с точки зрения революционного процесса.

Сам не тяготевший к перенаселению своих романов персонажами отрицательными, Кочетов отчетливо видел и признавал значение изображения зла. Он писал о мастерах прошлого: «Они, конечно, говорили миру и об уродствах, о безобразиях, о подлости, об измене, трусости, вероломстве и продажности. Но для того говорили об этом, чтобы рядом еще выше поднялась красота человека, чтобы она противостояла уродствам... Большая литература, большое искусство всегда стремились распахнуть перед человеком горизонты будущего, вселить в него бодрость, окрылить его и никогда не делали так, чтобы под их воздействием человек почувствовал себя маленьким, жалким, бессильным, чтобы он отказался от борьбы за идеалы...»

Кочетова занимала проблема деградации человеческой личности, но не в узкобытовом значении этого понятия, а прежде всего под знаком обострения классовой борьбы, вспыхнувшей с появлением в России научного коммунизма, образованием партии большевиков.

«Мы забываем порой,— писал он в статье «Скверное ремесло»,— о борьбе двух миров, о борьбе классов. Никакими выродками не были ни Деникин, ни Врангель, ни тишайший, образованнейший генерал Алексеев. Но в контрразведках их Добровольческой армии культурные же офицеры живьем сдирали кожу с коммунистов, с красноармейцев, с людей, сочувствовавших Советской власти. Культурнейшие немецкие фельдмаршалы подписывали приказы о поголовном истреблении жителей тех русских деревень, которые находились в районах действий наших партизан... Нет более острой и непримиримой борьбы, чем борьба противоположных по идеям лагерей. Для лагеря, исповедующего идеи отжившие, обреченные на уход, реакционные, нет таких путей и средств для самосохранения, которые считались бы там недозволенными, недопустимыми».

Время поверхностного, упрощенного подхода к изображению жизненных явлений, наблюдавшегося в первые послевоенные годы, миновало, и Кочетов — литературный критик одним из первых убедительно показывает это на таком примере.

«Полицаи, убийцы, истязатели...— пишет он о тех, кто предал Родину в тяжелый для нее час.— Это что же — все выродки, кретины, нравственные уроды? Не много ли выродков в человеческом обществе?

Нет, на капризы природы всего не свалишь. Это классовая борьба, законы которой открыли, сформулировали, объяснили Маркс, Энгельс, Ленин». «У нас антагонистических классов нет, и не о борьбе классов внутри нашего общества идет речь. Но в противостоящем-то нам мире класс эксплуататоров пока еще процветает... Мир империализма никак не может примириться с таким сосуществованием».

Автор неизбежно выходит на главную цитадель антикоммунизма и антисоветизма в мире, средоточие реакционных сил — США:

«Что же иное, как не все ту же идею коммунизма, пытаются отвести от обреченного империалистического мира воинственные круги США, создавая в том числе и тайные войска специального назначения?.. Нападать на них — и они это прекрасно знают сами — никто не собирается. Они своими армиями, морским и воздушным флотами воюют против идей, бьют по идеям из пушек, целят в них залпы ракет...»

Кажется, будто это написано сегодня, а не четырнадцать лет назад.

«Мы верим в разум, верим в то, что силы мира победят, в то, что термоядерным бурям не бушевать на земле. Верим в светлое будущее человечества» — эта мысль не раз звучит финальным аккордом выступлений автора на международные темы.

Время само вызывает к жизни и само определяет степень долговечности создаваемых духовных ценностей. Было бы ненужным фарисейством утверждать, что все до последней строчки в публицистическом наследии Кочетова сохранило свое первоначальное значение, звучит синхронно нашим дням. Можно лишь пожалеть, что остался незавершенным роман «Молнии бьют по вершинам», где неразрывно слиты чутье художника и мастерство публициста. Но преодолеют время главные, глубокие его статьи и выступления, останутся незыблемыми и притягательными идейная убежденность, страстность, гражданская устремленность и боевитость кочетовских строк, сложившихся в прочную и надежную ступень познания нашего пути к коммунизму.

В. Кочетов. Эстафета поколений. М., «Молодая гвардия», 1979, 255 стр.

В. Кочетов. Искусство жить. М., «Современник», 1979, 223 стр.

В 1978—1979 годы на страницах «Огонька» публиковались стихотворные медитации Валентина Сидорова «Ступени» и «Ключ», в которых поэт попытался совместить традиции отечественной и индийской поэзии. Жанр медитации предполагает активное соучастие читающего, внутреннее осмысление намеченных поэтом тем.

Как и следовало ожидать, публикации вызвали большой интерес в среде читателей журнала. Идя навстречу их пожеланиям, редакция публикует новый цикл стихотворных медитаций Валентина Сидорова.

Валентин СИДОРОВ

●

Сердце мои разрывает одежды.

●

Соединяюсь с миром и Вселенной
Через его толчки.

●

Реальность связи неба и земли
Здесь, как нигде, понятна и доступна.

●

Не просто мир, Вселенная, пространство,
А здесь идет сотворчество миров.

●

Теперь молчи. Расслабься до конца,
Чтоб различить струящиеся волны.

●

А мир незримый жаждет проявленья
В твоих поступках, действиях, словах.

●

Свет хлынувший уничтожает мысли.
Как щепки, их выносит в никуда.

●

Когда сольются сердце, дух и разум —
В тебе проснется истинное «я».

●

Но дух и ум должны встречаться в сердце.
Гордыня, страх, отчаянье, смятенье
Тогда не смогут нас поработить.

●

Старайся через сердце все услышать
И все узреть. Тогда прозреешь все.

●

Рост человека меряется сердцем.
Духовный рост немыслим без него.

●

А мысль легка. Почувствовать дано
Ей беспредельность подлинной свободы.

●

Усилье. Устремление. Доверье.
Вот три основы духа твоего.

●

Коль ты стучишься, то тебе откроют.

●

Дерзай увидеть и дерзай услышать,
Забыв о завихрениях своих.

●

Не осуждай, дабы правдивым стать.

●

А медитация и есть твоя проверка —
Насколько ты готов иль не готов.

●

Пробиться трудно мысли сокровенной,
Чтоб быть реальной и звучащей быть.

●

Уйди от слов свободно и легко —
Тогда придет единственное Слово.

●

А тело зримое — опорный пункт, трамплин
Для устремления ввысь.

●

Ты рамки жизни раздвигаешь смело,
Выходишь из физических границ.

●

А «Всё» лишь часть ничтожная меня.
Пространство есть, но есть
и сверхпространство.
И это сверхпространство тоже я.

●

К великой тайне подойди в молчаньи,
В безмолвии одежд ее коснись.

●

Безмолвный голос вроде ультразвука.
Какой же слух в себе развить ты должен,
В молчание какое погрузиться,
Чтобы услышать этот тонкий звук.

●

Безмолвьем внутренним весь внешний мир
заполни,
Чтоб сокровенный смысл его постичь.

●

Мысль остановишь — время остановишь.

●

Остановись, мгновенье,— в этом суть
Всех медитаций и всего безмолвья.

●

В остановившемся мгновенье — все и вся,
Все то, что было, то, что есть и будет.

●

Возьми меня, неведомый поток,
Неси меня, куда тебе угодно!

●

Как хорошо свое расслабить тело.
И сделать мысль пассивной. И молчать.

●

Со стороны старайся ощутить
Мир зримых форм и четких очертаний.

●

Со стороны взирай и на себя,
Будь отчужденным от своих желаний.

●

Никто не волен над твоим стремленьем.
Здесь волен ты: принять иль не принять
Любовь, тебе даруемую Жизнью.

●

Нужны усилья, чтобы вспомнить, кто ты,
Чтоб лик свой истинный в тумане различить.

●

Сознательно — и в этом проявленье
Твоей же воли и ничьей другой! —
Ты ритмы космосов приводишь в равновесье.

●

А грудь горит, как будто Солнце жжет.

●

Материя светящаяся — здесь.
Не обожгись, когда к ней прикоснешься.

●

Здесь в форму превращается безмолвье,
Но форма неотчетлива пока.

●

А творчество, коль разобраться строго,
Всегда прыжок в незримое Ничто.

●

Дух творчества насилия не терпит.
Он воплощенье радости самой.
А радость там, где царствует свобода.

●

Лишь в радости доступен людям Свет.

●

Жизнь в сочетанье с творчеством есть радость.
Жизнь без горенья творческого — скорбь.

●

А время и пространство суть одежды,
В которых тесно духу твоему.

●

Пред истиной ты должен быть нагим.
Иллюзия и прах — твои одежды.
Отбрось одежды. Истина — твой свет.
Она оденет волнами своими.

●

Согласованье всех твоих начал
И равновесье всех твоих стремлений —
Вот цель работы духа твоего.

●

Кто может приказать тебе? Никто.
Удел твой — абсолютная свобода.
Но ты раскрой ее в самом себе.
Задача медитаций и безмолвья,
Быть может, в этом только состоит.

●

Во имя той сверкающей свободы
Ты и живешь. Без проблесков ее
Давно бы смерть, давно б оцепененье
Тебя сковало.

●

Сын вечности в круг времени войдет,
Но по желанью собственному только.

●

Один и тот же путь проходишь дважды.
Вначале — вниз. Потом уходишь ввысь.
Так замыкаешь ты кольцо познанья.

●

Познай себя. Не снизу вверх познай,
А с высшей точки, для тебя доступной.

●

Земная аналогия — Гора.
Туда восходишь и оттуда сходишь.

●

Путь восхожденья труден. Нисхожденье
Еще опасней и еще трудней.

●

Зависит все, буквально все в тебе
От Устремленья. Если устремлен —
Завесу тайны ты поднять сумеешь.

●

Призывы человеческого духа
Не могут оставаться без ответа.

●

Над бездной вознесенный, посмотри
В последний раз на бездну под тобою.

●

Внимая вечности, ты получаешь силу.
Внимая вечности, становишься собой.

Обетованье вечности твоей
Должно звучать в твоих делах и мыслях.

Житейское, духовное — две грани,
Разъединить которые нельзя.

А силы, управляющие ими,
Одни и те же. И преображенье
Возможно лишь в слиянье двух начал.

Разъединенье двух миров, двух планов
В сознанье искривленном существует,
В несовершенном.

Жизнь духа быть оторванной не может
От жизни, протекающей вокруг.
Отсюда — все ошибки и соблазны.

Ищи прибежища у собственного духа
И укрепляйся силою его.

Твой дух бесстрашен. Сам ты не бесстрашен.
Но дух восторжествует над тобой.

А план физический не требует — учти —
Всего тебя. Он требует вниманья
Разумного и больше ничего.

Не результаты дел должны тебя
Пугать иль радовать, а состоянье духа,
Который испытание проходит,
Который должен с честью их пройти.

А медитация должна вторгаться в жизнь
Все время. Постоянно. Промежуток
Любой всегда используй для нее.
Тогда лишь точным будет различенье
И тьмы и света и в самом тебе
И в мире, окружающем тебя.

К вершинам духа устремляй свой взор.
Вбирай в себя и впитывай их воздух,
Чтоб легче было в суете дышать.

Сомненье, страх, неверье, недоверье —
Все это то, о чем сказать вам должно:
«Ты есть не ты». А что такое ты?
Бессмертье, радость, вечность,
беспредельность,
Все космосы объявшая любовь.

Для цвета, приходящего с высот,
Слов не имеется. И он такой бездонный,
Что он порою может показаться
Зияющею черной пустотой.

А Космос — беспредельность. Чтоб познать
Ее, тебе необходима вечность.

Цветок раскрывшийся — Вселенная твоя.
Но он закроется, чтобы опять раскрыться.

Из Микрокосмоса ты вырвался. Теперь
Над Макрокосмосом смелее поднимайся!

Одним рывком преодолеешь Космос.
Пространства, временные промежутки
Для вечности не значат ничего.

Соприкоснувшись с вечностью, исследуй
Законы Космоса, пульсации его.

Надвечное, предвечное и вечность.
Затем уж — время, мысли, чувства, мы.

Пусть истинное «я» твое звучит.
Пусть формы иллюзорные замолкнут.

Всплеск вечности ты должен услыхать,
Верней, почуять устремленным духом.

Ты только эхо. Только резонатор.
Пусть вечность резонирует в тебе.

Сегодня круг спасательный дается
Любому человеку на земле.
Но — торопись! Его узреть ты должен,
Его ты должен вовремя надеть.

Не страшен вихрь, когда стоишь ты в центре,
Житейское с духовным сочетая.
Но если порознь эти два начала —
То человека бездна поглотит.

Преобладает то или другое.
А быть должна гармония, слиянность
И равноправье двух твоих начал.
Тогда ты гору можешь передвинуть.
Она пойдет, коль ей прикажешь ты.

А быть свободным — это означает
Понять себя и миссию свою
И выполнять ее, не отступая.

Что значит расширение сознанья?
Лишь пониманье собственной задачи
И пониманье миссии своей.
И с каждым новым шагом в осознанье
Даются силы новые тебе.

Преграды — это прошлое твое.
Ты одолел их в глубине своей
Давным-давно. А ныне план незримый
Тобою утверждается вовне.

Твой путь начался в страхе и сомненье.
Но он начался. И теперь ничто
Остановить тебя уже не может.

Но только больше радости, мой сын,
Как можно больше радости душевной.

Все планы бытия уже другие.
Сознанье наше — прежнее, увы!

А сдвиг эпох уже осуществился,
Который предначертан для Земли.

Вы — в новом времени. И это осознать
Должны вы четко. И должны нести
Вы эту весть.

В трудах обычных — необычность ваша.
В простых словах — космический глагол.

Везде и всюду, там, где свет и жизнь,
Путь посвятительный проходит человека.

Он — в осознанье самого себя
И извлеченье выводов для духа.

Пространство, обстоятельства отступят,
Когда свою почувствуешь свободу
И цепи иллюзорные порвешь.

Быть посвященным значит полюбить.
И все откроется. Любовь — познанье сердцем.

Соприкасаясь с вечностью, молчи,
Но слушай, слушай, каждой клеткой — слушай!

Преображенье и познанье — рядом.
Они неотделимы. Познавая,
Преобразует человек себя.

Не в блеске молний, грохотанье неба
Идет преображение людей,
А в повседневной, будничной работе,
Работе и в общении с людьми.

Единство, возвращение к Единству —
Вот лозунг наш, вот наш победный клич!

Жизнь есть любовь. Пока ты в это веришь,
Пока ты знаешь это — смерти нет.

Не мысли сконцентрировав на смерти,
Не отрицая яростно ее,—
Ты победишь ее могильный призрак,
Но только если ощутить сумеешь
Ты в данной жизни пульс Единой Жизни
Реально, полнокровно и легко.

Ты не о смерти думай, а о Жизни,
Дабы твой дух воистину воскрес.

Вкусившие из временных истоков,
Вы знаете горчайший вкус их. Радость —
Дочь вечности, дитя бессмертных сил.

Решимость духа твоего — залог,
Что мир преобразится, утончится.

Твоя духовность, одухотворенность
Должна основой мирозданья стать.

Рожденный Светом, в Свет вернуться должен.

ЧУЖБИНА РОДИНОЙ НЕ СТАНЕТ

Василий КОНИК

Рост авторитета и влияния коммунистических идей и реального социализма не дает покоя нашим классовым противникам за рубежом. Пропагандистские и разведывательные службы империализма пытаются использовать различные средства для проведения подрывной деятельности против нового общественного строя. Одним из таких средств считается религия. Специалисты США по ведению психологической войны относят верующих в социалистических странах к «недовольным существующим строем». Члены религиозных объединений рассматриваются как «специальные объекты пропаганды», на которых легче воздействовать, используя их религиозные убеждения.

Для проведения идеологических диверсий против социалистических стран приспособлены некоторые из ранее существовавших религиозных организаций и, кроме того, создана целая сеть подрывных центров, прикрывающихся религиозной вывеской. Среди них можно назвать следующие: «Центр по изучению религии и прав человека в закрытых обществах», «Подпольная евангелизация в странах коммунизма» и «Иисус коммунистическому миру» в США, «Центр изучения религии и коммунизма» в Англии, «Вера во втором мире» в Швейцарии и «Свет на Востоке» в ФРГ, «Славянская миссия» в Швеции, «Миссия за железным занавесом» в Норвегии и многие другие. Только в Западной Европе насчитывается около 25 таких организаций. Их деятельность направляется, координируется и финансируется разведками буржуазных государств.

Одной из целей, которые преследуют откровенно светские и прикрывающиеся религией подрывные центры империализма, является возбуждение эмиграционных настроений среди граждан социалистических стран, в том числе и верующих. С помощью направляемых в страны социализма эмиссаров указанных выше организаций, засылаемой литературы, радио верующим пытаются внушить, что подлинная свобода совести существует только на Западе, поэтому надо стремиться к выезду туда. В последние годы на выполнение этой задачи были направлены и некоторые «диссиденты». Так, возбуждением эмиграционных настроений занималась перед выездом в Израиль Л. Воронина, неверующая, но враждебно настроенная по отношению к нашей стране.

Зарубежным эмиссарам и «диссидентам» удалось обработать отдельных руководителей общин и религиозных фанатиков. Им вручили образцы заявлений о выезде и направили в различные районы нашей страны для проведения подстрекательской работы среди единоверцев с целью склонить их к подаче ходатайств о выезде за границу. Вербовщики обманным путем стремятся толкнуть доверчивых людей на сомнительный шаг. Так, верующих заверяют, что их единоверцы из какого-то района СССР уже якобы выехали за рубеж, что в Канаде открыт необитаемый остров, на котором построен город, куда американское правительство собирается поселить верующих из СССР. В городе Нарве Эстонской ССР некий Матвеюк С. А., в послевоенные годы судимый за дезертирство из армии и связь с бандитами из организации украинских националистов (ОУН), а недавно исключенный из общины евангельских христиан-баптистов за прелюбодеяние, создал небольшую собственную группу верующих и пытался обманным путем склонить их к выезду на чужбину. При этом Матвеюк заверял, что Советское правительство намеревается выслать верующих в Сибирь, а в Америке для них уже приготовлены трехкомнатные квартиры «с золотыми планками и всякими удобствами».

Подавляющее большинство верующих, поняв провокационную суть акции, проводимой зарубежными подрывными центрами, отвергло домогательства их прислужников и осуждает тех единоверцев, которые позволили ввести себя в заблуждение.

Подстрекатели внесли смуту и беспокойство не только в жизнь некоторых религиозных общин, но породили раскол и в семьях верующих. Некоторые из поддавшихся на уговоры включили в ходатайства о выезде своих родственников, которые категорически возражают против этого и обратились в исполкомы с соответствующими заявлениями. Приведем выдержки из таких заявлений, написанных жителями Брестской области. Так, Таран Л. В. пишет, что жена и родители в заявлении о выезде включили его с детьми без его ведома. «Сообщили мне об этом,— продолжает он,— гораздо позже. Лично я со своими детьми не хочу никуда выезжать и считаю подобные действия моих родственников безосновательными и неразумными. Я осуждаю идею выезда, так как в нашей стране мне живется хорошо. Я имею двухкомнатную квартиру, которую получил от государства, материально обеспечен...» Соболев В. А. отмечает, что заявление о выезде жена написала без его согласия. «Поступок ее,— пишет он,— я осуждаю...» «О том, что отец собирается написать заявление с просьбой разрешить выезд с семьей в любую капиталистическую страну, мы знали давно,— пишет Н. Гречко,— по этому поводу в нашей семье часто возникали споры, мы уговаривали отца не делать этого. Материально наша семья обеспечена хорошо, все взрослые работают, имеется благоустроенная квартира. Против выезда я, моя сестра Раиса и мама. Однако отец нас не послушал и написал заявление, в котором указал, что и мы желаем выехать... Заявления никто из членов семьи не видел. Ознакомившись с ним, я отказываюсь от такого намерения». Беспокойством о судьбе дочери Нины 1959 года рождения проникнуты слова В. В. Мигицка: «Я как отец категорически возражаю против ее выезда... Родственников у нас за границей нет, и она, не имея специальности, может там среди чужих людей пропасть...» Подобных примеров можно было бы привести еще немало.

Зачем нужны Западу верующие из социалистических стран? Чтобы пополнить многомиллионную армию безработных? Ведь только в развитых странах Запада в настоящее время обивают пороги бирж труда около 18 миллионов «лишних» людей. Или, может быть, западные «благодетели» мечтают взять на свое содержание верующих из социалистических стран, поделиться с ними своими богатствами? Тогда почему такая забота не проявляется о миллионах людей, страдающих от голода в капиталистических и развивающихся странах? Ведь большинство из них являются верующими. Известно также, что в США, Англии и других капиталистических странах иммигранты находятся на положении людей второго сорта, их права существенно урезаны.

Почему же продолжают мутить воду зазывалы из подрывных центров, стремясь толкнуть верующих к выезду на чужбину? Дело в том, что их усердие вызвано вовсе не заботой о правах человека. Меньше всего западных «доброжелателей» волнуют и судьбы наших людей, их благополучие. Апологетам буржуазии нужен сам факт выезда верующих из социалистических стран, чтобы использовать его в антикоммунистической и антисоветской пропаганде. Не о распространении евангельских идей они пекутся, а о нанесении ущерба миру социализма.

Этот вывод подтверждается и следующими фактами. Стремясь создать видимость, что в капиталистические страны хочет выехать значительное количество советских граждан, прислуживающие зарубежным «благодетелям» пастыри оказывают на рядовых верующих психологическое давление с целью заставить их написать заявление о желании выехать из СССР, уверяя, что «так надо». Кому же надо — богу или подрывным центрам?

Если же религиозные экстремисты не уверены, что удастся уговорить кого-то из верующих, то прибегают к составлению фиктивных заявлений от их имени. Так, от имени нескольких христиан веры евангельской — пятидесятников, проживающих в городе Батайске Ростовской области, поступили заявления о желании покинуть СССР, написанные одним и тем же почерком. Будучи приглашенными в райисполком, верующие, в частности А. П. Шульга, У. П. Постникова, С. К. Суханова, А. А. Подылина, с возмущением отрицали свою причастность к фальшивкам. Вот их слова, выражающие отношение к этому факту, изложенные в заявлениях на имя председателя райисполкома: «В связи с предъявленным мне документом, в котором от моего имени написана просьба о предоставлении выезда из СССР, я заявляю, что такого заявления не писала и никого не просила написать... И в мыслях не имела намерения ехать куда-нибудь. И мне очень обидно, что среди нас находятся такие провокаторы». «...Никакого заявления я не писала. Никуда выезжать не собираюсь. Я больная старая женщина, и меня возмущает, что среди нас находятся такие коварные люди». Проживающие в Литовской ССР И. Ю. Кепенис и О. К. Шкулявичене, с удивлением узнав, что включены в список ходатайствующих о выезде на чужбину, заявили: «Покидать свою Родину не думали и не думаем». От имени проживающего в Брестской области М. И. Веренича, 74 лет, также было написано ходатайство о выезде, хотя он никого не просил о такой «услуге». Возмущенный сын Веренича Петр справедливо назвал фальшивку провокацией и попросил «установить автора и принять соответствующие меры» по ограждению советских людей от такой «заботы».

Многие из тех, кто действительно под давлением «доброжелателей» просил визу на выезд из страны, осознав опрометчивость этого шага, направляют в органы власти письменные отказы от намерения выехать за границу. При этом верующие осуждают саму идею эмиграции и поясняют, что объективных оснований для возбуждения ходатайств не имеется: верующие, как и другие советские люди, материально живут хорошо, их права как приверженцев религии не ущемляются.

А теперь посмотрим, что пишет самозваный «епископ» пятидесятников Н. Горетой от имени пятидесятников и баптистов, якобы желающих выехать за рубеж, в пись-

ме президенту США Дж. Картеру, обнаруженном в тайнике автомашины эмиссаров «Славянской миссии» Б. Сарельда и Н. Энгстрёма. Обращаясь к «нашим благодетелям», самозваный «епископ» униженно просит разрешить проживать в США «хотя бы временно, мы и за это будем безмерно благодарны». Позволительно спросить: кто уполномочил этих пастырей распоряжаться судьбами людей, выступать от их имени?

Вывод о том, что эмиграционные настроения среди части верующих советских граждан возбуждаются исключительно в подрывных целях, убедительно подтверждается и печальным опытом людей, попавшихся на удочку идеологических диверсантов.

С самого начала они сталкиваются с непривычным для человека, выросшего в социалистическом обществе, образом жизни. Поэтому очень скоро наступает прозрение.

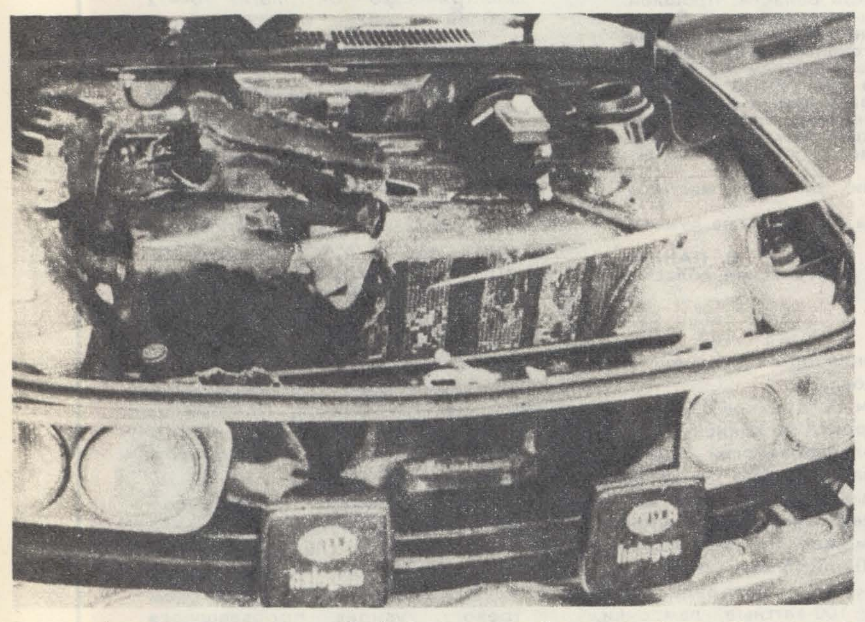
тоже 1/3 всего заработка. Налоги здесь очень высокие. Так что на остальные деньги не очень разгонишься, продукты дорогие. И свежего ничего не покупаешь. Дети из-за яблок даже скандалят. Вообще мы там лучше питались... Мы уже каялись... что приехали сюда, да не только мы, но почти все, кто приезжает. Некоторые криком кричат, что выехали из России.

Здесь их, кто приезжает из России, очень унижают. С работой очень плохо. Очень много безработных. Почти вся молодежь безработная, ходят и хулиганят...

Разврат как в Содоме и Гоморре. Закон позволяет жить мужчинам с мужчинами. Даже поп их сочетает. Много воровства, убийств, насильства.

Многие немцы уже поехали назад. Многие желают поехать...»

В заключение заметим, что семья И. Янкеля возвратилась в родное село Восток, Аламединского района, Киргизской ССР.

Тайник в верхней части бензобака автомобиля эмиссаров «Славянской миссии».

Так, после двухлетнего пребывания в ФРГ возвратились на родину супруги Ольга Александровна и Хорст Иванович Фослер, живущие в настоящее время в поселке Стрежевой Томской области. Несмотря на то, что в ФРГ проживают восемь братьев и сестер Хорста Ивановича, молодые супруги не смогли принять образ жизни в «капиталистическом раю», где газовая плита на кухне горит, пока в нее бросаешь десятипфенниговые монеты, где за двухкомнатную квартиру надо платить половину месячного жалованья, где штрафуют только за то, что присел у реки на лугу, который является частной собственностью, где не только высшее, но и среднеспециальное образование часто не по карману рядовому труженику, где по вечерам на тротуарах женским телом торгуют так же, как и всяким другим товаром, и т. д. и т. п. Не могут принять всего этого люди, выросшие в социалистическом обществе.

Выезжали в ФРГ и приверженцы учения пятидесятников Иван Адольфович и Екатерина Васильевна Янкели с детьми. Приведем здесь строки из их письма своему односельчанину В. Мирошниченко: «Живем мы в казенной квартире... За квартиру платим 600 марок, что составляет 1/3 всего заработка, 600 марок налоги,

Некоторые приверженцы религии в нашей стране, наслушавшись идеологических радиодиверсантов, считают, что на Западе верующие могут заниматься религиозной деятельностью, где и как им заблагорассудится. Вместе с тем это далеко не так.

Религиозные объединения действуют в рамках правовых норм, которые запрещают использовать религию в ущерб общественной безопасности и общественному порядку, здоровью населения, нравственности, правам и свободам граждан. За их нарушение предусматривается ответственность. Так, во Франции религиозные собрания проводятся с ведома и под наблюдением органов власти. Запрещается проведение политических собраний в храмах, оскорбление священнослужителями должностных лиц, клевета на них в проповеди или с помощью литературы, подстрекательство к неисполнению законов и предписаний государственных органов, возбуждение одной части населения против другой. Нарушение этих норм карается штрафами и тюремным заключением.

Общепризнанным является положение, согласно которому граждане обязаны выполнять законы государства, даже если они противоречат предписаниям религии. «Никто в силу своих религиозных убеждений не может быть освобожден от выполнения своих обязанностей в отношении государства и не должен уклоняться от выполнения законов страны», — говорится в конституции Греции. Подобные же положения имеются в конституциях Дании, Бразилии, Швейцарии и многих других государств.

Нарушения законов, связанные с религиозной деятельностью, строго пресекаются. Виновные привлекаются к уголовной ответственности, а то и к телесным наказаниям. Кстати, наглядный урок в этой области получил один из баптистов-раскольников, Левен Петр Петрович, выехавший в 1964 году из города Славгорода Алтайского края в ФРГ. Надо заметить, что Левен являлся одним из тех, кто толкал единоверцев к нарушению советского законодательства о религиозных культах: отказу от регистрации общины баптистов в органах государственной власти и т. д. Аналогичную деятельность Левен пытался проводить и в ФРГ. Однажды он организовал там собрание верующих вне молитвенного дома. За это нарушение полицейские жестоко избили Левена дубинками.

Понимая, что путь к возвращению в СССР он сам себе отрезал, Левен в настоящее время промышляет тем, что по заданию подрывных центров пытается склонить к выезду на чужбину некоторых известных ему верующих в нашей стране. Отрабатывая сребреники, Левен в письмах единоверцам расхваливает прелести «капиталистического рая», подбирает в ФРГ однофамильцев для верующих советских граждан, выдает их за родственников, от имени которых присылает вызовы на выезд в ФРГ якобы с целью воссоединения семей. Такие вызовы поступили, например, на имя жителей Алтайского края А. П. Рихерта, Л. П. Варкентина, Г. Я. Тиссена.

Остановимся еще на одной стороне вопроса о попытках оторвать приверженцев религии от родной земли. То, что отдельные верующие поддаются искушению со стороны западных «миссий» и прислуживающих им «диссидентов», а также отрабатывающих подачки пастырей, свидетельствует о кризисе веры в бога. Они, видимо, наивно думают, что переселение в капиталистические страны может остановить этот процесс.

Но, во-первых, такие надежды говорят о том, что приверженцы христианства сомневаются во всемогуществе «вездесущего» бога, раз его возможности ограничиваются только миром капитала. Во-вторых, и в «свободных» странах культовые здания полупусты, несмотря на то, что буржуазные государства всячески стремятся поддержать и укрепить церковь, так как она помогает им держать верующих в духовной узде. Однако обратимся к свидетельствам самих богословов. В издающемся в Калифорнии (США) адвентистском журнале «Приметы нашего времени» читаем: «Статистика показывает, что 50 процентов американского населения принадлежит к какому-либо вероисповеданию. Но почти половина людей не имеет никаких связей с церковью. Кроме того, больше половины тех, кто считается верующим, не посещает своих церквей регулярно».

Пастыри свидетелей Иеговы в журнале «Пробудись!» также констатируют, что только 45 процентов взрослого населения Америки посещает храмы, а молодежь в них привлекается с помощью джаз-оркестров, современных танцев и театральных представлений. Особенно это характерно для баптистских и пятидесятнических церквей.

В капиталистических странах истинных поборников прав человека не может не волновать и вопрос о политических, экономических и социальных правах трудящихся, в том числе верующих, в «свободном мире».

Вспомним хотя бы о судьбе молодого священника Бена Чейвиса и его друзей—верующих из города Уилмингтона в штате Северная Каролина (США), брошенных в 1972 году в тюрьму по сфабрикованному расистами обвинению в «поджоге магазина» и «заговоре с целью нападения». Вся «вина» «уилмингтонской десятки» заключается в том, что они являются участниками массового движения за справедливость и право на равное образование для черных. Этого оказалось достаточно, чтобы расисты после четырехдневной вооруженной осады церкви выволокли из нее верующих и устроили над ними неправедный суд.

Это далеко не единичный факт расправы с прогрессивно настроенными верующими в ведущей капиталистической стране. Сраженный пулей расиста в городе Мемфисе, пал выдающийся негритянский лидер, 39-летний священник Мартин Лютер Кинг. Осенью 1978 года в городе Калмене, штат Алабама, куклуксклановцы избили до полусмерти негритянского священника Мануэла Уитфилда за выступление на митинге в защиту молодого негра Т. Хайнса, осужденного по ложному обвинению. Американская коммунистка Анджела Дэвис в своей автобиографической книге рассказывает о взрыве, устроенном расистами у баптистской церкви в Бирмингеме, когда погибли четыре девочки.

Приходится констатировать, что иногда подстрекательской деятельностью не гнушаются заниматься отдельные аккредитованные в СССР западные журналисты и даже официальные представители капиталистических государств в нашей стране. Так, в январе 1978 года некоторые христиане евангельской веры — пятидесятники, проживающие в Эстонии, получили письма, разжигающие эмиграционные настроения верующих. Некоторые из этих документов подписаны американским вице-консулом Робертом В. Принглом.

Надо отдать должное советским гражданам — верующим, которые не только не поддались на провокацию, но дали достойный отпор ее организаторам. Верующие направили в посольство США ответы, в которых выразили свое возмущение подстрекательской деятельностью официальных американских представителей. Копии этих писем с просьбой оградить верующих от вмешательства в их личную жизнь непрошеных «благодетелей» поступили в МИД и МВД Эстонской ССР.

Письма и заявления верующих убедительно свидетельствуют о том, что попытки реакционных кругов империализма использовать советских граждан в грязных политических махинациях обречены на провал.

ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ ОТВЕТА

ПИСЬМА ОБ ЭКОНОМИИ

В № 10 «Огонька» прочитала письмо тов. Дергуновой из города Чирчика Ташкентской области и подумала, что, оказывается, не только мы, жители Сыктывкара, не имеем возможности умываться по утрам и вечерам! В нашем доме часто нет даже холодной воды, а о горячей и говорить не приходится.

Обращались в общественные организации. Нам отвечают: вода подается строго по графику с 6 до 9 утра и с 18 до 22 вечера. Но практически график этот не соблюдается. На первые этажи вода подается нерегулярно, а что делать жителям 4—5-го этажей? Туда вода совсем не поступает.

У нас не степь и не горы. Город наш стоит на самом берегу реки Сысолы, воды в реке хватает. Только бы чаще думали руководители города о рабочем человеке... А как быть с маленькими детьми? Детей надо купать каждый день, а сколько стирки? Одним словом, трудно нам без воды.

Мы живем в 6-м микрорайоне, в доме № 10 по Привокзальной улице. Квартиры благоустроенные, даже ванные комнаты есть, но, увы, еще не пользовались ванной. Тогда зачем же место занимать в квартире?..

Жильцы дома № 10.
Сыктывкар.

•

Хочу написать об отоплении детских учреждений и жилых домов в поселке Зеленая Казанка г. Киселевска, Кемеровской области. Прошлой зимой в квартирах температура была от 6 до 10 градусов тепла. Летом попытались исправить положение: отремонтировали теплосеть и котельную. Старались закончить ремонт к началу отопительного сезона 1979—1980 гг., но тепло в квартиры все-таки дали с опозданием на месяц. В эту зиму в наших домах и детских садах было уже 12—14 градусов тепла. Многие на кухне делали печки для обогрева углем, а в зданиях, не приспособленных для этого, работали нагревательные приборы в течение целого дня. Поселок наш молодой, в каждой семье маленькие дети. Представляете, сколько электроэнергии ушло за зиму на обогревание наших домов.

Неоднократно обращались в разные инстанции, писали в местную газету. Результатов никаких.

Наступило лето. Неужели за три теплых месяца мы опять не сумеем подготовиться к зиме?

В. ПАНИН.
Кемеровская область.

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Эти письма заставили редакцию еще раз вернуться к разговору об экономии энергетических ресурсов, являющейся важной общегосударственной задачей. «На экономию топлива и энергии должны быть нацелены усилия каждого коллектива, каждого труженика»,— говорилось на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС.

«Огонек» неоднократно писал, что не только предприятия, но и каждая семья должны включиться в борьбу за экономию электроэнергии, воды, газа. Экономия — дело общее, забота всех и каждого. Несмотря на то, что сделано много, неиспользованные резервы еще есть.

В редакцию продолжают поступать письма из разных районов страны, в которых читатели рассказывают о бесхозяйственном отношении исполнительных комитетов, руководителей предприятий, жэков к этой важной проблеме. Читатели находят резервы экономии, вскрывают причины, порождающие дополнительный расход электроэнергии и воды, вносят предложения по устранению этих недостатков.

Читатели А. Ерзиков (Улан-Удэ) и Г. Морев (Челябинск) пишут, сколько электроэнергии расходуется напрасно только из-за того, что промышленность мало выпускает электрических лампочек. Там, где можно обойтись лампочками на 10 или 15 ватт (на лестничных клетках, в подъездах), мы включаем 100-ваттные лампочки, и горят они по 10—15 часов в сутки. «В трехрожковую люстру, рассчитанную на общую мощность 120 ватт, мы вкручиваем 3 лампы по 100 ватт, так как в магазинах не продают 10—15-ваттные лампочки. В туалете, ванной, коридоре у меня и моих соседей тоже горят 100-ваттные лампочки. Жизненный уровень сейчас очень вырос, мы имеем возможность оплатить даже ненужные расходы и часто их оплачиваем. Я против напрасных платежей. 100-ваттная лампочка стоит 40 копеек и забирает электроэнергии значительно больше, чем 15-ваттная, стоимость которой 15 копеек. Этот перерасход электроэнергии и денег не выгоден ни государству, ни мне» (Г. Морев).

А. Ерзиков предлагает поставить в подъездах реле времени. Нажмешь на кнопку выключателя — загорается на всех этажах свет. Поднялся до своей квартиры, еще раз нажал на кнопку — свет погас. И горит лампочка всего 2—3 минуты. Разве это не путь для экономии электроэнергии?

Вовремя подготовиться к зиме, отремонтировать теплосеть, проверить трубы, батареи, заклеить окна — и в результате тысячи киловатт-часов электроэнергии не будут израсходованы зря и тысячи государственных рублей не улетят на ветер. Участник Великой Отечественной войны Е. Машуков (г. Балашиха, Московской области) написал, что зимой за электричество он платит 10—12 рублей в месяц при стоимости 1 квт-часа 4 копейки. А почему? Ответ прост: «В нашем районе газовая кочегарка, рассчитанная на отопление 12 домов, обогревает 18. В квартирах зимой 16—17 градусов тепла, и поэтому мы включаем электронагреватели. Выход из положения, на мой взгляд, легкий — поставить еще один или два котла, место в кочегарке есть. Это дало бы огромную экономию, газ обходится государству дешевле электроэнергии».

Читатели ратуют за экономию, но за экономию разумную, которая служит в первую очередь интересам трудящихся. Поэтому их особенно беспокоят случаи бесхозяйственности и расточительства государственных средств, халатного отношения к просьбам трудящихся, допущенные по вине райисполкомов, служб народного контроля, жэков. Но давайте задумаемся, всегда ли мы сами бьем тревогу, увидев прорвавшуюся трубу, всегда ли плотно закрываем краны, аккуратно выключаем свет, правильно пользуемся лифтом, одним словом, экономим электроэнергию в быту.

На улице лето, светит яркое солнце, но письма читателей полны «зимних» забот. И если за лето не успеть подготовиться к холодам, то жители поселка Зеленая Казанка и города Балашихи опять будут круглосуточно пользоваться электронагревательными приборами. «Огонек» ждет ответа от исполнительных комитетов и жэков, в ведении которых находятся дома читателей, приславших письма в редакцию.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

КАК ДЕЛА В КЕМЕРИ?

«Бесславный юбилей» — так называлась статья Г. Куликовской, опубликованная в «Огоньке» (№ 36 за 1979 г.), в которой рассматривались причины чрезмерно затянувшегося — на одиннадцать лет — строительства санатория ВЦСПС «Кемери» в Латвийской ССР. Поскольку положение на стройке по-прежнему оставалось тревожным и напряженным, журнал выступил вторично (№ 9 за 1980 г.), проанализировал ответы Юрмалского ГК КП Латвии и Министерства строительства Латвийской ССР.

В последнем своем письме, недавно поступившем в редакцию, министр строительства Латвийской ССР И. Улманис сообщает:

«За четыре месяца 1980 года по санаторию «Кемери» сделано следующее:

— на расширенной коллегии министерства одобрены социалистические обязательства коллективов трестов по вводу санатория в 1980 году;

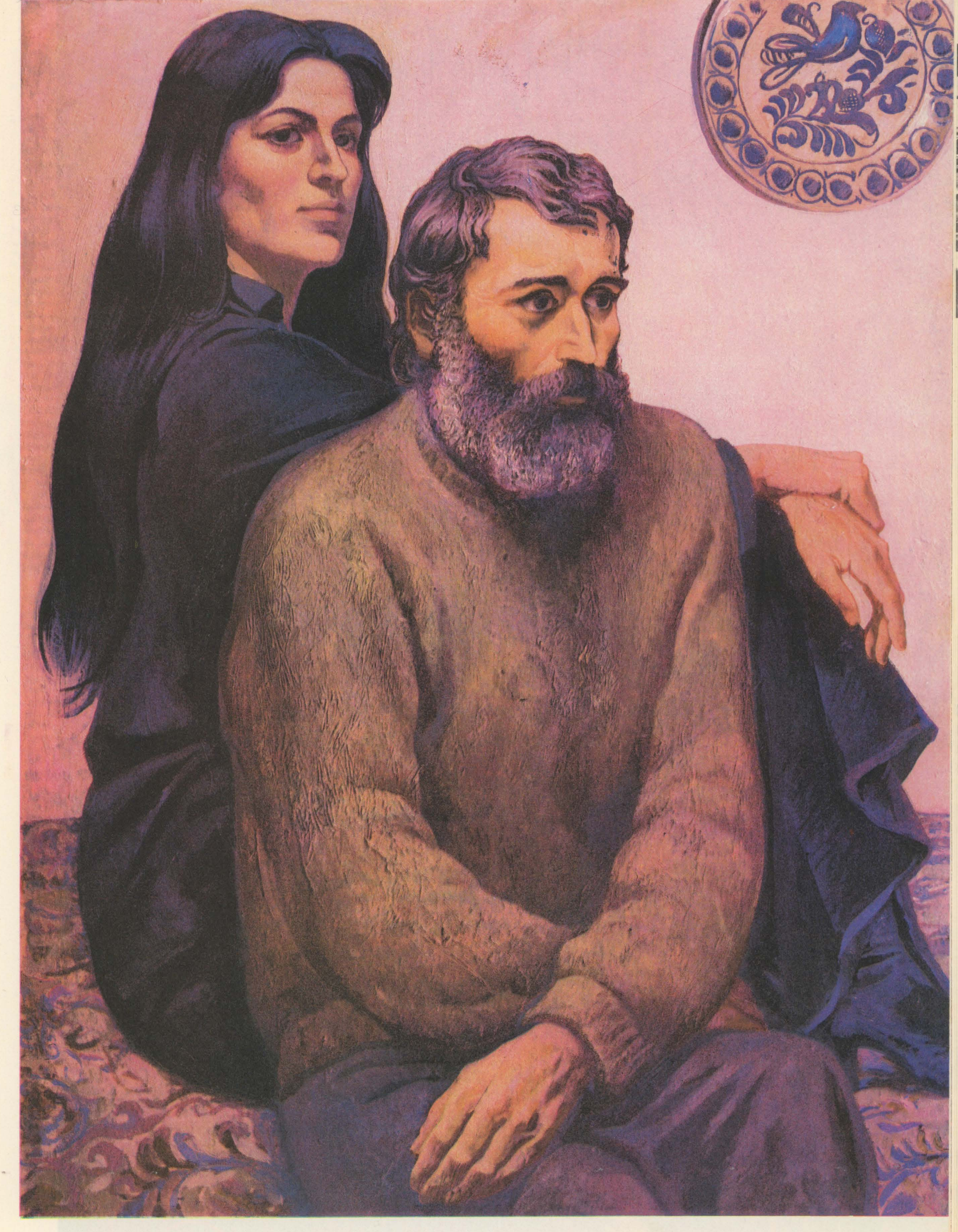
— совместным приказом Минстроя и ГлавУКС ВЦСПС от 07.02.80 № 52 установлены годовые задания по каждому тресту с учетом перевыполнения плана на 700 тысяч рублей;

— при плане за январь — апрель 195 тысяч рублей освоено 270 тысяч рублей;

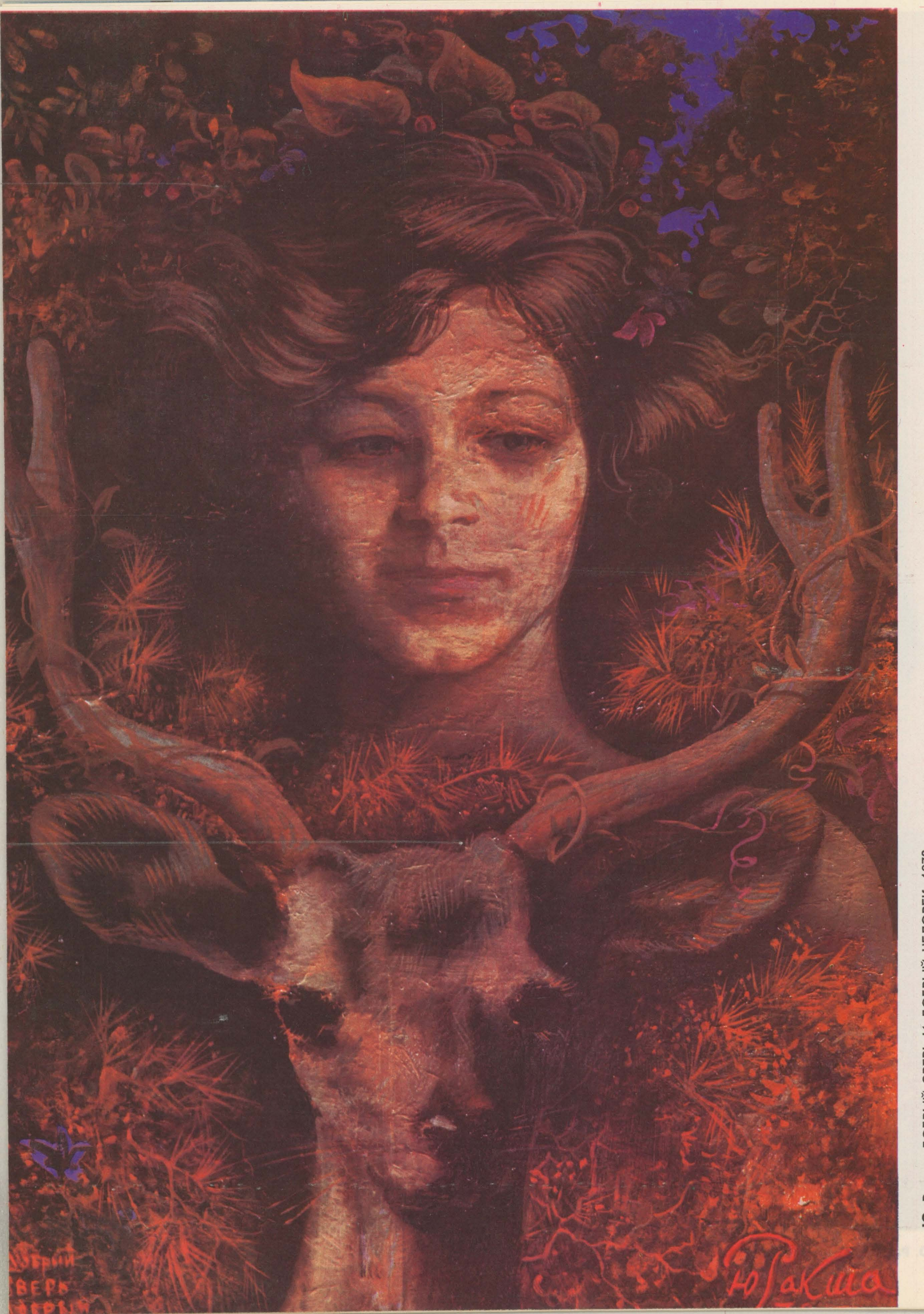
— на объекте в настоящее время работают от 180 до 210 человек.

Еще раз подтверждаю, что все необходимые меры по выполнению принятых обязательств и вводу комплекса санатория «Кемери» в 1980 году будут приняты».

Редакция надеется, что на этот раз строители сдержат слово и двери санатория «Кемери» откроются уже в этом году.

Ю. Ракша. ЖУЖА И ЯНОШ ИЗ БУДАПЕШТА. 1979.

Ю. Ракша. ДОБРЫЙ ЗВЕРЬ И ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК. 1978.

ОЛИМПИАДУ ОТКРОЮТ ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Наши велосипедисты-шоссейники напряженно готовятся к выступлению на XXII Олимпийских играх в Москве. Руководит подготовкой главный тренер сборной команды Виктор Арсеньевич Капитонов, имя которого хорошо известно любителям спорта — на Олимпийских играх в Риме он одержал сенсационную победу на 175-километровой дистанции, опередив многих знаменитых спортсменов, в том числе считавшегося непобедимым итальянца Л. Трапе. Это была первая наша золотая олимпийская медаль в шоссейных гонках. Виктор Капитонов — участник сборной команды СССР, шесть раз побеждавшей в велогонках Мира, самом крупном соревновании спортсменов-любителей. Под его руководством наши гонщики выиграли золотые олимпийские медали в Мюнхене и Монреале.

Наш корреспондент Виктор Пронин встретился с Виктором Арсеньевичем и попросил рассказать о том, какие задачи стоят на XXII Олимпийских играх перед одной из сильнейших команд мира.

— Виктор Арсеньевич, как проходила подготовка наших велосипедистов-шоссейников!

— Мы тренировались в Пицунде, в Сочи, выезжали в Болгарию, участвовали в соревнованиях на Кубе, в Италии, Голландии, Бельгии, Англии и, кстати, в этих соревнованиях добивались победы. Кроме того, в марте состоялся чемпионат страны, в мае — велогонка Мира, которую мы также выиграли. В индивидуальном зачете победителем стал член нашей команды Юрий Баринов.

— Не слишком ли много соревнований перед Олимпиадой!

— Дело в том, что в тех соревнованиях, о которых я рассказал, участвовали не все наши ведущие спортсмены. Например, такие гонщики, как Сергей Сухорученков, Александр Аверин, Ааво Пиккуус, на велогонку Мира не ездили.

— Состав олимпийской команды утвержден!

— Об окончательном составе говорить не будем. Команда питается свежими силами, и возможна некоторая передвижка тех или иных спортсменов.

— Где в нашей стране велоспорт развит лучше, откуда чаще всего приходит пополнение!

— Куйбышев, Прибалтика, Таджикистан... В одних местах это объясняется энтузиазмом, мастерством, силой характеров тренеров, в других — хорошими дорогами, хорошими климатическими условиями на протяжении большей части года, а что касается ребят, желающих заниматься нашим видом спорта, то их предостаточно везде. Надо сказать, что велоспорт в стране за последние годы развивается неплохими темпами, в нашей команде есть представители очень многих городов. Например, чемпион последней Спартакиады Юрий Каширин — из Ростова, а победитель групповой гонки Сергей Шелпаков — из Омска, Сергей Прибыл — из Алма-Аты, Олег Логвин — из Минска, Олег Лядов — из Таллина, Владимир Кузнецов — из Москвы, чемпион Спартакиады в командной гонке Александр Гусятников — из Куйбышева.

— Виктор Арсеньевич, есть ли факторы, сдерживающие развитие велоспорта в нашей стране!

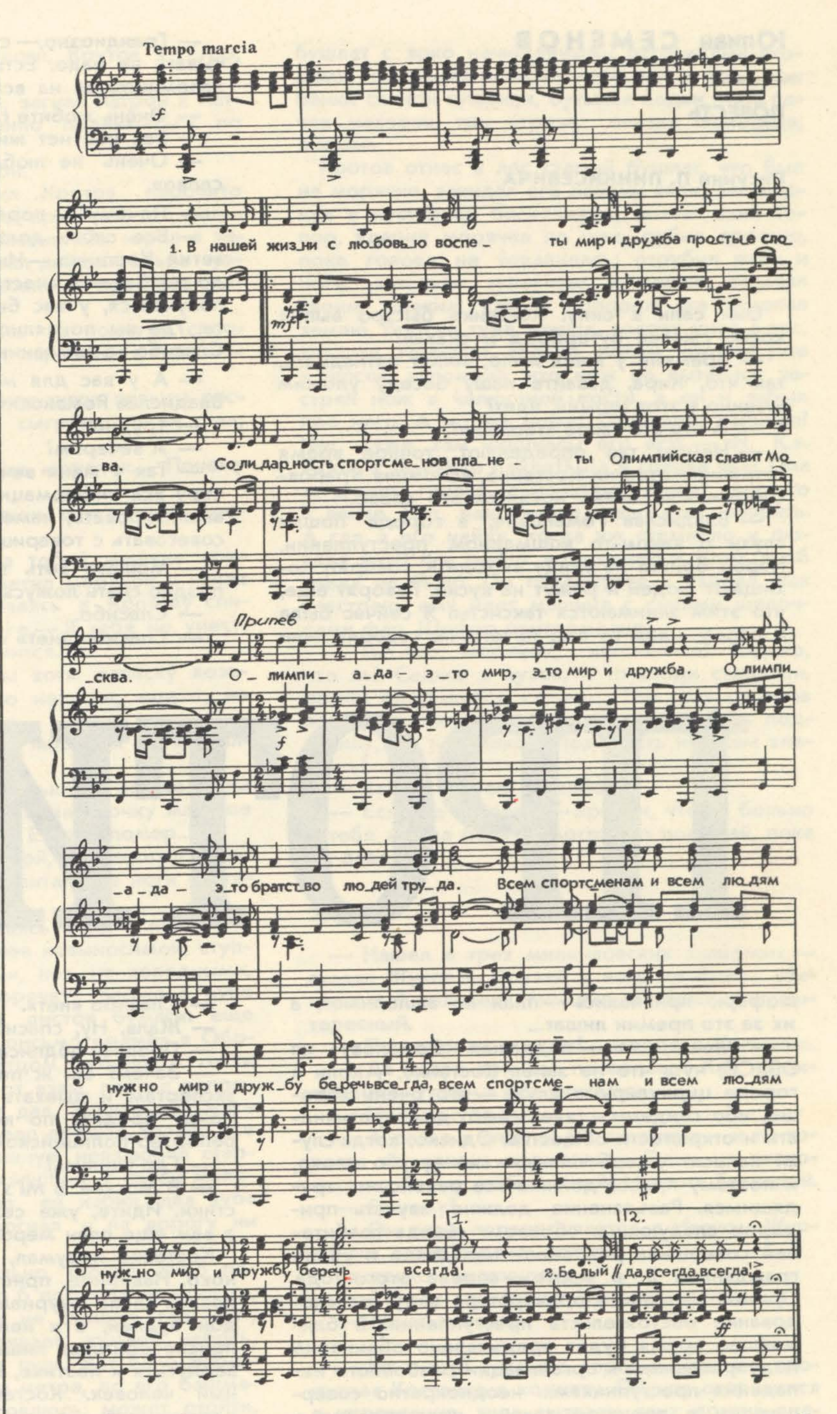
— Очень важна техническая сторона дела. Да, у нас заметно улучшилась дорожная сеть, появилось много первоклассных шоссе, построен отличный комплекс в Крылатском, недавно сдан велотрек во Львове — все это, без сомнения, способствует развитию велоспорта. Однако нас сдерживает невысокое качество машин. Наши велосипеды оставляют желать лучшего. Справедливых упреков заслуживает Министерство автомобильной промышленности, Харьковский велосипедный завод имени Петровского. Об изобретателях велосипедов принято говорить с усмешкой, как о людях, занимающихся не совсем серьезным делом. А между тем работа над усовершенствованием велосипеда продолжается весьма интенсивно во всем мире. Достаточно сказать, что если во время Римской Олимпиады велосипеды весили свыше двенадцати килограммов, то ныне их вес немногим более семи килограммов и притом значительно улучшены их аэродинамические качества. В то же время машины производства харьковского завода остались ненадежными, многие узлы нуждаются в усовершенствовании, участвовать на этих машинах в серьезных соревнованиях — дело рискованное. Но даже этих машин выпускается слишком мало.

— Чем это можно объяснить!

— Необходимо пересмотреть само отношение к производству велосипедов, как к чему-то не очень сложному, не очень нужному. Велосипед входит в нашу жизнь не только как спортивный снаряд. Во всем мире растет его популярность как очень надежного, полезного для здоровья, совершенно не загрязняющего атмосферу вида транспорта. Естественно, производство велосипедов должно быть поставлено на уровень возможностей нашего времени.

— И последнее, Виктор Арсеньевич... Каковы ваши надежды!

— И надежда и цель одна — выиграть золотые медали в командной и индивидуальной шоссейных гонках. Для этого у нас есть все основания, и мы постараемся выступить достойно. Наша задача тем более ответственна, что велосипедисты открывают Олимпиаду — первые медали получат победители в шоссейной гонке на 100 километров.

Эта песня впервые была исполнена октетом Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени Александрова.

СОЛИДАРНОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ПЛАНЕТЫ

Стихи Сергея БЕНКЕ **Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА**

В нашей жизни с любовью
воспеты
Мир и дружба — простые слова.
Солидарность спортсменов
планеты
Олимпийская славит Москва.

Припев:

Олимпиада —
Это мир, это мир и дружба.
Олимпиада —
Это братство людей труда.
Всем спортсменам и всем людям
очень нужно
Мир и дружбу беречь всегда!

Белый, желтый и черный
цвет кожи
Не помеха для дружбы людской.
И земля наша станет моложе,
Если будем дружить мы с тобой.

Припев:

Если в песне о дружбе поется —
Эта песня о счастье людей.
Если юность на верность
клянется,
То спокойны сердца матерей.

Припев:

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРОТИВОСТОЯ

Они сели к окну. Костенко быстро выпил кофе, сжевал бутерброд и сказал:

— Времени у меня мало, минут пятнадцать, так что, Кира, давайте нашу беседу уложим именно в этот тéрмин, идет?

— А что это такое «тéрмин»?

— Немцы так определяют точное время встречи,— ответил Костенко, вспомнив Крабовского,— мне очень нравится это слово.

— Владислав Романович, в городе пошли слухи о каком-то кошмарном преступлении. Народ боится на улицу выходить, говорят, похищают людей и режут на куски. Говорят еще, что этим занимаются таксисты. Я сейчас была в парке — вам-то они ничего не говорят, мне шоферы признались — план не выполняют, а их за это премии лишат...

— Значит, так,— подражая Романову из ОБХСС, чуть что не запел Костенко,— коли в городе циркулируют слухи — это очень хорошо, ибо свидетельствует сие о демократичности и открытости общества. Однако, когда слухи наносят ущерб плану — сие сугубо плохо, и поэтому пресса должна все разъяснить трудящимся. Разъяснение должно звучать примерно следующим образом: «Банда грабителей совершила разбойное нападение и убила гражданина В. в марте — апреле этого года. Органы милиции и прокуратура ведут расследование обстоятельств преступления. В ближайшее время будет предъявлено обвинение подозреваемым в организации разбойного нападения преступникам... неоднократно совершавшим в прошлом тяжкие преступления...»

— Но это не очень интересно, Владислав Романович... Просто даже совсем неинтересно... Я ведь из молодежной газеты, хочется как-то так рассказать, чтоб твой материал читали...

— А знаете, как надо сделать материал?

— Как?

— Поговорите с экспертами, съездите с оперативной группой на происшествие, то есть соберите побольше фактов, а потом включите туда и этот мой комментарий.

— Комментарий очень уж обтекаем, Владислав Романович. В городе, куда ни зайдешь — все говорят: «Разрезают на куски, женщин заманивают в такси, стреляют в спину из багажника»... Тогда уж лучше мне и не подписывать эти три строчки, дать официальную справку.

Костенко возразил:

— А вот этого делать нельзя, Кира. Был такой журналист в тридцатых годах, он вместе с Гайдаром погиб, Михаил Розенфельд, тоже, кстати, работал в комсомольской прессе. Так вот он, перед тем как лететь на Северный полюс, оставил заповедь: «Первое — журналист должен подписывать даже однострочную корреспонденцию полным именем и фамилией; второе — журналист обязан избегать присоединения к каким бы то ни было внутриредакционным группировкам; третье — журналист, если он думает о своей профессии серьезно, всегда откажется от любых административных постов в газете, как бы почетны они ни были».

— Грандиозно,— сказала Кира.— Даже записывать не надо. Есть какие-то вещи, которые запоминаются на всю жизнь.

— Очень любите газету?

— Без нее нет жизни, честное слово...

— Очень не люблю выражение «честное слово».

— Почему? — поразилась девушка.

— Все слова должны быть честными,— ответил Костенко.— Иначе к каждой фразе надо прибавлять «честное слово». Другие слова, получается, у вас были нечестными, а только те, где вы поклялись, правдивы? Ну, пошли... Спасибо за компанию...

— А у вас для меня еще время найдется, Владислав Романович?

— Трудно.

— А вечером?

— Так у меня вечером самая работа, к вечеру вся информация стекается, ее надо проанализировать, наметить шаги на завтра, просоветовать с товарищами планы мероприятий...

— Можете хоть в двенадцать приехать, я поздно спать ложусь.

— Спасибо.

— Спасибо «нет» или спасибо «да»?

— Спасибо «нет».

— Жаль. Ну, спасибо, до свидания.

— Пропуск подписать?

— Зачем? Вы ж посоветовали мне пойти к экспертам и выехать на очередной случай... Пойду бродить по коридорам, как истинный репортер полицейской хроники...

— Где учились?

— В Москве. В МГУ, на факультете журналистики. Идите, уже семнадцать минут прошло, а вам еще план мероприятий составлять надо.

Костенко подумал, что девушке здесь одиноко. Наверное, приехала по распределению, поэзия слова «журналистика» сменилась правдой будней, а к ней, к правде, надо уметь приспособиться: лишь в этом случае можно вернуться к поэтике, иначе — могила, потерянный человек. Костенко был убежден, что одержимость в работе дает людям счастье — лишь это да еще дети. Ну, и конечно, любовь, если она смогла стать «затянувшимся диалогом», то есть перейти в дружество. В любовь до гробовой доски Костенко не верил, считал это сказочкой, сочиненной автором с дурным вкусом. Одержимость заставляет смотреть, как писал Маяковский, «через головы поэтов и правительств», вырабатывает в человеке уверенность в своей нужности общему делу, *проводит* его мимо тех мелочей, которые, конечно же, досадны, раздражают, доводят до бешенства. Но те, кто не одержим, отдают всего себя именно этим мелочам, те несчастны, ибо жизнь — огромная, сложная — проходит мимо. Взгляд снизу даже трехэтажный дом делает небоскребом. Нельзя смотреть снизу, надо на век смотреть, как на равного, глаз в глаз, тогда только толк получится...

«А если я к ней приеду, будет плохо,— думал Костенко, шагая с девушкой по темному коридору,— мужики моего возраста нравятся, сейчас на нас мода, а я завтра улечу, зачем же все? Хотя, может, я проецирую себя на нее? Они рациональнее нас, лишены того сентиментального истеризма, которым были отмечены некоторые особи женского пола в нашем поколении. Больше всего боялись «разрушить семью»; «поцеловал — женись». Жили тяжко; все хотели гарантий, особенно женщины, это к ним от матерей пришло, от матерей, которые знали, что такое голод и безотцовщина не по книгам наших литературных плакальщиков, они это на своих плечах вынесли, поэтому в дочек их впиталось с молоком: «держи, не пускай, терпи, что угодно, только б рядом был мужик — какой-никакой, он и есть мужик». Нынешнее поколение стало умнее, сытые они, обутые и одетые, ищут душу, а не плечи, на которых повода...»

Жукову, который ждал его в кабинете дежурного по управлению, Костенко сказал:

— Я, знаете ли, прессу задействовал...

— Это как?

— Это называется дезинформация. Писать им все равно надо, в городе о нашем деле говорят, так пусть напишут в наших интересах: «вскорости будет предъявлено обвинение рецидивистам» — это первая пуля, которую я отлил, а вторая — дата преступления: назвал март — апрель. Если Милинко посещает центральные библиотеки страны и следит за новостями в городе, он обрадуется этой информации, поверьте мне.

Ретроспектива-IV (Вайсвальд, под Бреслау, 26 марта 1945 года)

Кротов лежал на взгорке, в лесу; дорога была под ним как на ладони. По ночам гудели танки и артиллерия, полуторки и «студебеккеры», походные кухни. Днем редко проносились трехтонки и «эмочки», хотя немецких истребителей почти не было в небе: бензина в рейхе кот наплакал, для танков копили,— но красные про это не знают; дурачки, таятся, только ночью двигаются...

«А вот бы выйти на дорогу и сказать: «Братцы, я вам тайну открою, тогда, может, жизнь сохраните, а больше мне ничего не надо. Мне жизнь нужна, как тот румынский писарь, перевернусь, я ловкий, я все огни и воды прошел»,— думал иногда Кротов, но мысль эта исчезала, как только появлялась.— Нечего химеры-то плодить,— одергивал он себя,— мне рассчитывать не на что».

То, что он ошибся и пошел не на запад, а на восток, стало ясно ему лишь на следующую ночь, когда он выбрался из города, охваченного дымным пламенем, и увидел наконец звезды. Он забился в лес, в чащу; развязал мешок, достал сало и хлеб, поел, запил шнапсом, всего один глоток, чтоб не простудиться, настелил хвойных лап, лег и долго, *высчитывающе* рассуждал, как быть. Поворачивать сейчас на запад нельзя, риск слишком велик. Без документов, без советской формы, в немецком пальто—сразу угодишь в СМЕРШ. Нужна военная форма, бумаги, тогда можно *влиться*, чтоб добивать «*гада в его логове*». А потом драпать на запад, в Швейцарию куда-нибудь или еще подальше, в Южную Америку, там, в Парагвае, гитлеровский родственник, что ль, правит, можно будет отсидеться.

На этом взгорке Кротов лежал уже второй день. Ему была нужна одиночная легковая машина или грузовик, но без пассажиров, один шофер, пусть даже в кабине-то и не один, только б в кузове никого. Сбежать вниз, закричать: «Браток, я из плена!» А там все легко. Даже если двое в кабине — они ж для тепла набиваются,— и с этим можно управиться. Кто ж это рассказывал про мужика, который с бабой на севере жил, по тундре шел за золотом? Она еще ему свою еду отдала, с голодухи, дура, померла, а он все полз, пока не дополз, жить хотел. Кто не хочет? Я б тоже полз... А, это Козел рассказывал, точно, он любил рассказывать эту историю, кто ее написал-то?! Только не русский, так бы русский не полз, немец, что ль? А почему на севере дело было? У немцев севера нет, слякоть одна, грязь...

Дважды проходили пешие, в форме, легко

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—26.

раненные — по десять, двенадцать человек; видимо, чапали в госпиталь. Кротов сразу прикидывал рост, ширину плеч, размер ног; пусть форма больше будет, только б не мало́; прошли низкорослые, верно, с Рязани, тот, кто на море рос, таким убогим не бывает.

«А если себя назвать, признаться, что раненого забрали в плен? — думал он, неотрывно глядя на дорогу.— Нельзя, докопаются. Я ж следы оставил, сколько следов! Надо было б хоть названия лагерей выучить, фамилии забитых комиссаров запомнить, чтоб на кого сослаться: мол, друзья, на одних нарах спали, вместе лагерное подполье создавали...»

Топорик, который ему выдали во время первого заброса в тыл большевиков, лежал рядом, отточенный, как бритва; нож — в кармане пальто; парабеллум с двумя обоймами он завернул в бумагу и надписал: «В подарок родной Красной Армии-освободительнице от русского пленного».

Он заметил морячка под вечер, когда уже отчаялся дождаться хоть кого-нибудь и решил было отползать в лес, пробираться на запад.

Морячок шел, чуть пошатываясь, но бинтов на нем Кротов не заметил.

НИЕ

«Может, контуженый? — подумал он.— В плечах вроде одинаковый со мной, только б башмаки подошли, хорошо, что он в башмаках, а не в сапогах, скажу в крайнем случае, если его малы, что мои прохудились, трофей взял, вон сколько витрин разбито — бери, не хочу».

Кротов вжался в землю, нащупал рукою кору, влажную, холодную кору сосны, втерся в нее ладонью, потом осторожно подвинул лицо к ладони, вымазал себя, чтобы чистоты не было,— чистота в штатском человеке настораживает, когда война идет, въелся глазами в руки морячка — и руки вроде не короче, плохо, если торчать будут кисти из рукавов; ничего заметного не должно быть, как все, ни в чем не выделяться. Только б сейчас какая шальная машина не пошла,— перекресток, где две девки с автоматами стоят, регулировщицы, далеко, километра три, не слышно будет, если даже морячок успеет закричать,— только б машина какая не пошла! Нет, вроде б не слышно. И шея у него крепкая, воротник подойдет, только голова вроде б поменьше, чем у меня, бескозырка валиться будет; хотя морская пехота пилотки тоже носит, только синие, в мешке она у него, мешок-то вон какой здоровый, трофеи, наверное, волочет. В госпиталь идет, контузия. Иди, иди, парень, иди, я запомню, как ты идешь, мне сейчас все в себя взять надо, я ж сейчас стану «ты», морячок, иди, милый, только б машины не было, верил бы в бога — молитву прочел; нет бога, никого нет, кроме тебя; есть ты и все есть, только сумей взять, а если тебя нет, какой же бог?! Он же справедливость, бог, а меня — нет, где ж тут справедливость?

Кротов еще теснее прижался к земле, чувствуя в себе озноб.

«Рано еще, пусть подойдет поближе, чтоб времени думать не было; ха, что это у него за карабинчик? Игрушка, а не карабинчик, небось, американский, у большевиков не было таких. Он его поперек надел, каково-то стягивать будет? Не станет он его стягивать, чего ему бояться, да и развилка рядом, там шоссе, там днем и ночью свои...»

— Браток,— прохрипел Кротов, высчитав все до секунды,— браток, помоги!

Морячок остановился как вкопанный, раскачиваться перестал, потрогал голову, потер пальцами висок и начал медленно стягивать карабин.

— Да здеся, здеся я,— продолжал хрипеть Кротов,— ноги у меня, ноги, Крутов я, Егор, помоги, браток!

Морячок карабин снял, загнал патрон в патронник и начал медленно подниматься по взгорку.

— Ты где? — спросил он.

— Да тута я,— ответил Кротов, нарочито крестьяня речь, боясь при этом, что фальшиво это,— сам-то горожанин. Он играл с таким напряжением, что стал действительно чувствовать боль в ногах, словно их прошило очередью.

— Где? — остановившись на полпути, спросил морячок и взбросил карабин на плечо.— Подними руку.

Кротов медленно поднял руку, пальцы растопырил, думал дрожь сыграть, но не стал; бессильно руку опустил.

— Кто такой? — спросил морячок.— Почему в штатском?

— Угнанный я, от колонны отстал, ноги пробили мне...

— Ладно, сейчас я за тобой машину пришлю, тут недалеко,— ответил морячок и начал медленно, не поворачиваясь к Кротову спиной, спускаться к дороге.— Я тебя не унесу, сам еле иду, башка кружится.

— Браток, господи, ты хоть записку возьми... Я маме в деревню написал, может, не дождуся я твоей машины.

— Ползи сам,— сказал моряк и остановился.— Ползти-то можешь?

— Сейчас попробую, только ты не уходи, ты жди, я доползу, браток, ты записочку мамаше отдай, чтоб знала, где ее Егорка помер...

— Да не пой ты, не пой,— усмехнулся морячок,— за неделю в госпитале на ноги поставят... Ну, давай...

Кротов медленно, пугаясь боли в ногах,— а она становилась все более невыносимой, ступни сделались холодными, нет, не холодными, ледяными — полз к морячку, держа в руке так, чтобы тот видел, листок бумаги: еще утром написал слезное письмо «маме» в Оболенск,— был там с отцом, ездили в гости к дядьке. Тот помирал от язвы, позвал попрощаться, денег на билет дал. У него деньжата были, дед ювелирное дело держал, только все отдал дядьке. Отца отринул, невзлюбил старшего сына, жестоко невзлюбил, к своей молодой жене приревновал, ее избил, два зуба выхлестал, а сына прогнал и на дорогу ни рубля не дал...

Полз Кротов мучительно, стонал, лицо покрылось потом. «Только б поближе подползти, только б он к дороге не отошел, гад! Нет, стоит, сверху рассматривает, думает, небось, где дыры на штанах от пуль. Вот башмаками-то задвигал, до них два метра, до его башмаков. Если сейчас остановлюсь, может отойти, он высматривает следы пуль, поэтому не отходит, кровь ищет...»

Кротов взметнулся с земли, ласточкой бросился на моряка, сшиб его ударом головы в лицо, левой рукой схватил за кадык, разрывая кожу ногтями, правой достал нож, всадил в сонную, повернул, услышал всхлип, ощутил запах теплой крови, потащил обмякшего моряка вверх, на взгорок и тут только услышал приближающуюся машину. Он бросил парня рядом с собою, бездыханного уже, взял его карабин, теперь придется отстреливаться, если заметят, теперь конец, здесь же прикончат. «А почему они должны здесь остановиться, следов-то никаких, на мне все следы, кровь на мне, а на траве они не увидят: трава прошлогодняя, сине-жухлая, с бурыми пятнами. Они проедут, нечего им тут останавливаться, ни одна машина тут не останавливалась. В тыл идет, точно, «студебеккер», и в кабине один шофер, и в кузове никого. А может, бегом на дорогу, спаси, мол, брат?! А вдруг они с машинами строже проверяют? Ну и что, отстреляюсь, руль-колеса — не ноги... Да что ты, с ума сошел?! Пусть проедет, а ты переоденься, иди на дорогу и качайся, тебя любой подберет, контуженого как не подобрать? Совсем сдурел от удачи, Крот?!»

Машина проехала, снова воцарилась тишина, лесная, высокая, торжественная.

Кротов помассировал ноги — потеплели; потом начал раздевать моряка; сам разделся стремительно — форма подошла, словно в магазине брал, а вот бескозырка, точно, только на затылок, в такой остановят, не по форме...

Он развязал мешок морячка, там лежал бушлат с ярко начищенными пуговицами-якорями, новенькая пилотка, карманные часы, три банки свиной тушенки, бутылка водки, пять пачек махорки, три отреза, плитка шоколада, письма.

Кротов отнес в лес старый бушлат, что был на морячке, закидал его лапами хвои, зашвырнул в кустарник бескозырку, потом взял топор, ударил морячка по шее, рубил яростно, пока голова не отвалилась; отрубил руки и ноги, затолкал туловище в мешок, завязал своим ловким узлом; топором же вскопал землю, бросил туда мешок, голову унес в лес, закопал глубоко; только потом, отойдя уже к шоссе, вспомнил, что нож не вытащил, застрял нож в челюстной кости, а он и забыл про него. А что на ноже? Отпечатки пальцев? Нет, хуже, там инициалы его есть — «Н. К.». А кто в земле-то найдет? Да и голова чья? Она ж сгниет, голова, с дождями сгниет, дело-то к весне. Нет, надо назад, надо нож забрать. А где я его найду, когда уж стемнело и фонаря нет?! Все равно возвращайся, Крот, чтоб следа не было. Он повернулся и увидел, как навстречу ему идет машина с синими щелочками фар. Шофер притормозил:

— Ты что, морячок, шатаешься? Задело, что ль? Садись в кузов, а то сзади стреляли, немец прорывался, садись... Там пять саперов за взрывчаткой едут, я тебя до санбата подброшу, тут недалеко... Подсобить или сам влезешь?

— Влезу, браток, спасибо...

— Если не влезешь — крикни, что-то больно у тебя морда белая, смотри, не помирай, пока не довезу...

20

— Нашел я трех милинковских знакомых,— сказал Жуков.— Друзей у него не было... Интересный человек, Милинко, ей-боженьки, интересный.

— Поговорили с ними? — спросил Костенко.

— Да разве при вас позволено? Как на экзамене — гляди в рот учителю.

— Ну и зануда вы...

— А разве я спорю? Не склочник — и то хорошо по нашим временам... Один из знакомых особенно любопытный, Цыпкин Геннадий.

— Почему?

— Он один переписывается с Иваном Журкиным, тот в Израиль уехал.

Костенко усмехнулся:

— А чего там Ивану Журкину делать?

— Жена повезла.

— Ну и что? — хмуро спросил Цыпкин, пропуская Костенко в комнату. (Жуков отправился в управление, туда вызвали двух других знакомых — Лыкова и Тызина, времени по квартирам ездить не оставалось, Москва торопила.) — Переписываюсь. Запрещено, что ль?

— Никак нет,— ответил Костенко, снимая плащ,— наоборот, я считаю, что рвать с другом некрасиво. Он ведь друг ваш был, Журкин-то?

— И остался им,— с вызовом ответил Цыпкин.

— А Милинко?

— При чем тут Милинко?

— Я его ищу.

— Мне не пишет. Пишет Журкину. Молодец.

Геннадий говорил рублеными фразами; они казались Костенко такими же тяжелыми, но верными, как руки шофера — большие, собранные.

— Молодец Милинко,— согласился Костенко.— Только как вы об этом узнали, если он с вами связь прервал?

— Иван написал.

— Письмо не сожгли?

— Это вы, что ль, с Москвы прилетели?

— Я.

Цыпкин поднялся, открыл книжный шкаф, достал письмо, протянул Костенко.

«Здравствуй, дорогой Гена! Пишу я тебе из Тель-Авива, паспорта еще не получил, Розка бьется, но денег нет, чтоб уплатить за гарантию и расходы. Они тут насчитали черт те сколько денег за то, что нас вывезли из Вены. Роза устроилась судомойкой, а куда мне в шоферы-то? Я ж по-ихнему ни-ни, да и Роза с грехом пополам два слова знает. Эхе-хе, Гена, а куда здесь подашься?! Посольства нашего нету, а то б сжегся на пороге, если б об-

ратно не пустили. Гринька-то был прав, когда говорил: «Там без денег — не человек, там только с золотом в люди выйдешь, оно не пахнет». Прислал мне письмо, только сказал, что адрес поменял. Велел писать «до востребования» в Коканд, я ответил ему, он же умный у нас, самый вроде б умный, может, и посоветует чего. Писать много нельзя, потому что если письмо тяжелей одной страницы, на почте возьмут в три раза дороже, а это два рубля, полбутылки, понял? Ну, конечно, не пью, не на что, печенка не болит, с этим хорошо, а если заболит — тогда топись; я загриппoвал, так лекарство стало в семь рублей, если на наши перевести. Гена, Гена, всего не напишешь! А ты все пиши. Про самую мелочь, мне это как праздник, я твои письма и открытку Грини каждый день перечитываю. Я хотел наняться на греческое судно, чего-то понимают, когда я говорю, но велят дать паспорт, а у меня выездного нет, а без этого ты нелюдь, никто и говорить не станет. Роза сказала, в Австралии наемные нужны, на полях работать, как вроде у нас осенью овощи сортировать, но туда тоже не выедешь без паспорта, да и на билет надо копить года два. Привет ребятам, поцелуй от нас твоих детенышей. Твой Иван».

— Вы мне позволите взять письмо? — спросил Костенко.— Я вам верну его попозже.

— Расписку оставите?

— Неужели вы не верите слову? Не хотелось бы идти на изъятие. Это хуже. Долго придется ждать, пока вернем, формалистики больше.

Цыпкин покачал головой:

— Все ее костят, а она жива-живехонька, прямо даже смешно от вас это слышать.

— Почему именно от меня — смешно?

— Говорят — начальник вы...

— По-моему, начальники сейчас побольше вас критикуют многое, только им, начальникам, с рутиной бороться сложнее — с вас спрос, увы, не так велик: рабочий человек свои права знает. С обязанностями, правда, не всегда знаком...

— Упрек принимаю,— ответил Цыпкин.— Крикунов среди нашего брата хватает.

— Милинко тоже бранился? Или в словесах был аккуратен?

— У него в глазах слова. Ты говоришь, а он тебя не только слушает, но и поправляет, не только поправляет, но и вроде б подсказывает... Вы им интересуетесь оттого, что он с Иваном переписывается?

— Отнюдь. Пусть себе переписывается... Меня интересует, отчего он уехал в отпуск и не вернулся. Ни профсоюзный билет не забрал, ни трудовую книжку, ни вещи свои... В Коканде его адрес знаете?

— Так он же мне не писал...

Костенко повертел в руках письмо, точно зафиксировал штемпель: «12 ноября 1979 года»,— спросил:

— А Петрова вместе с Милинко уехала?

— Какая еще Петрова?

— Подруга его...

— Не было у него никакой подруги. Сыч он и есть сыч. Ружье да лодка — вот его подруги... Как уйдет на два месяца в тайгу, так мы все потом до зимы и семгу едим и вяленое мясо.

— Он с Минчаковым вдвоем промышлял?

— С кем?

— С Минчаковым...

— Не слыхал о таком... Я ж говорю — сыч, он всегда с а м. Есть такие люди, которые сами по себе. Гриша — такой.

— Хороший человек?

Цыпкин снова пожал плечами:

— Хороший. Ни на кого телег не писал, не завидовал, не болтал...

— Ну, а если на трассе у кого поломка — остановится?

Цыпкин вдруг поднял глаза на Костенко, и лоб его собрало морщинами:

— А почему он должен терять заработок?

— Потому что вы назвали его хорошим человеком. Вы б остановились?

— Это вы философию начинаете.

— Философия сложней, Цыпкин. Вот вы, лично вы, могли бы проехать мимо товарища, у которого поломка?

— Как же я остановлюсь, когда у меня пассажир сидит?

— Вдвоем с пассажиром быстрее б и помогли.

— Вы христову политграмоту не проводите, не надо, тут детей нет.

— Вы так задиристо говорите, Цыпкин, оттого, что я попал в точку: Милинко никогда не останавливался, он проезжал мимо, разве нет? Не злитесь. Вы не на меня и не на Милинко сейчас злитесь, вы на себя в досаде... Мы ведь Милинко в убийстве подозреваем, про трупик-то, небось, слыхали?

— Слыхал,— ответил Цыпкин и вдруг явственно вспомнил, как однажды Милинко,— было это накануне Нового года, ночью,— сладостно и умело рубил топором мороженое мясо.

— Отчего задумались?

— Да так...

— Захотите что рассказать — загляните к майору Жукову...

— Было б чего рассказывать.

— Про хорошего человека всегда есть что рассказать...

— Ну и нет! Мы про дрянь — от всего нашего сердца, все вывернем, с-под ногтей грязь выколупаем, а хорошие — они и есть хорошие, чего их трогать, и так наперечет.

— Меланхолия вас одолела. Плохо. Милинко, кстати, пил?

— Рюмашку. Пригубит — и все.

— Это как — «пригубит»?

— А разве непонятно?

— Непонятно. Можно сделать глоток и передать другу, можно отставить рюмку, сделав глоток, а можно выпить рюмку маленькими глотками, не закусывая...

— Вот я про это и говорю.

— Маленькими глотками, без закуси? — уточнил Костенко.

Цыпкин хмуро улыбнулся:

— Без закуси, это точно.

— Так у нас редко пьют...

— А вообще-то — да, он пил водку странно, будто смаковал...

— Топор у него был какой?

— Топорик — чудо, им бриться можно, в руке лежал, что надо.

— Наш?

— Нет. Заграничный. У кого-то из моряков, видать, подфарцевал.

— Оружие? Какое у него было оружие?

— На такие вопросы я не отвечаю,— отрезал Цыпкин.

— Вы уже ответили. Если у Милинко оружия нет, вы б так и сказали.

— У него красивый ящик, алюминиевый, внутри с поролоном, а сверху вроде б пробка, чтоб не утонул, если лодка на пороге перевернется... Ружьишко у него именное, с фронта, на планочке все честь честью сгравировано...

— Не помните текст?

— Что-то за геройство в борьбе против немецко-фашистских захватчиков...

— А подписал кто?

— Командование... Вроде бы командование воинской части... Неужели вы Гриню серьезно подозреваете?

— Не стоит?

— Да нельзя просто-напросто... Он человек тихий, калымил прекрасно, зачем ему на себя горе брать? Нет, нет, вы его зря подозреваете, точно говорю...

21

Жуков отрицательно покачал головой:

— Никогда он оружие не регистрировал,— официально заявляю.

— Вы как грузин,— усмехнулся Костенко.

— А что? Хороший народ.

— Не просто хороший — отличный...

Костенко снял трубку и заказал Тадаву.

Тот вскоре ответил.

— Ну, что у вас? — спросил Костенко.

— Владислав Романович, мрак и туман. Все то, что вы мне передали в прошлый раз,— в работе; результатов пока никаких. Очень жду каких-нибудь писем или записок Милинко — эксперты без его почерка. как без рук.

— Думаете, я его писем не жду? Не меньше вас жду. Нет писем... Нет... Только в Израиле...

— Что, что?!

— В Израиль он пишет, нам не хочет,— ответил Костенко.— Карандаш у вас под рукой?

— В руке.

— Записывайте: срочно связаться с Кокандом; там, в одном из отделений связи, Милинко получал письмо из Тель-Авива от Ивана Журкина. Смотреть надо начиная с ноября.

Костенко положил трубку, спросил:

— Ну, а что ваши милинковские знакомые рассказали?

— Хороший, говорят, мужик.

— Полезная информация.

— Да уж... Один, Лыков, помянул Петрову: «Мол, какая-то баба у него была, с образованием, очки носила, он ее раз подвез к магазину». Петрова очки и носила, хотя это ее не портило, наоборот, сослуживцы говорят, делало привлекательной, глаза казались большими, как у совы.

— Вы глаза совы видали?

— Ну и въедливый вы...

— Это как? Хорошо или плохо?

— Хорошо. Так вот, изо всех опрошенных знакомых Петровой только одна подруга знала о ее романе с Милинко.

— Конспираторы...

— Мотивировка занятная: «Если хочешь, чтоб мы были счастливы,— говорил он,— молчи про нашу любовь, иначе она — как бельмо на глазу, зависть людей одолеет».

— А что? Лихо мужик заворачивал. Профессионально, сказал бы я. С точным учетом женской психологии: единственное, что может остановить их откровения,— боязнь потерять любимого. Долгий он парень, этот Милинко,— о-очень долгий...

— Теперь по поводу Коканда... Вы сказали, что он там письмо получал?

— Получал.

— Петрова родом из Коканда — вот в чем штука-то...

— Адрес установили?

— Запрос передал во всесоюзный адресный стол, ждем.

— Нет, вы лучше звоните в Коканд, так вернее будет.

Капитан Урузалиев из Кокандского УУР приехал к Клавдии Евгеньевне Еремовой поздно вечером, извинился, перешел сразу к делу:

— Когда же племянница ваша вернется, Клавдия Евгеньевна? Мне ей надо письмо передать из Магарана. Ей и Григорию Милинко.

— Кому, кому? — удивилась старушка.— Какому Григорию? Лапушка ко мне одна приезжала, это было в январе. Погостила и отправилась на работу, она теперь в Сибири работает...

— Где?

— На БАМе... А что?

— Да нет, ничего, вы мне хоть адрес скажите, я ей письмо перешлю и — гора с плеч.

— Так она мне адрес не сказала... Молодежь... Обещала написать, да вот до сих пор и пишет. На БАМе, на северном участке, очень хорошие оклады, масса льгот, лучше даже, чем в Магаране.

— Она долго у вас гостила?

— Да что вы! Заехала — я ж у нее одна на всем белом свете,— сказала, что специально сделала остановку в Коканде, и на север.

— Это когда было? В конце или начале января?

— Это? — переспросила старушка.— Погодите, милый, погодите... Отчего же я вам про январь сказала?! Ах да, она меня спутала, говорит, отдохну на море, а с января переберусь на БАМ. Она у меня осенью была, в октябре или ноябре, что правда, то правда...

— Может, я не к вам пришел? — сыграл Урузалиев.— Она чуть прихрамывает, Петрова-то?!

— Да что вы?! Уж такая нежная, такая у меня голубушка...

— Ну-ка, дайте фото,— сказал Урузалиев,— а то еще чужому человеку письмо оставлю...

— Пожалуйста,— ответила старушка, поднялась с кресла, стоявшего возле окна, проковыляла к комоду, открыла ящик, достала альбом, протянула капитану.— Вот, смотрите... А вы откуда?

— Мой брат в Магаране с нею работал, она по приискам, а он ревизором... Где ж ее фото, матушка? Тут одни старухи...

— Какие ж старухи? — обиделась Клавдия Евгеньевна,— вы смотрите пятую страницу. Вначале мы, сестры, потом наши мужья-покойники, а уж после — лапонька и внук Ирочки, Гоша...

Урузалиев протянул старушке альбом: все фотографии Петровой были аккуратно вынуты, все до одной.

— Боже мой! — всплеснула руками старушка.— Да как же так?!

— Вы из комнаты выходили, когда племянница к вам заезжала?

— Конечно! То на кухню, то к Заире — взять тмин, я ж пирог пекла, то в лавку, за лимонадом... Боже ты мой, что ж это такое, а?!

(За давностью отпечатки пальцев на альбоме установить не удалось.

Никаких других сведений о Петровой в Коканде собрать не смогли.

А Милинко действительно письмо «до востребования» из Израиля получил. Подпись, впрочем, неразборчива. Паспорт предъявил свой. Образец подписи отправили в Москву.)

22

...Жуков дождался, пока Костенко кончил заниматься утомительной гимнастикой, и, перед тем, как тот пошел в душ, сказал:

— Вашу девушку выгнали с работы.

— Какую девушку? С какой работы? — удивился Костенко.

— А журналистку.

— Да вы что?!

Жуков достал из кармана газету, сложенную трубочкой, бросил на стол:

— За вашу информацию.

Костенко развернул газету, нашел в нижнем правом углу маленькую заметку: «Ночи будут без страха». Под корреспонденцией стояло: «Кира Королева».

— А в чем, собственно, дело? — спросил Костенко.— Она не переврала ни одного моего слова, добавила про нашу работу, красиво все подала. В чем дело?

Жуков пожал плечами.

— В нашем городе — и вдруг кошмарные преступления? Быть такого не может, потому что не может быть никогда...

Зампред исполкома вернул Костенко газету:

— Я это читал.

— Так почему же Королеву сняли с работы?

— Потому что нечего панику, понимаете, плодить. Если милиция не может работать, как надо, следует помалкивать. А то, понимаете, будто в буржуазной бульварной прессе, сенсация, видите ли, нужна!

— А вам докладывали обстоятельства дела, над которым мы работаем?

— После статейки запросил.

— Вот видите, значит, статья пошла на пользу?

Нет, во вред! Вы думаете, противник не воспользуется этой статейкой?! Думаете, не появится по разного рода «голосам» сообщение о росте бандитизма?!

— Одна минута,— сдерживая себя, чтобы не сорваться, медленно произнес Костенко.— Кто где хозяин? Неужели эти самые «голоса» имеют хоть какую-то силу?

— Кто это сказал?! Я так не говорил!

— Нет, вы сказали именно так. И позвольте мне задать вопрос: какое вы имеете право — по советскому законодательству — увольнять с работы человека без каких-либо к тому оснований?

— Распространение панических слухов, по-вашему, не основание? Она не пекарь, пекаря я б не уволил, она работник идеологического фронта!

— Значит, работник идеологического фронта стоит на особом положении?

— А вы как думали?

— Я думал, что Конституция — одна для всех. Или ошибаюсь?

Костенко резко поднялся и, не прощаясь, вышел из кабинета, обшитого панелями красного дерева.

...Секретарь обкома по пропаганде был молодым еще человеком, лет тридцати пяти, не больше.

— Неужели сняли? — спросил он, выслушав Костенко.— Ну, это мы поправим. Накажем ее, конечно, и редактора и ее накажем...

— Одна минута,— остановил собеседника Костенко.— А за что наказывать? Королева советовалась со мною. Она не переврала ни одного моего слова, а нам в интересах операции было важно, чтобы такого рода заметка появилась... За что ее наказывать? Если журналист будет ходить советоваться по поводу каждой своей заметки — тогда надо закрыть газеты. Или сделать их секторами горкомов — никаких проблем.

Секретарь посмеялся, спросил:

— Знаете, как все дело с Королевой развивалось?

— Дело ж не уголовное,— отошел, наконец, Костенко,— откуда мне знать?

— Наш первый прочитал заметку и спросил на бюро: «Неужели возможен такой ужас? Теперь, думаю, вечером начнут электроэнергию экономить — все равно никто из дома не выйдет, чего же зря фонари жечь?» Это у нас больной вопрос, исполкому часто достается за плохую освещенность улиц... Ну, вот и выспались на газете.

— Как же вы им это позволили?!

— Я позволил разобраться. Есть сигнал — надо разбираться. Или вы против?

— Смотря какой сигнал. Я представляю себе состояние молоденькой девушки, которая койку снимает, чтобы только работать в газете, а ведь в Москве есть квартира, папа с мамой, а она приехала сюда набраться духа северной романтики, которая замешана на братстве, доброте и взаимной выручке... И — набралась...

— М-да,— сказал секретарь и снял трубку.— Алло, Игорь Львович, что — приказ на Королеву у тебя уже пошел в кадры? Нет, ты отзови этот приказ, оказывается, дело тут такое, что нашу журналистку уголовный розыск попросил помочь, так было надо напечатать... Вы ее пригласите, успокойте... Ну? А где же она? Так найдите! Что, у вас в редакции никто не знает ее адреса, что ли?

Продолжение следует.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА МАРТЫНОВА

ГОСТЬ ИЗ ЛУКОМОРЬЯ

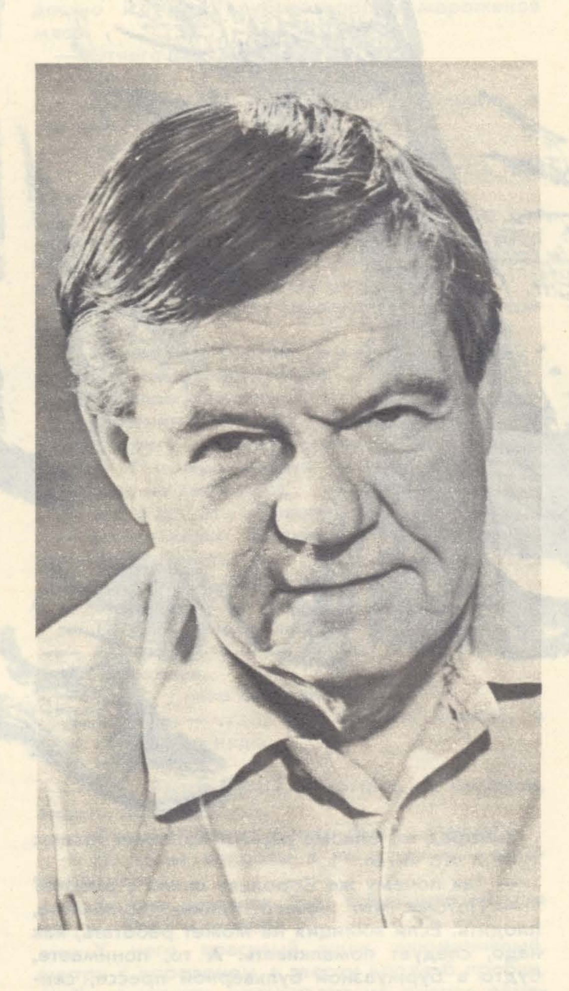
Однажды, в пятидесятых, я встретил Мартынова на Садовом кольце. Был душный августовский вечер, и он шел сквозь огни и людей, не смешиваясь с ними, своей особой странновато скачущей походкой, как будто пребывал в состоянии внутренней невесомости, и только невидимые свинцовые пластины, прибитые к подошвам, не позволяли ему взлететь над троллейбусами и крышами. Под мышкой у него был огромный арбуз, и Мартынов хрустел алым треугольником, вынутым из окошечка, где в сахаристо искрящейся мякоти чернели густые семечки. Столкнувшись со мной, Мартынов не удивился, а сразу, с ходу, сбивчиво заговорил о смещении воздушных течений, о дисгармонии внутри атмосферы, очевидно, продолжая свой монолог, до этого обращенный лишь к себе самому. В московской толпе этот человек был необыкновенно похож на Дедала, попавшего в двадцатый век. «Застыл он у подножья зданья, на архитектора похож, где, гикая и шарлатаня, толклась ночная молодежь. Откуда эта юность вышла и к цели движется какой? И тут сказал мне еле слышно старик, задев меня рукой: — С Икаром мы летели двое, и вдруг остался я один: на крыльях мальчика от зноя растаял воск. Упал мой сын».

Подергиваясь во время своего монолога, уводя куда-то поверх меня глаза, улыбаясь и пошмыгивая картошкообразным носом, Мартынов временами вдруг пронзительно концентрировал свой вроде бы рассеянный взгляд на мне, как будто бы спрашивая: «А не растают ли твои крылья?» Не случайно после себя он оставил невольно вырвавшийся завет: «И червь шипел в могильной яме, и птицы пели мне с ветвей: — Не шутит небо с сыновьями, оберегайте сыновей! И даже через хлопья пены неутихающих морей о том же пели мне сирены: — Оберегайте дочерей!» Мартынов никогда не был для меня учителем жизни, но он был редким настоящим поэтом, и уже само это учило меня и других отношению к слову. Мартынов создал свою неповторимую «мартыновскую интонацию», а это первое доказательство подлинности таланта. Никому до него в поэзии не удавалось найти, например, такую тончайшую интонационно обволакивающую форму: «Я закричал: — Я видел вас когда-то, хотя я вас и никогда не видел. Но тем не менье видел вас сегодня, хотя сегодня я не видел вас!»

Я настолько подпал однажды под колдовское влияние Мартынова, что написал совершенно «мартыновское» стихотворение «Окно выходит в белые деревья» и честно признался в том, посвятив стихотворение поэту, подарившему мне этот мелодический настрой.

Мартынов создал множество поэтических отливок, раз и навсегда врубившихся в сознание тех, кто любит поэзию: «Это почти неподвижности мука — мчаться куда-то со скоростью звука, зная прекрасно, что есть уже где-то некто, летящий со скоростью света!» или «И вскользь мне бросила змея: — У каждого судьба своя! — Но я-то знал, что так нельзя — жить, извиваясь и скользя». Блистательное стихотворение «След», написанное на одном выдохе, само по себе является развернутым афоризмом. Рубленость мартыновской строки не случайна, в отличие от многих стихотворцев, которых легко заподозрить в материальном неравнодушии к «лесенке». Порой слова у Мартынова звучат так, как будто они и рождались рублено, а не были ловко дровозаготовлены.

Вода
Благоволила
Литься!

Для лучших стихов Мартынова характерна метафорическая сгущенность, осязаемая плотность фактуры. «Богатый нищий жрет мороженое... Пусть жрет, пусть лопнет! Мы — враги!» Интересен факт происхождения последней строки. В первом авторском варианте она звучала так: «и вообще мы с ним враги». Ныне входящий в собрание сочинений Мартынова вариант был предложен автору Маргаритой Алигер, редактировавшей поэтический отдел альманаха «Литературная Москва». Мартынов согласился, потому что предложенная правка исходила не из самодурства или трусости, а из его собственного «мартыновского стиля». Редкий случай в нашей редактуре. Знаменитое «Лукоморье» вбивает само себя в память своей волшебной ненавязчивой навязчивостью: «Замечали — по городу ходит прохожий? Вы встречали — по городу ходит прохожий, вероятно, приезжий, на нас непохожий!» Вот он — первый набросок русского Дедала, не смешивающегося с ночной молодежью и думающего о своем солнце — о Лукоморье, тяга к которому может расплавить восковые крылья даже сквозь морозные туманы Гиперборей. Солнце, к которому тянешься, может быть выдуманным, но от этого не менее опасным, если крылья восковые. Герой Лукоморья — это провинциальный русский Дон Кихот, вооруженный лишь благородным оружием воображения, чья Дульсинея Тобосская — это Лукоморье. Главное в человеке — благородство, а точка приложения благородства может быть даже воображена. В поэзии Мартынова редко найдешь интимноисповедальную интонацию, и по его стихам не так легко воссоздать личностную историю автора. Поэт порой использует метафорическую оболочку, словно доспехи. Но когда разбираешься во взаимосцеплениях метафор, входишь глубже в мартыновский мир, в его многослойные подводные течения, то лицо автора проступает из-под всех прикрывающих его образов, точно так же, как во время тревожных, особых, мартыновских вьюг колышется все меховое, вспоминая свое иное, дошубное бытие. В стихах Мартынова ненависти нет. Но презрение есть — иногда усталое, но крепкое, устоявшееся: «А кто-то где-то много лет стремится сглаживать и править. Ну что ж! Дай бог ему оставить на мягком камне рыбий след». Есть у Мартынова и драгоценное прозрение: «И старой мудрости не жалко! Грядущий день, давай пророчь, какую кривду примет свалка назавтра, в будущую ночь!» Ключ к пониманию поэтической биографии Мартынова в его стихотворении о Геркулесе: «Мне кажется, что я воскрес. Я жил. Я звался Геркулес. Три тысячи пудов я весил. С корнями вырывал я лес. Рукой тянулся до небес. Садясь, ломал я спинки кресел. И умер я... И вот воскрес: нормальный рост, нормальный вес — я стал как все. Я добр, я весел. Я не ломаю спинки кресел... И все-таки я Геркулес».

Мартынов был Геркулесом уже в 1929 году, когда написал свою гениальную по прорыву в новую поэтическую интонацию «Реку Тишину». Дивное «Лукоморье» было написано еще в тридцатых, вместе с уникальными по очарованию мастерства поэмами «Поэзия как волшебство», «Домотканая Венера», «Правдивая история об Увенькае» и другими. Но тогда Геркулесом он никому не казался или очень немногим. Потом у него был большой перерыв в печатании, и мало кто захаживал на 11-ю Сокольническую, дом 11, квартира 11, где под этим чудодейным сочетанием номеров жил поэт-чудодей, заваленный подстрочниками Петефи и книгами по астрономии, мореплаванию, геологии. Подлинная слава пришла к Геркулесу, может быть, самому забывшему о том, что он Геркулес, когда в пятьдесят пятом «Молодая гвардия» издала тоненькую зелененькую книжку Мартынова, блестяще подобранную редактором В. Сякиным, и широкий, а не элитарный читатель наконец-то открыл для самого себя уже давно существовавшие для знатоков старые, но не потускневшие от времени шедевры. Признание было поздним, но молниеносным, и уже навсегда.

Не всегда «сахар был сладок и соль солона» в жизни Мартынова, но он стоически дождался своего часа, тратя время не на жалостливо-выпрашивательное выжидание, а на работу, и поэтому победил. В его лице победила и русская поэзия. Он жил вместе со своим временем, его победами и трагедиями. Он не любил критиков, для которых, по его словам, «И Маяковский был примерный мальчик», и о нем нужна серьезная аналитическая книга, а не свод славословий. Потеря Мартынова тяжела для русской поэзии, перенесшей за последние годы другие потери, которые, к сожалению, до сих пор не восполняются «племенем младым, незнакомым». Но именно к этому племени и обращены завещательные строки Мартынова: «А ты? Входя в дома любые — и в серые и в голубые, всходя на лестницы крутые, в квартиры, светом залитые, прислушиваясь к звону клавиш и на вопрос даря ответ, скажи: какой ты след оставишь? След, чтобы вытерли паркет и посмотрели косо вслед, или незримый прочный след в чужой душе на много лет?»

Евг. ЕВТУШЕНКО

КИНО И ФАНТАЗИЯ

Н. АЛЕКСЕЕВА,
специальный корреспондент «Огонька»

«Цена золота повышается! Но из этого не следует, что вам нужно: экономить всю свою жизнь; грабить банк; становиться волшебником; играть в Монте-Карло или ехать понапрасну в Клондайк... Делайте хороший фильм и приезжайте к нам на фестиваль. Золотой приз может стать вашим!» Заманчиво... На IV Всемирном фестивале мультипликационных фильмов в Загребе можно было увидеть такие шутливые объявления и призывы, исходящие от организаторов подобных же фестивалей в следующем году — в Варне, Аннеси, Оттаве.

Не знаю, что будет на другом фестивале, но здесь, в Югославии, так и вышло: московский режиссер Юрий Норштейн «сделал хороший фильм» и получил Гран-при!

Надо признаться, что советская делегация — режиссеры И. Гаранина, Ф. Хитрук, Б. Степанцев и директор «Союзмультфильма» Д. Зотов — в какой-то мере была подготовлена к этой победе: столь восторженно приветствовал зрительный зал «Сказку сказок». А ведь ее показывали поздно ночью. Далеко не каждый мультфильм вызывал бурные эмоции весьма требовательной аудитории, не каждый удерживал зрителей в зале...

За последние годы мультипликация сильно «помудрела». Сегодня она заставляет и взрослого человека задумываться, размышлять. Как никакое другое искусство, она способна воздействовать на воображение, будить фантазию. Если художественное кино воссоздает жизнь, то мультипликация в силу своей специфики способна как бы материализовать на экране самую мысль, идею, развить ее, проследить логику и привести зрителя к четкому выводу.

Если художник неясно себе представляет, что именно хочет сказать зрителю,— он не в силах надолго задержать его внимание. Утомительно следить за чьей-то скачущей, расплывчатой, непоследовательной мыслью, за чьим-то потоком сознания, в каком бы оригинальном изобразительном решении они ни предстали перед нами... К сожалению, таких фильмов в Загребе было предостаточно. В них было все: сочеталась графика с куклами, рисованные персонажи сталкивались с кинохроникой, пластилин соседствовал с бумажными фигурками. Но никакая виртуозная техника, никакие живописные шедевры не могли возместить отсутствия мысли, четкого мировоззрения художника: цепь смутных ассоциаций, внешне многозначительных символов заставляла зрителей томиться и тосковать. И до чего же было отрадно на одном из таких просмотров вдруг увидеть в каком-то из фильмов маленький отрывок из диснеевского «мультика». Словно свежий ветерок подул...

Конечно, было бы неверным говорить нелестные слова обо всех фильмах; этот наиболее представительный форум мультипликаторов показал зрителям немало талантливых работ, посвященных разным темам. Здесь и творческий процесс художника — его «взаимоотношения» со своими персонажами («Контуры смеха», Канада); и дети, их право на мирную жизнь, на счастье («Шаг за шагом», США); борьба нового с невежеством, рутиной («Три изобретателя», Франция); человек и природа («Тир», ЧССР)...

Многие интересные фильмы, в том числе, разумеется, и картины, затрагивающие социальные проблемы, были отмечены печатью пессимизма, «черного» юмора. Так, например, награжденная лента «Последний луч солнца» (СФРЮ) рассказывает нам о ближайшем будущем, когда весь мир будет погружен в гарь, копоть, дым заводов и городов. Маленький серый человечек, в чьей комнатке висит портрет Джоконды в противогазе, вдруг замечает тонкий луч солнца, каким-то чудом пробившийся сквозь жирное черное облако. Человечек начинает подниматься по пожарной лестнице на крышу небоскреба, мимо окон, за которыми предстает страшный мир: кто-то кого-то убивает топором; красногубый вурдалак загрызает женщину и т. д. Добравшись до вершины, человечек в гневном и бессильном исступлении падает на колени: солнце оказалось неоновым! На вершине небоскреба желтым светом горит реклама...

Или вот коротенький и вроде бы веселый фильм «Драма в лесу» (Франция)... Новый вариант «Красной Шапочки». Придя к бабушке, девочка видит Волка (который, съев бабушку, как и положено по сказке, лежит в кровати), спокойно вынимает из корзиночки с пирожками пистолет и стреляет Волку в лоб. Брызжет кровь... Конец фильма. Да, с нынешними Красными Шапочками надо быть поосторожнее.

А картину «Убо» (Англия) просто невозможно смотреть без содрогания. Сделанная технически, по мнению специалистов, блестяще, она поражает уродством персонажей, их грубостью... Между прочим, меня, да и не только меня, тут не раз удивлял облик персонажей тех или иных мультфильмов: уродливые дети, звери, уродливые фигуры, позы — даже в детских мультфильмах! Какая-то странная болезнь художников — эстетизация уродства, любование им... Мне довелось говорить с президентом АСИФА — Международной ассоциации мульткино — Джоном Халасом. Знаменитого английского мультипликатора беспокоит это явление: «Думаю, что тут проявляется упадочное, мрачное настроение создателей фильмов. У одних это вызвано объективными причинами, в том числе и требованиями предпринимателей, субсидирующих мультфильм и ожидающих от него прибыли. А другие просто считают, что так сейчас модно. Мультипликация — сложное искусство. Как и любое другое, оно неотрывно от жизни: откликается на все беды века и опирается на его достижения...»

Кстати, если говорить о достижениях века в самой технике мультипликации, то вспоминаются многочасовые споры и дискуссии членов АСИФА в Загребе на тему: что же такое мультфильм? Дело в том, что XX век принес в это искусство такие понятия, как мультипликации телевизионная, компьютерная и даже голографическая. И мастера кино обдумывали, какая же из них имеет право участвовать в фестивальных конкурсах, а какая — нет. Одни говорили, что, например, компьютерная мультипликация — это математика, а не искусство, другие настаивали на том, что за ней будущее...

Рассказывая о Загребе, нельзя не упомянуть об атмосфере дружбы и доброжелательности: организаторы фестиваля сделали все возможное, чтобы гости из тридцати стран могли общаться, обмениваться творческим опытом. Было радостно, когда, узнав о Гран-при, к нам подходили мастера мультипликации разных стран, поздравляли, дарили свои рисунки.

А ведь советский фильм длится почти полчаса. К тому же картина близка именно советским людям, лента автобиографична, пронизана воспоминаниями о войне, какой она была и осталась в детском восприятии художника. Колыбельная матери; женщины, провожающие мужей на фронт и не дождавшиеся их; трудные годы в старом деревянном доме... «Серенький волчок», о котором поется в колыбельной, смотрит из тех лет на зрителя грустными, все понимающими глазами, не позволяя забыть о пережитом...

Фильм построен на разновременных ассоциациях, на детской фантазии. И это как раз тот случай, когда автор знает, во имя чего и что он делает. Потому-то «Сказка сказок» стала близка и понятна всем.

Загреб — Москва.

В музее института машиноведения имени А. А. Благонравова АН СССР.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ

Есть в Москве на улице Грибоедова пятиэтажное здание, облицованное снизу красным гранитом. Его с полным правом можно назвать историческим: в нем неоднократно выступал В. И. Ленин, а в 1918 году здесь состоялся I съезд комсомола. В этом здании, бывшем свидетелем исторических событий, теперь находится научно-исследовательский институт машиноведения Академии наук СССР.

Недавно здесь были открыты мемориальные доски, посвященные двум выдающимся ученым, крупнейшим инженерам нашей страны, связанным с институтом своей многолетней деятельностью, — А. А. Благонравову и И. И. Артоболевскому.

Институт носит теперь имя дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии академика Анатолия Аркадьевича Благонравова. Круг его интересов был очень широк: это и исследования в области стрелкового и автоматического оружия и геофизические исследования с помощью высотных ракет и искусственных спутников. При его непосредственном участии институтом разработаны новые методы расчета на прочность, которые были использованы при создании атомных электростанций, гидротурбин, гигантских прессов...

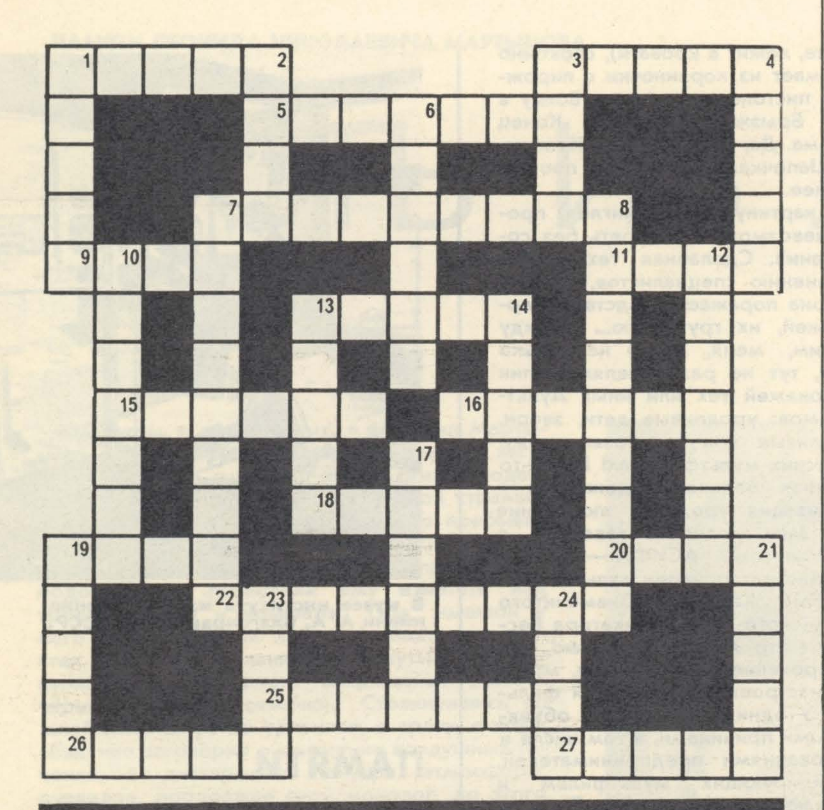
Почти тридцать лет работал в институте Герой Социалистического Труда академик Иван Иванович Артоболевский — основоположник советской школы теории машин и механизмов. Ему, единственному в Советском Союзе, Институт инженеров-механиков Великобритании присудил медаль имени Джеймса Уатта — высшую награду в мире для ученых-механиков.

— Вопросы взаимоотношения человека и машины, которыми занимались академики, — рассказывает ученый секретарь института машиноведения Михаил Кузьмич Усков, — и сейчас в центре внимания специалистов. Например, человек, работая на машине, испытывает на себе влияние вибрации. Как исключить профессиональные заболевания, связанные с вибрацией, как создать виброзащитные устройства? Ответ на этот вопрос ищут ученые нашего института...

Ученые, педагоги А. А. Благонравов и И. И. Артоболевский воспитали много учеников. Некоторые из них уже стали кандидатами, докторами наук. И им предстоит участвовать в решении сложных задач, стоящих перед машиноведением — наукой о машинах.

И. МИХЕЕВА

Фото М. Савина

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Маршал Советского Союза. 3. Головной убор. 5. Штат США 7. Советский композитор. 9. Приток Волги. 11. Опера Д. Верди. 13. Минерал, обладающий самой высокой твердостью. 15. Месяц года. 16. Главный персонаж поэтического произведения А. С. Пушкина. 18. Момент начала спортивного состязания. 19. Яровой злак. 20. Малая планета. 22. Систематизированное собрание однородных предметов. 25. Медленный темп в музыке. 26. Работа на судне всей командой 27. Часть электрической машины.

По вертикали: 1. Спортивный приз. 2. Сосуд для фруктов, цветов. 3. Сатирическая пьеса В. В. Маяковского. 4. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 6 Порт в Грузии. 7. Центр края в РСФСР. 8. Судоходство, мореплавание. 10. Русский писатель XIX века. 12. Советский живописец, график и скульптор. 13. Сборник географических карт. 14. Наивысшая точка небесной сферы 17. Листовой древесный материал. 19. Кремнистая горная порода. 21. Денежная единица. 23. Выпуклая замкнутая кривая. 24. Мысль, намерение, план.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Скабиоза. 7. Киргизия. 8. Мастихин. 9. Широта. 11. Тарань. 13. Женева. 14. Рапира. 16. «Птичка». 18. Гага. 19. Триоль. 20. Дорога. 21. Глюк. 23. Стайер. 25. Станок 27. «Пастух». 28. Роберт. 30. Статуя 31. Андреева. 32. Виктория. 33. Обоняние.

По вертикали: 1. Ткачиха. 2. Пойма. 3. Грунт. 4. Нивяник 6. Айсберг. 7. Каховка. 10. Термометр 12. Авторитет. 15. Парта. 17. Чугун. 21. Гвардия. 22. Кружево. 24. Тройкин. 26. Окучник. 29. Татры. 30. Самош.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Латвия. Бирута Калпиня работает на ВЭФе монтажницей квазиэлектронных АТС. * Литва. Клайпедский рыбный порт. * Эстония. У рыбаков острова Абрука (см. в номере материал «День рождения»).

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы художника Г. Д. Чечулиной (см. в номере материал «Скульптура из фарфора»).

Фото И. Тункеля

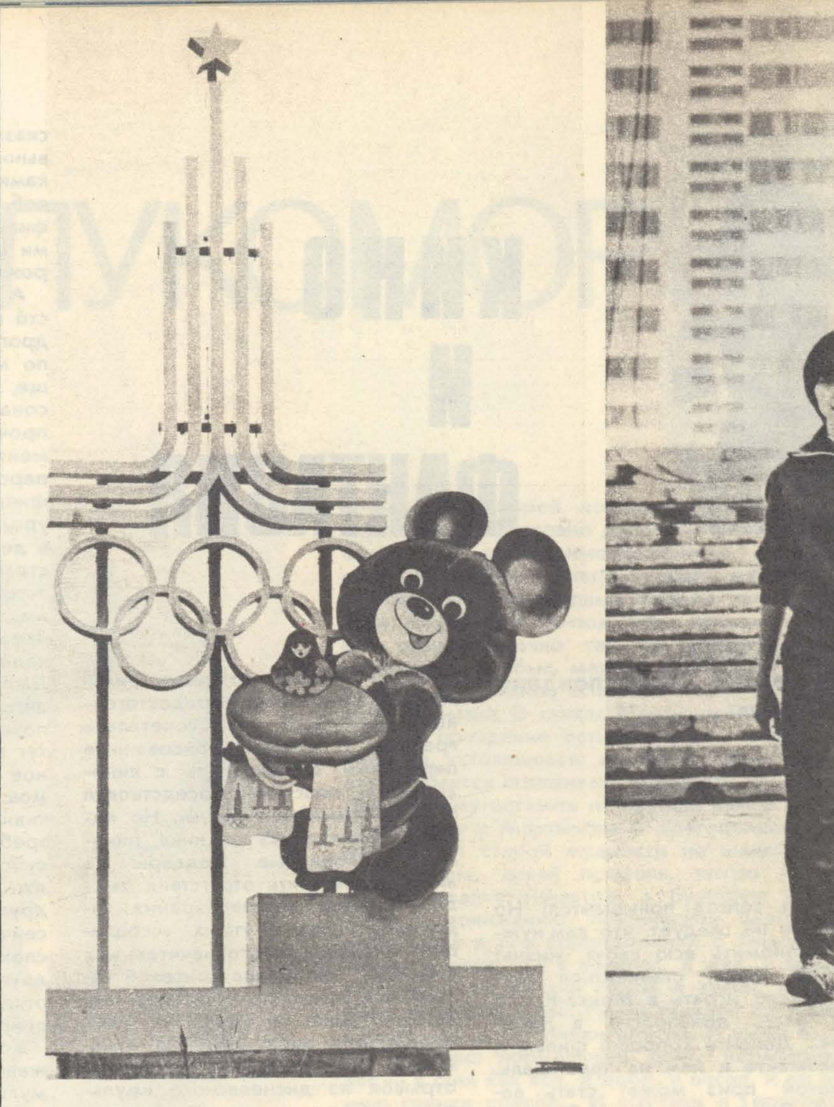
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей—214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран—250-24-21; Искусств—250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформления—212-15-77; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.06.80. Подписано к печати 01.07.80 А 10065. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1513. Заказ № 2484.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП улица «Правды», 24.

ОЛИМПИ

Фото А. БОЧИНИНА

Жилые дома должны быть согреты человеческим дыханием. Об этом мы подумали, побывав в Олимпийской деревне за несколько дней до ее открытия. В уши бросалась тишина (если так можно сказать, перефразировав общераспространенное «бросалось в глаза»): восемнадцать домов, три тысячи четыреста квартир стояли готовые к приему жильцов, но те еще находились в пути. И вот первые новоселы появились 27 июня и заняли квартиры в корпусе № 18. Это были спортсмены Сейшельских островов. Но, несмотря на то, что им очень понравились удобные комнаты и, наверное, хотелось передохнуть после долгой дороги, спортсмены тут же отправились на тренировку.

Вслед за сейшельцами поздно вечером в Олимпийской деревне появились сирийцы — 141 спортсмен, и им пришлось дожидаться утра для того, чтобы провести первую тренировку, так же как делегации Пуэрто-Рико, прибывшей третьей. А вслед за первой тройкой в Олимпийской деревне «прописались» спортсмены Камеруна, Лаоса, Вьетнама, Ботсваны, Кубы, Польши, Италии, ГДР.

Зажегся свет в окнах шестнадцатиэтажных башен, ожил главный проспект, а в культурном центре в понедельник состоялся первый концерт.

В. ВИКТОРОВ

Вьетнамские спортсмены в Москве.

ЙСКИЕ НОВОСЕЛЫ

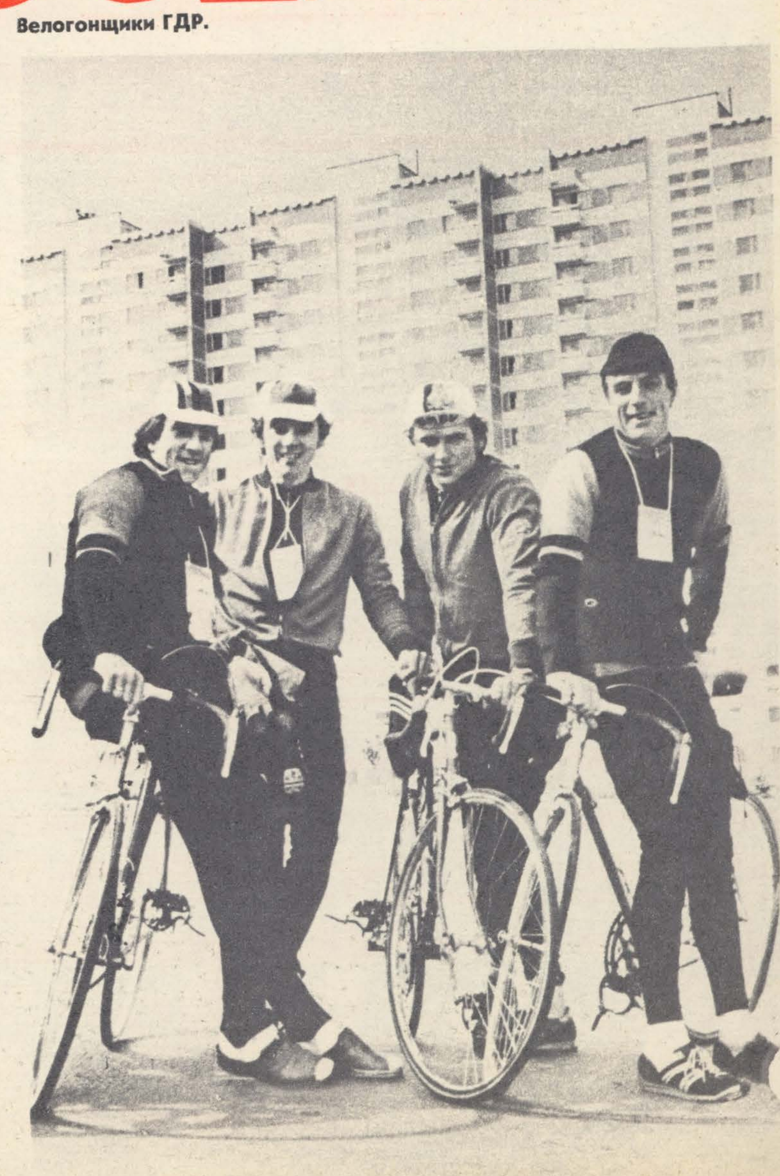
Велогонщики ГДР.

На первой тренировке атлеты Сейшельских островов.

Сирийцы в Олимпийской деревне.

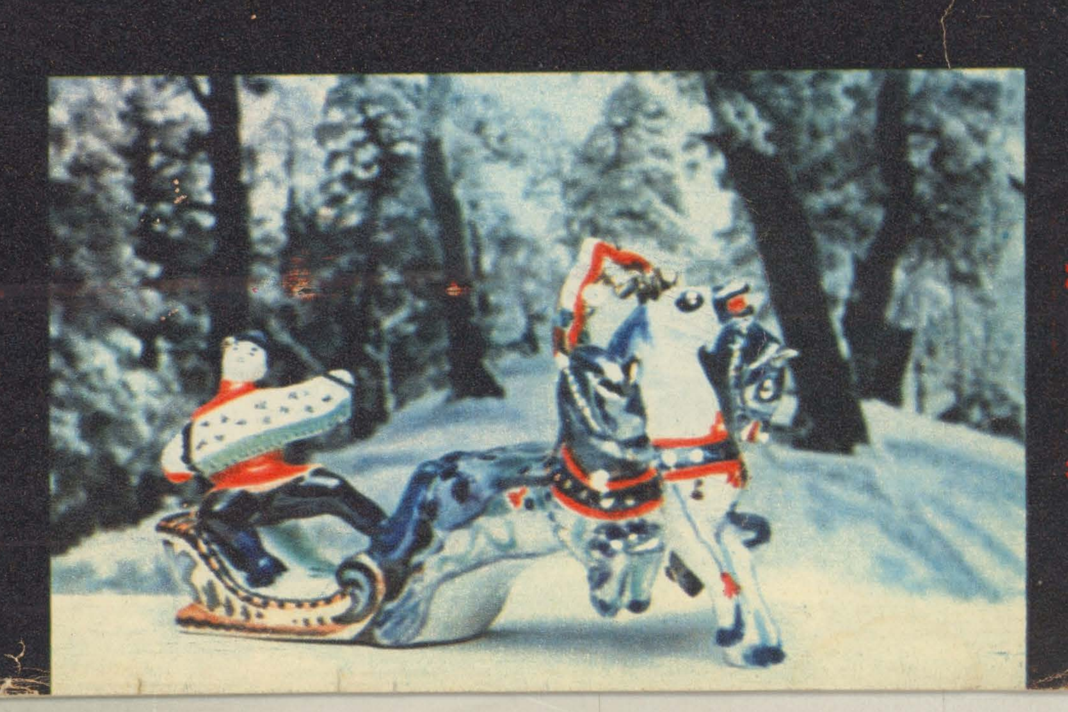

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70683